Рожков, Н.
Рассказы из русск. истории...
М.-Л. 1925.
168821.

НИЛ — Библиотека
ГБ5
Р728

ГБС
Р228

Н. РОЖКОВ

РАССКАЗЫ ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ

ЛЕНИНГРАД „КНИГА“ МОСКВА
1925

Н. РОЖКОВ

РАССКАЗЫ ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

168821.
84
С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИГА“
Ленинград — 1925 — Москва

Типография им. Володарского, аренд. «Красной Газетой».
Ленинград, Фонтанка, 57.

ГБЗ
Р 728

Ленинградский Гублит № 2475 Напечатано 4.000 экз.—10.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В 1902 г. в журнале „Образование“ пишущий эти строки выступил с планом изучения русской истории в средней общеобразовательной школе по первоисточникам. Эта статья, тогда излагавшая в значительной степени новый взгляд, практически проверенный автором при преподавании, с тех пор не раз цитировалась в методиках истории.

Убеждение в правильности этого метода и теперь совершенно твердо у автора. Совершенно уверен он так же, что историческое образование, имеющее в виду, конечно, социологические обобщения, полно глубокого значения для всякого. Не претендуя на то, чтобы предлагаемые рассказы из русской истории служили школьным пособием, автор надеется, что для лиц, ищущих самообразования, они принесут свою долю пользы.

Читатель заметит, конечно, что „Рассказы из русской истории“, опираясь на первоисточники и их анализ, — без крайностей, однако, и в применении и этого метода — имеют в виду установление закономерности общественных явлений на основе исторического материализма. Учение Риккерта о неповторяемости исторических явлений, о второстепенности исторической закономерности и о важности неповторяющегося, инди-

видуального, единичного автор считает совершенно ложным и признает необходимым бороться с этим учением, сильно распространенным среди большинства историков, в том числе и русских. Одним из средств этой борьбы являются и „Рассказы из русской истории".

Настоящий выпуск, посвященный девятнадцатому веку, является только одним из выпусков. Он будет дополнен выпусками, касающимися предшествующих веков русской истории, а также выпуском, посвященным XX веку.

Разложение крепостного хозяйства.

I.

Новая земледельческая техника.

„Англичане мои приехали, и мы спешим поскорее поправлять нехорошую и совсем испорченную землю; теперь возят болотную горную землю, известку и навоз на поля, и земли будущею весною будет на 180 дес. засеяно, и хотят ферму завесть на 300 и более десятин, для чего и действуют машины над срубленным лесом и обращают место в богатое поле. Доколе у нас не прибавится втрое жителей в хлебородных губерниях, дотоле заведения английского обрабатывания земель не будут нужны; но здесь они и выгодны и доходны чрезвычайно сеянием трав и овощами".

...„Хлебопашество мое идет, как нельзя лучше. Машинист ставит молотильную машину, совсем нового построения, и мельницу, коя достойна быть показана хозяевам. Я очень рад, что испытания над удобриванием здешнего качества земли черною болотною землею совершенно все награждены совершенным успехом. Горох на три десятины, на коих высеяно Дрилем 15 четвериков, несмотря на поздний посев и самое сухое лето, дал 28 четвертей; картофель, коего снято

с унавоженной просто земли по 75 четвертей с десятины, на той, где была черная болотная земля, родил 108 четвертей".

Так в 1803 и 1804 годах писал граф Ростопчин князю Цицианову. Какое значение имеют эти письма? На что они указывают? Разберемся подробнее в их тексте.

„Англичане", о которых пишет Ростопчин, — это специалисты по новому, улучшенному английскому сельскому хозяйству, выписанные им из заграницы и оплачиваемые особым жалованьем. Как видно из письма, первое, чем они занялись, было улучшенное удобрение земли: не только навозом, но и болотной черной землей и известью. Затем на расчищенном от леса месте стали действовать машины, чтобы „обратить место в богатое поле". В черноземной полосе, свидетельствует далее Ростопчин, английская обработка земли будет выгодна лишь тогда, когда население там увеличится втрое, но в нечерноземной („здесь") она уже теперь очень выгодна и доходна „сеянием трав и овощами"; значит, травосеяние (посевы клевера, вики, тимофеевки) и огородничество — важные признаки вновь вводимого хозяйства, очень притом выгодные для русских помещиков нечерноземной полосы. Наконец, второй отрывок из письма свидетельствует об устройстве новой молотилки и усовершенствованной мельницы, о применении сеялки Дриля и о повышении урожайности — об успешных результатах нового хозяйства по английской системе.

Крепостное сельское хозяйство XVIII века было по преимуществу трехпольным: треть пахотной земли засевалась яровым хлебом, другая треть озимым, а третья оставалась под паром и удобрялась навозом. Это — в лучшем случае. В худшем существовало перелож-

ное или залежное хозяйство, когда земля совсем не удобрялась, а естественным путем отдыха восстановляла свои производительные силы, почему такой залежи или перелогу надо было отдыхать не один год, а пять или десять лет, и, следовательно, засеваемая пашня составляла пятую или десятую часть всей пахотной земли. Распахивалась эта земля и засевалась простыми способами: пахали сохой, сеяли руками, молотили цепами, машин не было, травосеяния и полевого огородничества не существовало.

И вдруг, в начале XIX века, какая перемена! В черноземной России оставалось еще все по-старому, но в нечерноземной завели: 1) улучшенное удобрение, 2) посевы картофеля, овощей, трав, 3) машины (молотилки, сеялки), 4) новый наемный труд специалистов-техников, агрономов, руководителей нового сельского хозяйства.

Для чего введено улучшенное удобрение? Ясно для чего: хотели достигнуть этим большего, более обильного урожая.

Картофель дает плоды, скрытые в земле, плоды его — его корни; это — корнеплод. Овощи — такие, как морковь, репа, свекла, — тоже корнеплоды. Для чего введены эти корнеплоды, прежде не сеявшиеся или совсем или, по крайней мере, в таком количестве, как теперь?

Дело в том, что корнеплоды дают почве то, что нужно для произрастания зерновых хлебов (ржи, пшеницы, ячменя, овса, гречихи) и, в свою очередь, берут от почвы то, что ей дается зерновыми хлебами. Значит, зерновые хлеба и корнеплоды оказывают друг другу услуги, взаимно помогают им расти и давать хороший урожай, особенно при улучшенном удобрении. Следовательно, можно не запускать землю под

пар, тем более под залежь, а сменять на ней корнеплоды зерновыми хлебами. Такой порядок земледельческого производства, когда пар и залежь уничтожаются, и на пашне корнеплоды и зерновые хлеба взаимно сменяются, называется плодосменной системой хозяйства или короче плодосменом.

В хозяйстве Ростопчина в начале XIX века вводится уже, следовательно, плодосмен.

Но кроме того сеялись кормовые травы. Для чего?

Для того, во-первых, чтобы дать лучший корм скоту и тем поднять скотоводство и сверх того и земледелию дать для удобрения лучший навоз и больше его по количеству. А затем, во-вторых, также и для того, чтобы уничтожить и этим пар и даже отчасти удобрить лучше землю: после косьбы клевера остаются в земле его корни, утучняющие почву.

Машины употребляются для того, чтобы и лучше и скорее исполнить земледельческие работы.

Наконец, наемные техники-руководители необходимы, чтобы правильно, без ошибок, систематично и выгодно вести новое хозяйство.

Из сказанного ясно, какова была конечная цель всего этого нового хозяйства: надо было, чтобы ни одного клочка земли не пропадало даром, чтобы вся земля давала возможно больший урожай, чтобы для этого употреблены были все силы и средства.

Очевидно, большой урожай стал особенно выгодным в нечерноземной полосе России.

И это ясно понимал в начале XIX века не один Ростопчин: целый ряд помещиков того времени вводили в своих имениях плодосмен, травосеяние, машины и улучшенное удобрение. При плодосмене и травосеянии получается уже не три поля, а четыре, пять

и более,—получается многополье. Плодосменное, травопольное, многопольное хозяйство применялось уже в десятках и сотнях помещичьих имений в двадцатых, тридцатых, сороковых и пятидесятых годах XIX в., причем позднее примеры этого встречаются не только в нечерноземных губерниях — Петербургской, Московской, Ярославской, Нижегородской, Тверской, Смоленской, но и в получерноземных — Тульской и Калужской и в таких чисто земледельческих черноземных губерниях, как Тамбовская. Самыми известными такими новыми хозяевами были тверской помещик Шелехов и калужский Полторацкий, имевший особенно много подражателей.

Новая земледельческая техника в передовых помещичьих хозяйствах, вторгавшаяся отдельными струйками в старое крепостное трехполье, и являлась первым признаком начавшегося разложения крепостного хозяйства.

Чем же вызваны были эти новые явления в передовом помещичьем хозяйстве? Каковы были их причины? Ответ на эти вопросы дает изучение условий сельскохозяйственного рынка.

II.

Условия сельскохозяйственного рынка.

Цены одной десятины земли в южных и средних черноземных губерниях:

в XVIII веке	в 30-х годах XIX в.	в 1858 г.
1 р. 50 к. серебр.	12 руб. сер.	25 р. сер.

Из этой таблички можно сделать тот вывод, что цены на землю в земледельческой части России увеличились с конца XVIII в. до 30-х годов XIX в во-

семь раз, а до конца пятидесятых годов XIX в. почти в 17 раз. Имеют ли эти цифры значение для характеристики сельскохозяйственного рынка, т.-е. сбыта, главным образом, хлеба?

Цены на землю бывают тем выше, чем выше доход с земли, земельная рента. Земельная рента тем выше, чем выше цены на хлеб. А цены на хлеб тем выше, чем больше спрос на хлеб, т.-е. чем шире, обширнее хлебный рынок. Следовательно, рост цен на землю имеет значение для характеристики хлебного рынка: чем выше цены на землю, тем обширнее хлебный рынок. Русский хлебный рынок вырос с конца XVIII в. к тридцатым годам XIX в 8 раз, а к концу пятидесятых в 17 раз, сравнительно же с тридцатыми годами более, чем вдвое.

Был ли этот рост внутреннего или внешнего хлебного рынка, т.-е. продавался ли хлеб, главным образом, внутри России или он по преимуществу вывозился заграницу?

Для ответа на этот вопрос надо принять во внимание следующие данные о русской внешней хлебной торговле.

Процент ценности хлебного вывоза по отношению к ценности всего русского вывоза:

в XVIII в.	в 20-х и 30-х г.г.	в 1840 г.	в 1850 г.
7%	7%	17%	38%

Итак, в XVIII веке и в двадцатых и тридцатых годах XIX в. (если не считать отдельных, исключительных, очень редких годов) русский хлебный вывоз был ничтожен; он сильно стал увеличиваться с 1840 года, а к пятидесятым годам увеличился сравнительно с XVIII в. в 5½ раз, а сравнительно с 1840 годом более, чем вдвое.

Этот вывод надо сопоставить с выводом об общем расширении хлебного рынка с конца XVIII в. до 50-х годов XIX; мы видели, что хлебный рынок весь — и внутренний и внешний — за это время вырос в 17 раз и даже к 30-м годам в 8 раз. Значит, во-первых, рост хлебного рынка до тридцатых годов всецело приходился на расширение внутреннего сбыта, во-вторых, развитие внешнего рынка наблюдается только в 40-х и 50-х годах, причем оно все же отстает от роста рынка внутреннего.

Итак, причиной, побуждавшей передовых русских помещиков увеличивать производство хлеба, улучшать систему хозяйства был сначала исключительно рост внутреннего хлебного рынка; только с начала сороковых годов сюда присоединяется влияние спроса на хлеб на рынке внешнем; это влияние становится значительным, но оно все же остается до конца меньшим, чем развитие спроса на хлеб внутри России.

III.

Разложение крепостнических и возникновение капиталистических форм сельскохозяйственного производства.

Передовые русские помещики, стремившиеся к увеличению своего земледельческого дохода, сначала ограничивались тем, что старались улучшить систему земледелия, ввести машины и искусственное удобрение, т.-е. изменить технику хозяйства, не меняя его форм, сохраняя крепостные барщину и оброк. Но уже первые 20 или 25 лет этих опытов показали, что перемен в одной технике недостаточно,—надо было изменить и формы. В каком смысле и почему?

Чтобы дать обоснованный и осмысленный ответ

на эти вопросы, познакомимся опять с тем материалом, который нам дают источники.

Прежде всего, присмотримся к судьбам крепостных барщины и оброка между половиной XVIII и половиной XIX века. Процент барщинных и оброчных крепостных крестьян видоизменялся за это время в отдельных губерниях следующим образом:

	Половина XVIII в.		Половина XIX в.	
ГУБЕРНИИ.	% барщинных крестьян.	% оброчн. крестьян.	% барщин. крестьян.	% оброчн. крестьян.
Курская . .	92%	8%	75,5%	24,5%
Тульская . .	92%	8%	75%	25%
Рязанская .	75%	25%	62%	38%
Орловская .	68%	32%	72%	28%
Воронежская	47%	53%	55%	45%
Псковская .	79%	21%	77%	23%
Смоленская .	70%	30%	73%	27%
Московская .	64%	36%	32%	68%
Тверская . .	54%	46%	59%	41%
Новгородск.	51%	49%	54,4%	45,6%
Владимирск.	50%	50%	30%	70%
Калужская .	42%	58%	45%	55%
Олонецкая .	34%	66%	28%	72%
Ярославская	22%	78%	12,6%	87,4%
Нижегородск.	18%	82%	32%	68%
Вологодская	17%	83%	16%	84%
Костромская	15%	85%	12,5%	87,5%

Итак в большинстве губерний наблюдалось к половине XIX в. сравнительно с половиной XVIII столетия сокращение процента барщинных крестьян

и увеличение процента крестьян оброчных. Барщина, конечно, более тяжелая форма крепостного труда, чем оброк. Поэтому сокращение барщинного труда и рост оброчного — доказательство ослабления, разложения крепостного хозяйства.

Правда, в восьми губерниях барщина относительно возросла, а оброчная система сократилась. Но это — губернии, по преимуществу, черноземные, слабее населенные, где более большая нужда в сельскохозяйственных рабочих и где поэтому, помимо того, что использовался по возможности весь подходящий крепостной труд, помещики пользовались дополнительно еще трудом вольнонаемным, так что общий облик форм хозяйства именно вследствие этой примеси наемного труда получал и здесь уже далеко не крепостную окраску.

Итак разложение крепостных форм сельскохозяйственного производства несомненно. Но наряду с этим, в передовых помещичьих хозяйствах возникали новые капиталистические и переходные к капиталистическим формы хозяйства. Вот характерные образцы тех и других:

Из переходных форм первая, самая первоначальная, заключалась в том, что помещик сокращал размеры барской запашки и давал больше земли крестьянам, но под условием хорошей работы на барина, причем на сокращенной площади барской пашни заводилось улучшенное хозяйство. При таких условиях лучшая обработка достигалась увеличением крестьянского надела, причем это увеличение играло роль повышенной заработной платы, и хотя барщина сохранялась, но она таким образом принимала форму переходную от крепостной к капиталистической — наемной. Так бывало, напр., в Калужской и Ярославской губерниях в тридцатых годах.

Вторая переходная форма заключалась в том, что крепостные, обязанные барщиной, сами ее не исполняли, а нанимали вместо себя свободных рабочих. Примеры имеются в Московской губернии сороковых годов.

Третья переходная форма состояла в том, что в пятидесятых годах XIX века во Владимирской и Черниговской губерниях довольно часто помещики, в прибавок к крепостным барщинникам, дополнительно нанимали свободных рабочих.

Наконец, нередко в сороковых и пятидесятых годах применялся чистый вольнонаемный труд, без всякой примеси барщины. Так было тогда в Нижегородской губернии у Чаадаева, в Рязанской у Александрова, в ряде имений Тамбовской губернии, в Тульской губернии у графа Бобринского и Хрущова, причем у Бобринского за денежную заработную плату работали его собственные крепостные.

Почему так было? Это нетрудно понять, имея в виду, с одной стороны, что крепостной барщинный рабочий, исполняя свои обязанности неохотно, поневоле, без всякой для себя выгоды, работает так плохо, как только можно, а с другой, что улучшенное хозяйство требовало более напряженного, хорошего, квалифицированного, т. - е. высшего по качеству, труда, получить который можно было только посредством его повышенной оплаты. Барщинный труд становился невыгодным для более передовых помещиков, заводивших технические нововведения. В Тульской губернии у помещиков при барщине доход был вчетверо меньше, чем при сдаче земли в аренду. В Московской губернии в сороковых годах вольнонаемный труд давал втрое больший доход, чем труд крепостной. В то же время крепостное барщинное хозяйство в Ря-

занской губернии давало 10% чистого дохода, а вольнонаемное — 20%. В Саратовской губернии купеческие имения, работавшие свободным наемным трудом, давали 57% дохода.

Из всего предыдущего следует несомненный, прочно обоснованный источниками, вывод: передовые помещики, особенно сороковых и пятидесятых годов, на деле уже превращались в настоящих капиталистических предпринимателей, перерождались в буржуазию и потому заинтересованы были в отмене крепостного права.

IV.

Разложение крепостной мануфактуры и образование новой фабрики.

Русская фабрика XVIII века была не фабрикой в собственном смысле этого слова, а мануфактурой: работа на ней производилась руками при помощи самых простых инструментов, как в ремесленной мастерской, так и в кустарной избе. Фабрикой называется такое промышленное предприятие, где существует машинный труд, работают при помощи машин, действующих под влиянием механического двигателя — парового или электрического. Первой в России новой фабрикой была хлопчатобумажная фабрика Осовского, основанная в Петербурге в 1805 году. С тех пор с каждым годом число фабрик, пользовавшихся паровыми машинами, стало непрерывно возрастать.

Это немедленно отразилось и не могло не отразиться на формах труда фабричных рабочих. В XVIII веке эти формы были несвободными — крепостными — барщинными на помещичьих фабриках и посессионными на фабриках купеческих и крестьянских; так как

купцы и крестьяне не имели права владеть крепостными крестьянами, то в 1721 г. Петр Великий издал закон, по которому купцы и крестьяне получили право покупать к своим заводам и фабрикам рабочих с тем, чтобы эти рабочие были крепки не им лично, а заводам и фабрикам и не могли продаваться отдельно от заводов и фабрик; такие рабочие и получили название посессионных. Крепостной и посессионный труд был невыгоден на новых фабриках, потому что обращаться с машинами могли только обученные, квалифицированные рабочие. Притом же и нанимать чужих крепостных и обучать их новым фабрикантам было невыгодно: только-что отпущенный на оброк его барином крепостной обучится машинной работе, как его господин захочет его снять с оброка, вернуть на барщину, и все обучение пойдет прахом, фабрика лишится хорошего рабочего. Правда, в 1835 г., по настоянию новых фабрикантов, издан был закон, запрещающий помещикам вызывать к себе обратно до истечения срока отпуска на оброк их крепостных, но это лишь на время обеспечивало фабрикантов: по истечении срока они могли все-таки потерять обученного рабочего. Наконец, невыгодно было и фабрикантам и рабочим и то, что заработная плата рабочих должна была покрывать не только стоимость содержания рабочего и его семьи, но и оброк, уплачиваемый им помещику.

По всем этим причинам новые фабриканты являлись сторонниками отмены крепостного права в России. И вместе с тем, несмотря на все затруднения, связанные с существованием крепостного права, новые фабрики с машинным производством успешно конкурировали с крепостными и посессионными фабриками. И потому в первой половине XIX века дворянские крепостные и купеческо-крестьянские посессионные фаб-

рики падают и заменяются фабриками и заводами, основанными на применении наемного труда.

В 1825 году дворянские крепостные фабрики составляли еще 35% числа всех русских фабик; в тридцатых годах их осталось только 15%, а в сороковых лишь 5%. Уже в 1825 г. 54% фабричных рабочих в России работали по вольному найму. В 1840 году владельцам поссессионных фабрик разрешено было освобождать своих рабочих, и сразу же 103 фабрики — более половины всех поссессионных фабрик — перешли к вольнонаемному труду.

Таким образом и в обрабатывающей промышленности (индустрии) старое крепостное хозяйство постепенно разлагалось и заменялось новым, и новые фабриканты, как и их рабочие, являлись также противниками сохранения крепостного права и сторонниками его отмены.

V.

Перемены в крестьянском хозяйстве.

Крепостное право всегда тяжким гнетом ложилось на крестьянство. Но его все-таки, скрепя сердце, крестьяне — главная их масса — терпели, выносили. Почему?

Потому, что помещичья опека помогала крестьянам приспособить свое хозяйство к условиям торгового капитализма, которые начали утверждаться в России с XVI века и окончательно восторжествовали в XVIII столетии. Конечно, помещики хозяйствовали в своих собственных интересах, но эти интересы обязывали сколько-нибудь разумного помещика поддерживать и крестьянское хозяйство, не допускать его до полного крушения и разорения: надо же было овце обрасти шерстью, чтобы можно было ее обстричь.

Передовые, более свободолюбивые, талантливые, молодые, горячие элементы в крестьянстве не мирились с крепостным правом никогда, всегда с ним боролись, с самого его начала: вспомним бунты Болотникова, Разина, Булавина, Пугачова. Но масса в большей своей части долго терпела, пока помещичья опека давала крестьянству хоть что-нибудь.

Однако, в XIX веке те времена прошли. Опека помещиков, гнет крепостного права и хозяйства стали несносны и для масс: крестьянство приспособлялось к торгово-капиталистическому хозяйству. Крестьянское хозяйство стало рваться на волю, строиться по-новому. Но его душили крепостные цепи. Крепостное право стало прямым препятствием дальнейшему росту крестьянского хозяйства, развитию его производительных сил.

Это сразу выразилось сначала в уменьшенном росте крепостного крестьянского населения, а потом в совершенном прекращении этого роста. Между 1815 и 1835 годами в России на каждую тысячу всего населения прирастало 14 человек каждый год, а на тысячу крепостного населения только 9 человек, т.-е. несравненно меньше. В сороковых и пятидесятых годах XIX века прирост крепостного населения уже совершенно прекратился. Такие явления объясняются именно тяжелым положением хозяйства крепостных крестьян: когда хозяйство начало испытывать действительно невыносимый гнет крепостной опеки, оно стало падать, в крестьянстве обострилась нужда, началась усиленная смертность, которая поглотила всю рождаемость.

Другим, не менее грозным, признаком кризиса крепостного крестьянского хозяйства оказались крестьянские массовые волнения, число которых увели-

чилось до чрезвычайности. В первой половине XIX века таких волнений, сопровождавшихся убийствами помещиков и управляющих, было всего 556.

Положение становилось грозным. В конце царствования Николая I и в начале царствования Александра II достаточно было указа о призыве в ополчение, чтобы вызвать в крестьянстве упорный слух о свободе, об отмене крепостного права. Крестьяне массами устремлялись в города записываться в ополчение, чтобы получить волю.

Становилось ясно: грозила опасность крестьянской революции.

Законодательная подготовка отмены крепостного права.

I.

Манифест 1797 года.

„Объявляем всем нашим верноподданным. Закон божий, в десятословии нам преподанный, научает нас седьмый день посвящать ему; почему в день настоящий, торжеством веры христианской прославленный, и в который мы удостоились восприять священное миропомазание и царское на прародительском престоле нашем венчание, почитаем долгом нашим перед творцом и всех благ подателем подтвердить во всей империи нашей о точном и непременном сего закона исполнении, повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более, что для сельских изделий остающиеся в неделе шесть дней, по равному числу оных вообще разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении, достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям".

Таков был манифест, изданный императором Павлом I в 1797 году в день коронации. Этот мани-

фест обыкновенно называют манифестом о трехдневной барщине. Верно ли это?

Если внимательно прочитать текст манифеста, то станет ясно, что манифест запрещает принуждать крепостных крестьян к барщинной работе по воскресеньям, лишь попутно упоминая о том, что обыкновенно остальные шесть дней в неделе распределяются поровну между работой крестьян на барина и на себя, и этого оказывается будто бы „достаточно“ для обеих сторон—и для крестьян, и для помещиков. Никакая трехдневная барщина не устанавливалась, а отмечалась лишь как обычно-существующая и достаточная.

И тем не менее этот манифест произвел большое впечатление и на крестьян и на помещиков: и запрещение работы по воскресеньям и упоминание хотя бы вскользь о простом существовании трехдневной барщины и о ее достаточности истолковано было именно как ограничение помещичьей власти, как первый шаг к ослаблению крепостного права.

Надо, впрочем, заметить, что манифест Павла I отчасти не исполнялся, отчасти повел даже на деле к ухудшению положения некоторых крепостных. Некоторые помещики не только не ограничивались трехдневной барщиной, но лишали совершенно земли своих крестьян и заставляли их круглую неделю, все время работать на барской пашне, выдавая или „месячину“—пищу, одежду, обувь, все необходимое для содержания. На Украине и в некоторых других местах, где раньше существовала барщина в течение лишь двух дней в неделю, манифест 1797 года дал возможность помещикам увеличить барщину до трех дней.

Таким образом первая робкая, нерешительная попытка хоть немного ограничить крепостное право

или совершенно ничем его не уменьшила на деле или даже усилила крепостнический гнет, увеличила в отдельных случаях барщину.

II.

Указ о свободных хлебопашцах.

Русское самодержавие было государственным порядком, служившим интересам дворянства, как и самодержавие в других странах. И потому охрана крепостного права, пока к этому была хоть какая-нибудь возможность, была его целью. Но, как мы видели, не одни крестьяне, но и фабриканты и даже передовые помещики начинали понимать необходимость отмены крепостного права. И потому правительство и при Александре I и при Николае I вынуждено было хоть что-нибудь в этом направлении сделать. В 1803 г. Александр I издал следующий указ: „Действительный тайный советник граф Сергей Румянцев, изъявив желание некоторым из крепостных его крестьян при увольнении их утвердить в собственность продажею или на других добровольных условиях участки из принадлежащих ему земель, испрашивал, чтоб условия таковые, добровольно заключаемые, имели то же законное действие и силу, какое прочим крепостным обязательствам присвоено, и чтоб крестьяне таким образом уволенные, могли оставаться в состоянии свободных земледельцев, не обязываясь входить в другой род жизни.

Находя, с одной стороны, что, по силе существующих законов, как-то, по манифесту 1775 и указу 12 декабря 1801 годов увольнение крестьян и владение уволенным землею в собственность дозволено; а с другой, что утверждение таковое земель в собственность

может во многих случаях представить помещикам разные выгоды и иметь полезное действие на ободрение земледелия и других частей государственного хозяйства: мы считаем справедливым и полезным, как ему графу Румянцеву, так и всем, кто из помещиков последовать примеру его пожелает, распоряжение таковое дозволить; а дабы имело оно законную свою силу, находим нужным постановить следующее:

1) Если кто из помещиков пожелает отпустить благоприобретенных или родовых крестьян своих по одиночке, или и целым селением на волю, и вместе с тем утвердить или участок земли или и целую дачу; то, сделав с ними условия, какие по обоюдному согласию признаются лучшими, имеет представить их при прошении своем через губернского дворянского предводителя к министру внутренних дел для рассмотрения и представления нам; и если последует от нас решение желанию его согласное: тогда предъявятся оные условия в гражданской палате, и запишутся у крепостных дел со взносом узаконенных пошлин.

2) Таковые условия, сделанные помещиком с его крестьянами и у крепостных дел записанные, сохраняются как крепостные обязательства свято и ненарушимо. По смерти помещика законный его наследник или наследники вступает во все обязанности и права, в сих условиях означенные.

3) В случае неустойки той или другой стороны в сих условиях присутственные места по жалобам разбирают и чинят взыскания по общим узаконениям о контрактах и крепостях, с таковым при том наблюдением, что если крестьянин или и целое селение не исполнит своих обязательств, то возвращается помещику с землею и семейством его во владение по прежнему.

4) Крестьяне и селения от помещиков по таковым условиям с землею отпускаемые, если не пожелают войти в другие состояния, могут оставаться на собственных их землях земледельцами и сами по себе составляют особенное состояние свободных хлебопашцев.

5) Дворовые люди и крестьяне, кои доселе отпущаемы были лично на волю с обязательством избрать род жизни, могут в положенный законами срок в сие состояние свободных земледельцев вступать, если приобретут себе земли в собственность. Сие распространяется и на тех из них, кои находятся уже в других состояниях и перейти в земледельческое пожелают, приемля на себя и все обязанности оного.

6) Крестьяне, отпущенные от помещиков на волю и владеющие землею в собственность, внесут подушный казенный оклад наравне с помещичьими, отправляют рекрутскую повинность натурою, и исправляя наравне с другими казенными крестьянами земские повинности, оброчных денег в казну не платят.

7) Они ведаются судом и расправою в тех же местах, где и казенные крестьяне; по владениям же землею разбираются по крепостям, как владельцы недвижимой собственности.

8) Как скоро исполнением условий крестьяне таковые получат землю в собственность, они будут иметь право продавать ее, закладывать и оставлять в наследие, не раздробляя однако-ж участков менее 8 десятин; равно имеют они право вновь покупать земли; а потому и переходить из одной губернии в другую,—но не иначе, как с ведома казенной палаты для перечисления их подушного оклада и рекрутской повинности.

9) Поелику крестьяне таковые имеют недвижимую собственность, то и могут они входить во всякие обязательства; и указы 1761 и 1765 годов, запрещающие

крестьянам без дозволения их начальств вступать в условия, на них не простираются.

10) В случае, ежели бы крестьяне отпущаемые помещиком на волю с землею, состояли в казенном или частном залоге, они могут с дозволения казенных мест и с согласием частных кредиторов принимать на себя долг, на имении том лежащий, вносить его в условия; а во взыскании сего долгу, на себя ими принимаемого, поступать с ними, как с помещичьими.

На сем основании правительствующий сенат не оставит учинить все нужные распоряжения".

Этот указ во многих отношениях замечателен и заслуживает самого внимательного разбора.

Дворянское самодержавное правительство чувствовало себя обязанным блюсти интересы дворянства и потому с большой осторожностью действовало в крестьянском вопросе, оправдывало каждый, хотя бы и самый робкий, свой шаг в направлении ограничения и смягчения крепостного права. Этим объясняется и то, что почин издания закона исходит не от государства, а от помещика — графа Сергея Румянцева, хотевшего этим угодить императору и сделать хорошую служебную карьеру, и то, что в указе есть ссылка на старые законы в оправдание того, что ничего особенно нового в нем нет, и то, наконец, что указ оправдывается возможными выгодами для помещиков, народного и государственного хозяйства.

Все это очень важно и характерно для русской дворянской государственности. Но не менее важно и характерно для нее и то, что, несмотря на все эти оговорки и оправдания, правительство, считая их, повидимому, все же не вполне достаточными, признавало необходимым считать увольнение в свободные хлебопашцы явлением не обычным, исключительным, из

ряда вон выходящим, редким: недаром первый пункт указа требует, чтобы ни один случай перевода крепостных крестьян в свободные хлебопашцы не обходился без утверждения самого императора. Другими словами, каждый случай выхода крестьян на свободу с землей не только зависел от согласия или воли помещика, от его желания, но и требовал издания особого закона, расчитанного именно на этот случай, его лишь касающегося или, как обыкновенно говорят, сепаратного (отдельного).

Помещики тем более могли быть спокойны за свои интересы, что, согласно третьему пункту указа, не исполнявшие условий свободные хлебопашцы возвращались в крепостное состояние.

Кроме крепостничества другим устоем общественного строя являлась еще сословность—деление общества на сословия—группы, отличающиеся одна от другой юридически, т.-е. правами и обязанностями Эта сословность не только не затрагивается, но и утверждается в полной неприкосновенности указом о свободных хлебопашцах: свободные хлебопашцы должны платить подушную подать, отбывать рекрутскую повинность, исправлять земские повинности, подлежат сословному суду, согласно пунктам шестому и седьмому указа.

Но этого мало: как видно из текста указа, для его действительного применения, для осуществления перехода крепостных в свободные хлебопашцы требовалось выполнение целого ряда формальностей в разных учреждениях (см. пункт 1-й указа), откуда проистекала продолжительная волокита, требовавшая и времени, и средств, денежных затрат. Этим очень сильно затруднялось применение указа о свободных хлебопашцах.

Наконец, в самом этом указе был пробел: не указано было, что помещики могут переводить своих крепост-

ных в свободные хлебопашцы по завещаниям, и потому такие завещания большею частью не утверждались государственными учреждениями.

По всем этим причинам, а также и потому, что помещики в подавляющем большинстве своем не хотели освобождать крестьян, указ о свободных хлебопашцах имел очень мало влияния на уменьшение числа крепостных: за все время его действия с 1803 по 1860 год—было освобождено на основании его немногим более ста тысяч душ крепостных крестьян. То была капля освобождения в огромном крепостном море.

Николай I был недоволен указом о свободных хлебопашцах, неохотно соглашался на его применение, дворяне видели в том, что крестьяне, переходящие в свободные хлебопашцы, приобретают землю в собственность, большую опасность для себя, боялись, что в будущем, при полном освобождении крестьян, помещичья земля не будет признана вся собственностью дворян, а часть ее станет считаться собственностью крестьян. С другой стороны, Николаю I не нравилось и название „свободные хлебопашцы", и он впоследствии велел переименовать свободных хлебопашцев в „государственных крестьян, водворенных на собственных землях".

III.

Указ об обязанных крестьянах.

„В статьях 440-й—457-й Св. Зак. о состоян. (т. IX) установлены правила, на основании коих помещикам дозволено обращать крестьян своих в свободные хлебопашцы, с уступкою им в собственность помещичьих земель за определенное, по взаимному условию, вознаграждение. Желая, в общих видах

государственной пользы, чтобы, при заключении таковых условий, принадлежащие помещикам земли, как вотчинная собственность дворянства, охранены были от отчуждения из владения дворянских родов, мы признали за благо, в пояснение Св. Зак. о состоян. (т. IX) ст. 442-й пунк. 3-го, предоставить тем из помещиков, которые сами сего пожелают, заключить с крестьянами своими, по взаимному соглашению, договоры на таком основании, чтобы, не стесняясь постановлениями о свободных хлебопашцах, помещики сохраняли принадлежащее им полное право вотчинной собственности на землю, со всеми ее угодьями и богатствами, как на поверхности, так и в недрах ее, а крестьяне получали от них участки земли в пользование за условленные повинности. При составлении таких договоров, помещики могут постановлять с крестьянами дальнейшие условия, по взаимному с ними соглашению, на следующих, рассмотренных в государственном совете и нами утвержденных, главных правилах:

1) Повинности крестьян, в пользу помещиков, могут быть определены в договорах денежным оброком, произведениями, обрабатыванием помещичьей земли, или другою работою.

2) В случае неисполнения крестьянами приемлемых ими на себя по договору обязанностей, они понуждаются к тому земскою полициею под руководством уездных предводителей дворянства и под высшим наблюдением губернского правления.

3) Крестьяне, по надлежащем утверждении заключенных между ими и помещиками договоров, принимают название обязанных крестьян.

6) Помещики учреждают в селениях обязанных крестьян вотчинное управление и имеют высшее наблюдения за сельскою в них полициею и за исполнением

законов о сельском благоустройстве; им принадлежит также право суда и расправы в проступках и маловажных преступлениях обязанных крестьян и первоначальный разбор взаимных между ими тяжб и споров.

8) Помещики и обязанные крестьяне сохраняют заключенные ими между собою договоры навсегда ненарушимо, имея, однако, право особыми частными условиями делать изменения в наделе землею и повинностях на определенные сроки, с обоюдного согласия, а если имения состоят в залоге, то и с согласия подлежащих кредитных установлений; во всех же случаях не иначе как с предварительного утверждения правительства".

Таков был указ 1842 г. об обязанных крестьянах, представлявший собою, если не считать уже совершенных мелочей, единственную меру, проведенную в жизнь по крестьянскому вопросу в царствование Николая I. Указ этот опять-таки во многих отношениях характерен и важен для русского старого порядка во время начавшегося уже его разложения.

На что указывает прежде всего начало указа, введение в него? Как раз на то, о чем говорилось только-что при рассмотрении указа о свободных хлебопашцах на то, что дворянство трепетало за свои права на землю и на крепостных крестьян и потому крайне недовольно было указом о свободных хлебопашцах. Именно поэтому указ об обязанных крестьянах выразил желание, чтобы „принадлежащие помещикам земли, как вотчинная собственность дворянства, охранены были от отчуждения из владения дворянских родов".

С этим связано было определенное представление о желательном способе освобождения крестьян: во-первых, по воле или с согласия помещиков, во-вторых, лишь с арендой помещичьих земель, в третьих, с со-

хранением барщины и оброка (пункт 1-й), причем размер того и другого, как и площадь арендуемой земли и перемены во всех этих отношениях, должны были зависеть от „обоюдного согласия помещиков и крестьян", т.-е. на деле зависело от сильнейшей стороны — помещиков; в четвертых, наконец, за помещиками сохранялась вотчинная юстиция (суд) и полиция, (наблюдение за порядком и управление).

Указ 1803 г. о свободных хлебопашцах, при всей его ограниченности, при практически-ничтожном влиянии, был все-таки выражением того понимания крестьянского вопроса, какое было свойственно передовым, более прогрессивным помещикам, перерождавшимся в буржуазию.

Указ 1842 г. об обязанных крестьянах выражал взгляды и интересы крупных землевладельцев в среде дворянства, богатых помещиков. Создать безземельных вечных арендаторов, лично-полусвободных, подчиненных по суду и управлению помещикам, — вот цель крупных помещиков. При этом и самая вечность аренды могла быть при желании уничтожена помещиками; стоило им только не в меру повысить оброки и барщину.

В высшей степени характерна история указа 1842 г. Жизнь упорно стучалась в двери самодержавно-чиновничьих канцелярий, настойчиво давала себя чувствовать: ощущалась необходимость что-нибудь сделать по крестьянскому вопросу. И потому при Николае I составлено было до десяти комитетов по крестьянскому делу. Боялись, однако, оглашать в общее сведение не только содержание и результаты работ этих комитетов, но и самый факт их существования; опасались, что все это лишь усилит крестьянские волнения. И потому все это делалось в глубокой тайне, и комитеты

по крестьянскому делу были секретными. Подавляющее большинство их не дало никаких действительных результатов, одним из немногих, хоть что-нибудь сделавших, был комитет, учрежденный в 1839 году; результатом работ именно этого комитета и был указ об обязанных крестьянах.

В основу этого указа положен был проект, выработанный графом Киселевым. Но указ далеко отошел даже от этой своей основы.

Киселев управлял с половины тридцатых годов государственными имуществами и многомиллионным государственным крестьянством. Он преобразовал управление государственными крестьянами, ввел сюда больше порядка и увеличил доходы казны с государственных земель. Одной из главных целей этого преобразования—помимо „казенного интереса", т.-е. увеличения доходов казны, — было желание дать помещикам пример и образец разумного крепостничества без „злоупотреблений" крепостным правом. И вот такое же разумное крепостничество без злоупотреблений и даже переход с согласия помещиков к полукрепостничеству задумал Киселев провести в своем проекте, представленном в секретный комитет, учрежденный в 1839 году. Но как ни стоял Киселев за возможно бо́льшую охрану старины, он все же хотел бо́льшего, чем вышло по указу 1842 года: он предлагал оброки и повинности (барщину) определить в точном размере и занести их в особые книги — инвентари. А указ 1842 г., в интересах помещиков, никаких инвентарей не ввел. Причина заключалась в том, что правительство и сам его самодержавный глава Николай I боялись дворянства; Николай I так и сказал по поводу инвентарей: „я, конечно, самодержавный и самовластный, но никогда на это не ре́шусь".

Понятно, что и результаты применения указа об обязанных крестьянах оказались еще более ничтожными и жалкими, чем результаты применения указа о свободных хлебопашцах: с 1842 по 1860 год всего в обязанные крестьяне уволено было немногим более 45 тысяч душ крепостных крестьян. Если применение указа о свободных хлебопашцах было каплей в крепостном море, то применение указа об обязанных крестьянах явилось в нем только капелькой.

Паралич государственного творчества.

I.

Реформа Канкрина.

В царствование Александра I, особенно в его начале, еще производились некоторые реформы, государственное творчество еще продолжалось: тогда достраивался русский старый порядок, введены были последние высшие его учреждения — государственный совет и министерства. Но об этих реформах мы не будем говорить: о них удобнее вести речь в связи со всем строительством старого порядка, которое происходило раньше, особенно в XVIII веке.

Впрочем, когда прошли первые годы царствования Александра I — „дней Александровых прекрасное начало", как назвал их Пушкин,—то вместе с ними прекратились и реформы, а царствование Николая I не дало ничего или почти ничего нового в смысле нового государственного строительства. Старый порядок в России—первой половины XIX века начал разлагаться, и всякая попытка нового государственного творчества могла бы только усилить и ускорить это разложение. „Не до жиру,—быть бы живу"—вот был лозунг времени. Надо было не итти вперед, а пятиться назад, изо всех сил отмахиваться от новой

жизни, защищаться от ее напора. Так наступил паралич государственного творчества. Если что тут и делалось, то делалось для защиты старого порядка, чтобы как-нибудь протянуть еще хоть несколько десятков лет, „подморозить“ на время Россию.

Самой важной из таких мер защиты, обороны старого порядка от новых веяний, была реформа, проведенная при Николае I министром финансов графом Канкриным.

Никакой государственный порядок не может быть прочен, если хоть сколько-нибудь не упорядочены хозяйство и финансы. Задача Канкрина и была консервативной, охранительной: надо было сделать так, чтобы сохранить все основы старого порядка, но пристроить к ним подпорки, подмазать и подкрасить отдельные трещины.

Россия, как мы видели, не была в первой половине XIX века страной производственного (сельскохозяйственного и промышленного) капитализма; она была тогда лишь страной капитализма торгового. Поэтому ввести в ней золотую валюту, т.-е. свободный размен кредитных билетов на золото, Канкрин не мог, да и не хотел. Он ввел серебряную валюту.

Необходимость этой реформы в деле охраны старого порядка в России вытекала из того, что бумажные деньги—ассигнации—страшно упали в цене в царствование Александра I—дошли до 23—20 коп. за рубль. Дело осложнялось еще тем, что бумажные деньги ценились при торговых сделках в разных местностях России различно, колебались в цене не только во времени, но и в пространстве.

Канкрин скопил значительный серебряный фонд, составил государственный запас серебра и под обеспечение этого фонда выпустил новые кредитные билеты,

подлежавшие свободному размену на серебро. Старые ассигнации были выкуплены и уничтожены, причем 3 рубля 50 коп. ассигнациями были приравнены одному рублю серебром.

Этой реформой установлена была твердая серебряная валюта, достаточная для торгового капитализма. Так как вместе с тем с сороковых годов стала развиваться быстро внешняя торговля хлебом, начал сильно расти вывоз русского хлеба заграницу, и одновременно установился для развития русской промышленности умеренный протекционизм, то хозяйственное и финансовое положение старого порядка в России было на время упрочено. Консервативная цель экономической и финансовой политики Канкрина была достигнута.

II.

Кодификация.

Реформа Канкрина, несмотря на ее чисто-охранительный характер, была все-таки некоторым действительным движением вперед. Можно сказать, что, хотя в ней главное значение имели потребности торгового капитализма, но она была все же шагом, подготовлявшим переход к производственному капитализму. Остальные проявления внутренней политики николаевского царствования не отличались и этим, хотя бы частичным и невольным, движением вперед. Чистая охрана колеблющейся, разлагающейся старины была их единственным назначением.

Такова была прежде всего кодификация—работа по упорядочению и сведению воедино всех русских законов старого порядка, начиная с Уложения царя Алексея Михайловича, произведенная графом Сперанским.

Сперанский при Александре I имел репутацию большого либерала и составил даже тогда проект конституции. Но, не говоря уже о том, что конституция эта была кулая, по преимуществу дворянско-землевладельческая,—она была составлена по прямому поручению императора Александра I, боявшегося дворянского недовольства его внешней политикой, и, следовательно, Сперанский явился простым, хотя и очень умелым, ловким и трудоспособным, исполнителем предначертаний самого императора. Сперанский был не политик, а техник по делам администрации и законодательства, талантливый исполнитель чужих заданий и желаний. Он всецело готов был поддерживать старый порядок, делая в нем частичные поправки и улучшения, но не меняя по существу ничего, не колебля и тем более не разрушая его основ. В этом духе проведена была и его кодификационная работа.

Дворянская Россия не имела цельного, единого законодательства со времен издания Уложения 1649 года. В XVIII веке—с Петра Великого до Екатерины II—часто делались попытки составить новое Уложение вместо устаревшего Уложения половины XVII века, для этого созывались комиссии—при Елизавете и особенно при Екатерине II даже выборные,—но нового Уложения из этого не получилось. Это не было случайностью: дворянская государственность ни в одной стране мира не дала цельного Уложения, потому что торговый капитализм не мог создать цельной системы всего права, в нем действовавшего, и лишь частично в отдельных важных законодательных актах, отражавших различные частные потребности торгово-капиталистического общества, воплощал существовавшие тогда правовые идеи. В XVIII в., когда

торговый капитализм и дворянское господство шли вперед, быстро развивались, эти отдельные законодательные акты значительной важности появлялись довольно часто. В первой половине XIX века такое законодательное творчество иссякло: веяло новым духом, разрушавшим старый порядок, ничего нового этот порядок более дать не мог. Но все-таки сделана была попытка создать цельное законодательство, и это дело было поручено Сперанскому.

Сперанский задумал и отчасти выполнил долгую и сложную работу. Он полагал, что прежде чем составить Уложение, надо разрешить две подготовительных задачи: во-первых, составить собрание всех существовавших в России со времени Уложения 1649 года законов и указов, во-вторых, составить свод одних только действующих законов. Только после того наступила очередь разрешения третьей задачи—составления нового Уложения.

Первые две задачи Сперанский со своими помощниками разрешил более или менее удовлетворительно. В 1830 г. издано было „Полное собрание законов Российской империи"—историческое, начинавшееся Уложением царя Алексея. Нельзя сказать, что это „Полное собрание" было действительно полным,—кое-какие указы и законы были пропущены — одни без намерения, случайно, по недосмотру, другие намеренно. Но этих пропусков все же было сравнительно немного, и потому „Полное собрание законов" остается и до сих пор ценным сборником важных исторических источников. В 1833 году издан был Свод действующих законов. Но третьей задачи—составления нового Уложения—Сперанский так и не разрешил: государственное творчество старого порядка иссякло, потому что он уже разлагался. Позднее, правда, издано было

„Уложение о наказаниях уголовных и исправительных", но оно только лишний раз и очень ярко подчеркнуло паралич государственного творчества старого порядка: в нем не было ничего существенно-нового, оно отдавало стариной и рутиной и в целом, и в отдельных частностях, являло собою пример вопиющей отсталости.

III.

Корпус жандармов.

Прямой самозащитой и ярким свидетельством об угрожавшей уже старому режиму действительной опасности было учреждение корпуса жандармов в 1826 году. Основной реальной задачей корпуса жандармов была организация тайной и явной политической полиции для спасения самодержавно-дворянской государственности от ее врагов, для преследования не только революционеров, но и либералов.

Особенно характерен анекдот, рассказываемый в связи с учреждением корпуса жандармов. Говорят, что когда шеф жандармов граф Бенкендорф просил Николая I дать ему инструкцию, то Николай дал ему белый платок. Панегиристы (хвалители) Николая, его политической системы и жандармерии, склонны были толковать это в том смысле, что жандармам велено было „утирать слезы всем несчастным и угнетенным". Но белый платок на деле означал другое: полную свободу жандармов от всех стеснений, совершенное невнимание их к закону, крайний, ни с чем не считавшийся произвол. Гнет жандармского насилия и усмотрения давил с тех пор до самого падения старого режима всякое свободное проявление мысли в интересах сохранения самодержавно-дворянской государственности.

Внешняя политика России в первой половине XIX века.

I.

Россия — вассал Англии.

В начале XIX века, даже почти в течение всей первой половины его, страны, расположенные на материке Европы, представляли собою все, за исключением Франции, широкое пространство, на котором продолжали господствовать экономически торговый капитализм и социально и политически землевладельческое дворянство и богатейшее купечество. Но, если так было во всех почти странах европейского континента, то в России это было в бо́льшей степени, чем где-либо. Правда, такой старый порядок везде подвергался уже разложению, но в России разложение это было медленнее, чем где-либо, Россия была самой отсталой из европейских стран.

Основной заповедью экономической политики торгово-политических стран является меркантилизм — учение, по которому хотя и признается, что настоящим богатством следует считать предметы потребления и средства производства, но главнейшим источником богатства считаются деньги, почему каждая страна

должна накопить их возможно больше, а так как такое накопление получается лишь путем выгодной внешней торговли с другими странами, то необходимо, чтобы ценность вывозимых из данной страны ее собственных товаров была выше ценности ввозимых из других стран товаров, другими словами, необходим благоприятный для данной страны торговый баланс.

Отсталые страны, как Россия, не могли достигнуть благоприятного для себя торгового баланса увеличением вывоза своих фабричных изделий или уменьшением ввоза иностранных фабрикатов: фабричная промышленность нового типа, как мы видели, делала только первые, небольшие еще успехи, и приходилось ввозить в значительном количестве фабричные изделия высокого качества и сравнительно недорогой цены из Англии, которая еще в последние десятилетия XVIII века перешла к промышленному капитализму, к машинному производству на фабриках и долго не имела себе соперников, конкуррентов на материке Европы, была монополисткой промышленного рынка, т.-е. одна поставляла на всю Европу свои фабричные изделия. При таких условиях отсталые страны европейского континента достигали благоприятного для себя торгового баланса тем, что поставляли хлеб и всякого рода сырье — лен, пеньку, лес, сало, щетину, шерсть, кожи и т. д. — в ту же Англию, сильно нуждавшуюся в сырых материалах. Торговля с Англией, вывоз в нее сырья были главным источником доходов и богатства русского землевладельческого дворянства.

В начале XIX века промышленная Англия впервые встретила соперницу во Франции, в которой после великой революции стал быстро расти промышленный капитализм, и соответственно этому выдвинулась на первый план и приобрела господство сельско-

хозяйственная и промышленная буржуазия. Французские фабрики перешли на машинную технику, и французские фабрикаты стали конкуррировать на европейском рынке с английскими. Эта конкурренция для французской промышленности была не легка. Быстрых и солидных успехов, больших и прочных побед над английской индустрией ей было трудно достигнуть, так как английские товары отличались высоким качеством и сравнительной дешевизной, вследствие более ранних технических успехов Англии, а также и потому, что рынок, особенно в отсталых странах, чаще всего отличается рутинностью, инерцией: с кем давно привыкли торговать, чьи товары издавна покупались,— с тем продолжают поддерживать коммерческие связи и далее; наконец, англичане, как было сказано, были покупателями сырья, чего о французах в такой мере сказать было нельзя: у них и своего сырья было большею частью довольно. Очевидно, французский промышленный капитализм для того, чтобы быстро завоевать европейские и даже мировые рынки, нуждался в военной силе, в войнах и победах над Англией и над теми странами, которые или, точнее, правящие классы, которых находились в торговых связях с английскими капиталистами. Организатором этих необходимых для французской буржуазии военных сил, войн и побед явился Наполеон Бонапарт, который поэтому в 1799 году стал главой французского правительства с титулом первого консула, а в 1804 г. провозглашен был императором французов под именем Наполеона I.

Наполеон I сознательно поставил целью французской внешней политики лишение Англии ее промышленных рынков и захват их Францией. Поэтому в течение пятнадцати лет с одним лишь непродолжительным перерывом Франция при Наполеоне вела войну

с Англией. Война с Англией была основной из наполеоновских войн, можно сказать, душой этих войн, настоящей их целью, существом их. Начиная с 1806 г., Наполеон применяет поэтому в своей внешней политике целую новую систему — так-называемую, континентальную блокаду. Сущность этой блокады заключалась в том, что она была направлена против английской торговли: государства, побежденные Наполеоном, обязывались по мирным договорам принять континентальную блокаду, т.-е. прекратить торговлю с Англией, ввоз английских товаров, и не должны были допускать в свои порты английские корабли. Несомненно, это весьма больно ударяло по английской торговле и промышленности, а очищенный, таким образом, от английских фабрикатов европейский континентальный рынок открывался для французских фабричных изделий. Казалось, цель Наполеона, если не по отношению к мировому рынку, то по крайней мере, в отношении к рынку европейского континента, была достигнута.

Россия при Александре I также вынуждена была принять континентальную блокаду. Правда, сначала Александр I, вследствие торговых связей русского землевладельческого дворянства с английскими капиталистами, а также в силу того, что русское дворянство ненавидело буржуазно-демократическую французскую революцию и ее исчадие — Наполеона, вел две войны с Францией—в 1805 году в союзе с Австрией и в 1806—1807 годах в союзе с Пруссией, причем в обоих случаях третьим союзником была Англия. Но обе эти войны ознаменовались страшными поражениями и союзников России и русской армии: в 1805 году Наполеон, уничтожив при Ульме почти всю австрийскую армию, разбил русских и австрийцев при Аустерлице, а в 1806—7 годах после такого же уничтожения прус-

ской армии при Иене русская армия потерпела решительное поражение при Фридланде, и французская армия подошла к русским границам. В 1807 году в Тильзите состоялось свидание Наполеона с Александром I, и был заключен не только мир, но и союз между Россией и Францией, причем Россия получила право завоевать Финляндию, Молдавию и Валахию, но была вынуждена признать континентальную блокаду.

Русское дворянство сочувствовало борьбе России с Францией, но было очень неприятно поражено неудачами этой борьбы и особенно ее исходом: пришлось отказаться от выгодной торговли с Англией, и потеря от этого не возмещало действительно произведенное завоевание Финляндии, тем более, что Молдавией и Валахией так и не удалось овладеть. Затронуты были слишком реальные интересы. Благоприятный для России торговый баланс исчез, бумажные деньги страшно упали в цене, выросла дороговизна. Правда, континентальная блокада способствовала некоторому подъему молодой, едва начинавшейся новой русской фабричной промышленности, но то была капля прогресса в море хозяйственного упадка и кризиса, и дворянство вовсе не было заинтересовано в этих успехах нарождавшейся русской промышленной буржуазии.

Недовольство дворянства, экономический и финансовый кризис, влекший Россию к возобновлению торговли с Англией, повели в конечном счете к разрыву с Наполеоном и к войне 1812 года, к походу Наполеона в Россию, кончившемуся для него столь печально. Правда, тут примешивалось и много побочных причин: и защита старого порядка и родственников Александра I в Германии, с которыми Наполеон, проводя континентальную блокаду, не церемонился, и боязнь русского дворянства, что снова его экономическим

и политическим соперником в Восточной Европе выступит дворянство польское, так как Наполеон восстановил частично самостоятельность Польши. Но все это и многое другое было второстепенно, неважно. Недаром Наполеон говорил „я не хочу войны, не хочу Польши, мне нужна только выгодная торговля". Нарушение Россией континентальной блокады, возобновление торговли с Англией, обложение французских товаров высокими пошлинами в 1811 г.—вот основные причины войны двенадцатого года. Дворянство само же ее вызвало и само ее боялось, особенно страшилось оно в связи с походом Наполеона восстания крепостных, оно знало свои вины перед крестьянством и с трепетом ожидало кары за них, законного и справедливого мщения.

Но случилось то, что дворянству показалось чудом: крестьяне не только не восстали против господ, воззвания Наполеона не только не произвели на них впечатления, но они даже сами начали народную войну против армии Наполеона и довершили тем ее поражение, подготовленное недостатками организации ее снабжения провиантом, фуражем, аммуницией и вооружением. Поведение крепостного крестьянства объясняется больше всего крестьянским сермяжным, местным патриотизмом, обязывавшим защищаться, раз неприятель проник в родные крестьянству места, а также и верой в грядущее избавление от крепостничества в награду за победу.

Наполеон был побежден, и русское дворянство помирилось с Англией, восстановило выгодную с ней торговлю. Оно готово было считать борьбу с Наполеоном законченной после гибельного отступления наполеоновской армии в 1812 году. Но тут-то ярче всего и обнаружилось, что Россия, как и другие отсталые страны европейского континента, была вассалом Англии:

Наполеон и после 1812 г. господствовал над половиной Европы и мог там еще поддерживать континентальную блокаду. Правда, она и там и даже в самой Франции оказывалась все менее выгодной. Даже ставленники Наполеона, как его собственный брат Людовик, возведенный им в голландские короли, нарушили ее, так что пришлось Людовика лишить престола и присоединить Голландию к Франции. Мало того, и французская промышленность страдала от континентальной блокады, — более всего от вызванного ею сырьевого голода, так как англичане не пропускали колониального сырья (напр., хлопка) во Францию; и даже сам Наполеон вынужден был выдавать в отдельных случаях—и довольно часто—так-называемые лицензии—разрешения на частичный ввоз английских товаров. Но все же система блокады, хотя и с нарушениями, держалась, и Англия не могла допустить это. Ей необходимо было окончательно низложить Наполеона, и все европейские страны на материке, часто нехотя, вынуждены были, как экономические вассалы Англии, подчиниться воле английской буржуазии. Отсюда вышли войны 1813—14 и 1815 годов и двукратное низложение Наполеона со ссылкой в 1814 г. на о. Эльбу, а в 1815 г. на остров св. Елены, где он и умер в 1821 г.

Вассалы Англии—и в том числе Россия — беспрекословно исполнили волю своего сюзерена.

II.

Россия — европейский жандарм.

Мы видели сейчас, что Россия при Александре I была вассалом Англии по той причине, что это было выгодно русскому дворянству. По той же причине—вследствие господства интересов дворянства — Россия

была европейским жандармом и это опять-таки началось еще при Александре I.

После низложения Наполеона в 1815 г. между Россией, Австрией и Пруссией был заключен так-называемый Священный союз. Лицемерно прикрываясь принципами „братства, веры, правды и мира", Священный союз на самом деле был оплотом реакции в Европе, защитником старого самодержавно-дворянского режима. В 1820 году началась буржуазно-демократическая революция в Испании, Неаполе, Португалии и северной Италии—Пьемонте. Вследствие этого Священный союз созвал конгресс в Троппау, где присутствовали уполномоченные России, Австрии, Пруссии, Англии и Франции, а затем в январе 1821 года в том же составе в Лайбахе. На троппау-лайбахском конгрессе были также лично Александр I и австрийский император Франц. Фактическим руководителем конгресса оказался австрийский канцлер, князь Меттерних. Решено было военной силой подавить революцию в Неаполе и Пьемонте, и это было выполнено. В 1822 г. на таком же конгрессе в Вероне поручено было Франции восстановить королевское самодержавие, ниспровергнутое было революцией в Испании, что и сделали посланные туда французские войска.

При Александре I, в конце его царствования, началась буржуазно-демократическая революция в Греции, подвластной Турции; греки подняли восстание, а Ипсиланти, грек по происхождению, генерал русской службы, собрал отряд из греков и сделал попытку вторжения в подчиненные Турции Молдавию и Валахию, но потерпел поражение и погиб. Турецкое самодержавное правительство воспользовалось этим, чтобы стеснить буржуазию и крестьянство Молдавии, Валахии и Сербии, уничтожить последние признаки их самоуправле-

ния, и пыталось жестокими мерами подавить греческое восстание, которое, однако, продолжалось. Александр I, согласно реакционной политике Священного союза, склонен был содействовать Турции в деле подавления греческого восстания, во всяком случае отказывал в поддержке „греческим подданным“ турецкого султана, восставшим против своего „законного государя“. Такова была позиция России в греческом вопросе и по смерти Александра I в 1825 г., после вступления на престол Николая I.

Но полное уничтожение зачатков самоуправления в Молдавии, Валахии и Сербии вызвало протесты наиболее буржуазной и капиталистической из всех европейских держав—Англии. Из боязни потерять все свое влияние на христианских подданных турецкого султана и Россия вынуждена была поддержать Англию. Кроме того, Англия и Франция, также буржуазно-капиталистическая несмотря на возвращение Бурбонов, стали настаивать на самоуправлении Греции под верховной властью султана. Россия снова вынуждена была присоединиться и к этим настояниям Англии и Франции, так как Турция запретила выход русских торговых кораблей, главным образом, принадлежавших греческим купцам, через Босфор и Дарданеллы из Черного моря в Средиземное и тем нанесла сильный ущерб русской внешней торговле, ударила по карману русское дворянство.

В июле 1827 года Россия, Англия и Франция заключили между собою лондонский договор, на основании которого потребовали от Турции прекращения военных действий против греков и заключения перемирия для установления потом автономии Греции. Турция ответила отказом и отправила флот для высадки новых войск на полуостров Морею (Пелопоннес). Тогда соеди-

ненные английский, французский и русский флоты уничтожили турецкий флот при Наварине. Это повело к разрыву Турции с Англией, Францией и Россией, и так как Турция попрежнему не пускала русские торговые корабли через проливы, то и к войне России с Турцией. Русские заняли Молдавию и Валахию, перешли Дунай, взяли Варну и ряд турецких крепостей в Азии, наконец, перешли через Балканы и заняли Адрианополь, где и был заключен мир, утвердивший покрытие убытков, понесенных русскими купцами от закрытия проливов, и автономию Греции, Сербии, Молдавии и Валахии.

Но и в автономных странах Балканского полуострова николаевская Россия пыталась играть роль жандарма: в Молдавии и Валахии она поддерживала дворянское (боярское) господство, в Сербии противилась созыву скупщины — собрания выборных представителей, в Грецию направлен был в качестве главы правительства грек, находившийся на русской службе, граф Каподистриа с наказом утвердить там самодержавие. Однако, только в Молдавии и Валахии некоторое время боярская олигархия еще держалась, в Сербии скупщину уничтожить не удалось, а Каподистриа в Греции был убит, и там установилась конституционная монархия. Жандармская политика дворянского правительства Николая I на Балканах потерпела решительную неудачу.

В 1830 г. во Франции вспыхнула июльская революция. Николай I и тут хотел сыграть роль европейского жандарма, намерен был послать русские войска на Рейн, но помешало польское восстание, которым Николай воспользовался, чтобы уничтожить конституцию в русской Польше, данную Александром I и им же уже нарушавшуюся.

1848 год был „безумным" годом во всей Западной Европе. Волны революции, поднявшись в феврале во Франции, прокатились по Германии и Австрии и дошли до самых границ России. К этому именно году относится записка русского дипломата и высокоталантливого поэта Тютчева, поданная Николаю I и проводившая ту мысль, что „в Европе существуют только две великие державы — Россия и Революция", что между ними идет непримиримая борьба, которая кончится только гибелью той или другой из них. Здесь с необыкновенной силой и яркостью выразилась вся безумнореакционная политика николаевской России, причем и автором записки и правительством не мыслилась возможность существования никакой другой России, кроме России дворянской, крепостнической и абсолютистской (самодержавно-полицейской).

Пока в Западной Европе бушевала революционная буря, Николай не смел в нее вмешиваться и устроил лишь политический карантин для России: русских перестали отпускать заграницу, усилили до крайности цензуру и полицейский гнет и т. д. Но революция на западе — во Франции, Германии, Австрии — пошла на убыль, ее сменила реакция, и европейский жандарм в лице дворянской России нашел поле для своей деятельности в Венгрии, где австрийские войска не могли подавить революцию. Им на помощь пришли русские войска под командой Паскевича, и одержана была победа над венгерской революцией, облегченная раздорами между умеренными революционерами, во главе которых стоял главнокомандующий венгерской армией Гёргей, и крайними, вождем которых был глава венгерского революционного правительства Кошут. Венгерская революция в 1849 году была раздавлена

сапогом европейского жандарма—николаевской дворянской России.

Еще раньше этого Россия играла роль европейского жандарма в Турции. Два раза—в 1831 и 1839 годах—египетский паша Мегмет-Али, поддерживаемый Францией, восставал против верховной власти турецкого султана. Россия опять помогла „законному государю" против „бунтовщика", — отправила для защиты Константинополя корпус войск. В Унхиар-Скелесси был заключен договор, по которому Россия гарантировала султану целость его владений и неприкосновенность власти. Впрочем, Англия скоро добилась замены унхиар-скелессийского договора лондонской конвенцией, по которой целость Турции гарантировалась не одной Россией, а вместе с ней также Англией, Францией, Австрией и Пруссией.

И после того, однако, Николай I продолжал попытки действовать в Турции как в русской губернии: он дошел до того, что требовал от султана подчинения решениям русского царя по жалобам, какие ему приносили христианские подданные Турции. В то же время гроза русского жандармского сапога и самодержавно-дворянского кулака сделалась совершенно несносной для передовых западно-европейских буржуазно-капиталистических стран,—Англии и Франции. Все это было основной причиной Крымской войны 1854—56 годов, кончившейся взятием Севастополя, поражением России и Парижским миром, по которому Россия потеряла устья Дуная и лишилась права иметь военный флот на Черном море.

Реакционная внешняя политика потерпела таким образом полное крушение.

Общественное движение в первой половине XIX века.

I.

Мракобесы.

Иссякновение государственного творчества внутри страны, крушение внешней политики, отчаянное сопротивление новым веяниям, влияние которых все-таки неизменно росло, свидетельствовали о том, что старый порядок начал колебаться в самых своих основаниях. Но господин положения — землевладельческое дворянство — не хотело сдаваться, хотя уже и ощущало признаки своего падения.

Когда господствующий общественный класс начинает чувствовать колебание почвы под своими ногами, тогда в нем обнажаются самые грубые стороны человеческой природы, выступает на вид ее животная сущность, и на первый план выдвигаются люди, у которых эта животная сторона—прежде всего грубый инстинкт самосохранения, страх за собственное существование, играет первую, определяющую роль.

Таков именно и был первый дворянин империи—ее глава, император Николай I.

Уже в детстве Николай проявлял большую робость, даже трусость: он сильно боялся матери, боялся выстрелов, грозы, воды. Воспитатели только развивали

в нем эти природные задатки: держали его точно в тисках, постоянно одергивали и оговаривали, читали мораль кстати и некстати, били линейкой, ружейным шомполом, доводили почти до бесчувствия, ударяя головой об стену. Зная о своих правах на престол по смерти Александра I, Николай не посмел заявить о них открыто, когда увидел, что его восшествию на престол не сочувствует петербургский генерал-губернатор Милорадович. Позднее он всю жизнь боялся дворянства: стоило только крепостникам напомнить в секретных комитетах по крестьянскому делу о возможном недовольстве дворянства,—и Николай немедленно сдавал все позиции, как бы ни были скромны и несущественны задуманные облегчения крепостного права. Еще больше боялся Николай крестьян: здесь его успокаивал только факт существования крепостного права, обеспечивавший ему в лице владельцев крепостных душ, по его собственному выражению, „сто тысяч полицеймейстеров". Больше всего он боялся либералов: отношение к декабристам, к сколько-нибудь образованным офицерам, к студенчеству, к революциям, потрясавшим Европу в 1830 и 1848 годах, ко всему, в чем ему чудились хотя бы малейшие искорки вольномыслия, было ярко окрашено именно чувством панического страха, ужаса перед приближающимся несомненным и неизбежным пожаром, страшной катастрофой. День восстания декабристов—14-е декабря — навсегда остался в его памяти грозным призраком, вызывавшим трепет: всякое проявление ненавистного либерализма—часто от страха только воображаемое, не действительное,—вызывало у него фразу: «это мои друзья 14-го декабря».

Именно вследствие такой постоянной атмосферы чувства страха, которая составляла основной признак

психологии Николая I, слагалось и его мракобесие, его политическая программа грубой и неизбывной реакции.

Лучшим средством самосохранения Николаю I казались порядок, дисциплина, безусловное повиновение. В сущности, и его властность не была властолюбием, любовью к власти, а средством оградить себя от опасностей. Павел I и Александр I более, чем Николай, любили власть, как таковую, самое по себе. Воспитать дисциплину, порядок, повиновение, по мнению Николая, могла лишь военная служба. Отсюда проистекала его любовь к военному делу.

Но любил он не существо этого дела, а форму, внешность и команду. По собственным словам Николая, его привлекали в военной службе „порядок, никакого всезнайства и противоречия, подчинение одной цели". Фронтовая часть была „единственным занятием" Николая, по словам Жуковского, приходившего от этого в настоящее отчаяние, и в ней он, по словам Михайловского-Данилевского, обнаруживал „необыкновенные знания": „иногда, стоя на поле, он брал в руки ружье и делал ружейные приемы так хорошо, что вряд ли лучший ефрейтор мог с ним сравняться, и показывал также барабанщикам, как им надлежало бить в барабан". В этом условном, ограниченном, чисто формальном смысле он „смотрел на всю человеческую жизнь, как на службу": недаром, умирая, он говорил своему сыну: „сдаю тебе к о м а н д у", — даже на свою деятельность, как монарха, он смотрел как на военную команду на вахт-параде. И в государственной области он поэтому, естественно, не признавал ничего, кроме бессмысленного, слепого повиновения. „Сомневаюсь", написал он однажды, „чтобы кто-либо из моих подданных осмелился действовать не в ука-

занном мною направлении, коль скоро ему предписана точная воля".

Как поступают со своими врагами люди, вечно дрожащие за свое существование? Когда эти враги сильны и опасны, такие люди надевают на себя маску притворства, хитрят; когда же враги слабы, побеждены, находятся в руках их, — они обрушиваются на них со всею возможною суровостью, поступают совершенно беспощадно.

Так действовал в соответствующих случаях и Николай I. Ничего не может быть характернее отношения его к декабристам в первые же дни и месяцы царствования, когда шли следствие и суд над ними. Сначала он боялся их и потому хитрил. Одних, как Трубецкого, он попрекал тем, что как ему, аристократу, „не стыдно быть вместе с такой дрянью"; других, зная их родственные чувства, пытался привлечь к себе вниманием к их родным: так он поступил с Рылеевым, послав его жене 2.000 рублей, и с Оболенским, разрешив передать ему письмо отца; третьих, как Каховского, прельщал тем, что плакал при его горячих речах о неустройстве родины и уверял, что он „сам — первый гражданин отечества" и конституционалист; четвертым обещал легкое наказание, как тому же Каховскому и Пестелю. Ему поверили, и многие, в том числе Рылеев и Каховский, открыли все, что знали, не только о себе, но и о других. А на самом деле „он просто боялся за свое существование и неутомимо искал всех нитей заговора с тем, чтобы все эти нити с корнем вырвать и успокоиться". И когда действительно узнал все, чего добивался, резко переменил свое отношение: Каховского потом больного держали в сырой яме, а казнь пятерых и даже вид ее, формально предоставленные решению суда, были заранее

подсказаны председателю суда, князю Лопухину, через Дибича.

Еще в детстве будущий император ни в одной игре не обходился без грубой брани и драки. Грубость и крик были обычны и в юноше. И взрослым он был несообщителен, холоден, строг, суров и потому не любим никем. „Сами изволите знать, — вас не любят", говорил ему Милорадович.

Умственные его интересы были в высшей степени ограничены. Он не любил математики, древних и новых языков, скучал за политической экономией, естественным правом и энциклопедией права; только физика и рисование занимали его и то лишь отчасти. „Я никогда не видал книги в его руках", говорил Жуковский. Николай I любил острить, но остроты его были таковы, что смеялся им только он сам. Наконец, грубость его эстетических чувств не подлежит сомнению: он восхищался нелепой, квасно-патриотической драмой Кукольника „Рука всевышнего отечество спасла", „Дедушкой русского флота" Полевого и грубыми и плоскими водевилями Каратыгина.

Император Николай представлял собою в правящей сфере главную планету, за которой следовал ряд спутников, более или менее ей подобных, только много помельче. Мы не будем останавливаться на всей этой толпе мракобесов. Отметим только министра народного просвещения Уварова и главу реакционной журналистики Булгарина.

В александровскую эпоху Уваров был нечужд бесформенного, бледного, худосочного либерализма и находил, напр., что „хотеть просвещения безвредного" значит „хотеть огня, который бы не жег". Но те времена давно прошли, и теперь Уваров с ревностью ренегата стал проводить и укреплять в русской школе

теорию оффициальной народности, которая объявляла вечными и нерушимыми три кита старого порядка — православие, самодержание и народность, под которою разумелось крепостное право. Это та самая теория, которую шеф жандармов Бенкендорф выражал такими словами: „прошлое России удивительно, настоящее более, чем великолепно, будущее — выше всего, что может себе представить самое пылкое воображение". В 1832 году, будучи еще товарищем министра, Уваров ревизовал Московский университет и посетил лекцию профессора Погодина по русской истории. В этой лекции проводились такие взгляды: русская история своеобразна; главная сила в ней — правительство; много в русской истории чудесного, „и потому российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия самою верною и надежною". Уваров был очень доволен этой лекцией.

Булгарин был авантюрист с очень темным прошлым. Он служил то в русской армии против Наполеона, то в армии Наполеона против России, был одно время прихлебателем у военных писарей и уличен был в краже пальто у одного офицера. Потом, став литератором, Булгарин сделался агентом тайной полиции и составил „образцовых доносов архив", доносил направо и налево, на всех без разбора и стеснения. Низкая зависть и грязное корыстолюбие были господствующими, если не единственными, мотивами его поведения. Он завидовал Загоскину по поводу выхода его романа „Юрий Милославский"; из зависти и корысти он принял деятельное участие не только в „патриотической" публицистике, но и в такой же квасно-патриотической изящной литературе, выпустив „Самозванца", роман

„Петр Иванович Выжигин“ и т. д. Вместе с Гречем Булгарин издавал газету „Северная Пчела“, которая имела монополию иностранных политических известий, — другие газеты этого права не имели, — и потому приносила издателям огромный доход. В этой газете Булгарин и Греч торговали казенным патриотизмом оптом и в розницу, распивочно и навынос.

И в литературе того времени Булгарин и Греч не были одиноки. Им помогали Сенковский, под псевдонимом барона Брамбеуса отвлекавший внимание публики от серьезных вопросов сплетнями и забавными безделицами, не брезговавший и доносами, Загоскин и Кукольник своими „патриотическими“ романами и драмами, причем Кукольник в своем угодничестве обмолвился знаменитой фразой: „прикажут,—завтра же буду акушером“, и многие другие.

II.

Либералы двадцатых и тридцатых годов.

„Прошлое России удивительно, настоящее ее более, чем великолепно, будущее — выше всего, что может себе представить самое пылкое воображение“,—так говорил шеф жандармов Бенкендорф. Конечно, — по крайней мере по отношению к будущему,—он говорил неискренно: на самом деле реакционерам вроде, напр., Тютчева, оно не рисовалось в таких розовых красках: они предвидели ожесточенную, отчаянную, смертельную борьбу с гидрой Революции. И они были правы. В этом они сходились с революционерами, и это было оправдано действительностью.

Но кроме двух крайних партий—реакции и революции—в России двадцатых и тридцатых годов, как и позднее, была еще середина—либералы или „либе-

ралисты", как их тогда называли. Эта середина рекрутировалась и из более культурного, передового, чаще всего среднего по достатку и землевладению дворянства, и из нарождавшейся буржуазии. Дворянским либералом двадцатых и тридцатых годов был наш великий поэт, Шекспир русской литературы, Пушкин.

„Вскочил Евгений, вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал, пошел бродить, и вдруг
Остановился и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С подъятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в темной вышине,
Над огражденною скалою,
Гигант с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.
Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вкруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Над морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию вздернул на дыбы?"

В этом отрывке из пушкинского „Медного Всадника“ ярко выразились мысли либералов двадцатых и тридцатых годов о прошлом, настоящем и будущем России. Здесь все для них характерно и типично.

И либералы, как и мракобесы и революционеры, предвидели революцию. Но как к ней они относились?

Революционеры к ней стремились, мракобесы с ней боролись, а либералы ее боялись: она им представлялась „бездной“, их пугал „огонь“, сокрытый в коне—России.

Они верили в величие и целесообразность петровской реформы, оправдывали в прошлом самодержавие Петра, „узду железную“, которая „Россию вздернула на дыбы“. Они ценили европейскую сущность петровской реформы и хотели направить Россию по путям европейского развития.

Но конечная цель им рисовалась в тумане, вызывала у них не определенное решение, а недоуменный вопрос: „куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?“ Раздумье, нерешительность—вот результат. И отсюда—слабая активность и часто изменчивость точек зрения и оценок того, что делалось направо и налево.

Либеральное настроение молодого Пушкина двадцатых годов нашло себе прекрасное выражение в следующем превосходном послании:

Петру Яновлевичу Чаадаеву.

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тешил нас обман;
Исчезли юные забавы,
Как дым, как утренний туман!
Но в нас кипят еще желанья:
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванья!

Мы ждем, с томленьем упованья,
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты сладкого свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души высокие порывы.
Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишет наши имена".

Для либералов всех времен и народов нет ничего более характерного, как резкая черта разделения, проводимая ими между политической и социальной реформами. Поскольку речь идет о политической стороне задачи, либералы часто или, по крайней мере, иногда готовы протянуть руку революционерам, особенно террористам, деятелям индивидуального террора, героям политических убийств. Они часто поддерживают их всею силою своего морального авторитета именно потому, что им импонирует (на них сильно действует) индивидуалистический героизм такого рода террористов.

С свойственным ему художественным проникновением и поэтическим подъемом Пушкин высказался в этом смысле в следующем стихотворении, написанном по случаю убийства немецким студентом Зандом русского шпиона Коцебу:

„Кинжал".

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды!
Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд;

Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.
Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И озираясь он трепещет
Среди своих пиров.
Везде найдет его удар надежный твой:
На суше, на морях, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной.
Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник закон,
Но Брут восстал вольнолюбивый...
Ты Кесаря сразил—и мертв объемлет он
Помпея мрамор горделивый.
Исчадье мятежа подъемлет злобный крик.
Презренный, мрачный и кровавый
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник.
Апостол гибели, усталому аиду
Перстом он жертву назначал;
Но высший суд ему послал
Тебя и деву—Эвмениду...
О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.
В твоей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе —
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал".

Но для либерала допустим лишь индивидуально-террористический акт как тактика. Цель его—переволюционна. Это—сочетание „свободы" и „порядка", „законность", равенство перед законом, как видно из следующего стихотворения:

„Вольность".

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!

Где ты, где ты, гроза царей
Свободы грозная певица?
Сорви с главы моей венок,
Разбей изнеженную лиру —
Хочу воспеть я вольность миру,
На троне поразить порок.
Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама, средь грозных бед
Ты гимны смелые внушала.
Любимцы ветреной судьбы,
Тираны мира, трепещите!
А вы — мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!
Увы, куда ни брошу взор,
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы.
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений,
Повсюду рабства грозный гений
И к славе роковая страсть.
Лишь там
Неслышимо людей стенанье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье,
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками,
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит,
И преступленье свысока
Сражает праведным размахом,
Где неподкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Тебя в свидетели зову,
О, мученик ошибок славных,
За предков, в шуме бурь недавних,
Сложивший царскую главу!
Восходит к смерти Людовик,
В виду безмолвного потомства.
Челом развенчанным приник

К кровавой плахе вероломства.
Молчит закон, народ молчит,
Падет преступная секира —
И самовластная порфира
На галлах скованных лежит...“

Уже из этого видно, что царизм-монархизм, хотя бы и конституционный, свойствен либералам, составляет их неотъемлемую черту. И Пушкину он был всегда свойствен. Он был безусловно искренен и правдив, когда говорил:

„Нет я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю“.

Недаром его „Полтаву“ отличает героический царизм. Недаром он в лице Бориса Годунова карал убийцу з а к о н н о г о наследника престола и самого Годунова презрительно называл „вчерашним рабом, татарином, зятем Малюты“.

И потому социальная программа либералов умеренна, и, напр., крестьянская реформа мыслится не иначе, как сверху. Почитайте пушкинское стихотворение.

„Д е р е в н я“.

Приветствую тебя пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья!
Я твой: я променял порочный двор царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубрав, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,

За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Везде следы довольства и труда
Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца в величии неправом.
Оракулы веков! здесь вопрошаю вас —
Когда весной в тени дерев
В уединеньи величавом
Слышнее ваш отрадный глас;
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.
Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.
Не видя слез, не внемля стонам,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут;
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти развратного злодея;
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собою множить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если-б голос мой умел сердца тревожить!

Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне в удел витийства грозный дар?
Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет-ли, наконец, прекрасная заря!"

Прекраснодушное наслаждение природой, раздумье над философскими проблемами, идеализация сельского быта и сельского хозяйства, теоретический, не действенный, не активный протест против рабства, вера в „витийство", т. - е. мирную пропаганду, как в единственное средство разрешить крепостные узы, уверенность, — что „просвещенная свобода" может восторжествовать не иначе, как по „манию царя", — все это черты, ярко характеризующие Пушкина как типичного либерала 20-х и 30-х годов.

Характерно в этом отношении и его изменчивое отношение к Радищеву; сначала он отзывался о нем восторженно и в высшей степени сочувственно. Но николаевская действительность заставляла к себе приспособляться, чтобы просто выжить, не оборвать нить работы, передать ее последователям. И Радищев порицается Пушкиным как безнадежный утопист.

Чтобы лучше понять различие либеральной и революционной точек зрения, стоит сопоставить стихотворное послание Пушкина декабристам с ответом на него декабриста князя Одоевского.

Вот что писал декабристам Пушкин:

«Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье:
Не пропадет ваш тяжкий труд
И дум высокое стремленье.
Оковы тяжкие спадут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас встретит радостно у входа,
И братья меч вам отдадут».

Отчего спадут оковы и рухнут темницы? Кто снимет первые и разрушит вторые? Об этом ни слова. Получается впечатление, что все это сделает благожелательная и либеральная власть. Совсем иначе звучит ответ Одоевского:

«Наш тяжкий труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И благородный наш народ
Пойдет под то святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы
И с ними грянем на царей,
И радостно вздохнут народы».

Восстание народа и ниспровержение монархии—вот тактика революционеров.

Еще одна черта делала Пушкина типичным русским дворянским либералом двадцатых и тридцатых годов: он считал ненужным, лишним для русского общества цельное философское миросозерцание, и сам его не имел. Он прямо отрицал поэтому пользу философских статей в журналах.

При всем том Пушкин представлял собою и как политик, не только как поэт, замечательное явление в русском общественном движении 20-х и 30-х годов: вращаясь в высшем свете, проникнутый дворянскими предрассудками, гордившийся своим столбовым шестисотлетним дворянством больше, чем своим гением, Пушкин сумел понять и развить все лучшее и передовое, что только могло быть свойственно прогрессивной части высшего дворянства. Он был прав, когда сказал о себе: „и долго буду тем любезен я народу, что в мой суровый век прославил я свободу".

Тридцатые годы дали либерала также из среднего провинциального дворянства великого поэта нашего Лермонтова. Здесь протест был резче и больше пропитан

горечью, и под конец своей непродолжительной, но блестящей, литературной деятельности Лермонтов оказался предтечей новых исканий и настроений передовой русской, по преимуществу тогда дворянской, интеллигенции.

Смерть Пушкина дала сильный толчек протестующей мысли Лермонтова: он увидел после нее с бо́льшей, чем прежде, ясностью, кто правит Россией, и понял, как они правят. Отсюда вышло его знаменитое стихотворение „На смерть Пушкина", которое все в целом проникнуто горячим сочувствием погибшему поэту и протестом против господ положения. Но всего характернее здесь следующие негодующие, яркие и сильные стихи:

«А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, гения и славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!»

Негодующий тон в отношении к мракобесам, не только окружавшим трон, но и его занимавшим, был свойствен Лермонтову не в одном лишь этом его стихотворении. Лермонтов никогда не „сказал царю" „свободной хвалы", искренний царизм Пушкина ему не был свойствен. Напротив, он понимал и глубоко чувствовал, употребляя позднейшее выражение нашего первого великого критика Белинского, „гнусность рассейской действительности" в николаевское время. И отсюда вышло такое негодующее стихотворение:

«О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?

Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец, —
Златой венец не твой венец.
Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду, как свободой!
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.
Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, — и в этом есть краю
Один, кто понял песнь мою».

С этим гармонирует и то, что Лермонтов писал, уезжая в ссылку на Кавказ:

«Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей».

Но негодование Лермонтова не перешло и не могло перейти в революционное действие: по существу революционером он не был, был только либералом, более левым, чем Пушкин, по своему социальному положению, да и обстоятельства были не таковы, чтобы было возможно прямое революционное действие. Искренность протеста сочеталась поэтому у Лермонтова с чувством и сознанием бессилия. Горечь этого чувства и сознания нашли себе также яркое выражение в его поэзии. Конечно, рéчь шла о России, когда он писал „Жалобу турка“:

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где рощи и луга, поблекшие цветут,
Где хитрость и беспечность злобе дань несут,
Где сердце жителей волнуемо страстями,
И где являются порой
Умы и хладные и твердые, как камень,
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень?
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за успехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! Этот край моя отчизна!..

Но Лермонтов, как представитель либерализма своего времени, замечателен особенно тем, что он, с одной стороны, искал корней в народе, с другой—испытывал сильное чувство грусти и жаждал хоть какого-нибудь примирения с действительностью. И то и другое — и влечение к народу и желание обрести что-то цельное, какое-то миросозерцание, которое дало бы возможность духовно жить, выразилось, прежде всего, в стихотворении „Родина“:

«Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не победит ее рассудок мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи кочующий обоз,
И на холме, средь желтой нивы,

Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужиков».

Под конец жизни в таких стихотворениях, как „Молитва", „Ветка Палестины", „Когда волнуется желтеющая нива" и проч., развивается окончательно то настроение, которого первые признаки заметны в „Родине": Лермонтов грустит, но примиряется с действительностью, в которой он чует что-то таинственное (мистическое) и красивое (эстетическое). Эти две черты составляли сущность того мировоззрения, того взгляда на мир и жизнь, который проводил в своей философии Шеллинг. И философия Шеллинга была воспринята первыми русскими его последователями еще в двадцатых годах. Лермонтов ее не знал, но он силою своего гения предвосхитил, почуял и выразил те настроения, которые имели очень важное значение для развития русской не только либеральной, но и революционной мысли того времени: это настроение— искание цельного миросозерцания, философского понимания действительности. Оно было важно потому, что только на его основе можно было построить в единую систему все свои взгляды на жгучие вопросы времени. И Лермонтов явился одним из предшественников и подготовителей этой важной новости в русском общественном движении тридцатых годов.

В то время уже жили и действовали, отчасти даже уже сошли в могилу, первые русские шеллингианцы— профессора Велланский, Галич, Павлов и кружок

„московских любомудров" во главе с Веневитиновым и князем Одоевским. Кружок этот прекратил свое существование в 1825 году, но Одоевский и после того продолжал свою шеллингианскую проповедь.

В связи с этим стояло выступление в печати человека, служившего связующим звеном между тридцатыми и сороковыми годами,—Петра Яковлевича Чаадаева.

Нам уже известно послание Пушкина к Чаадаеву, ярко рисующее свободолюбивые взгляды последнего. В другом своем стихотворении Пушкин характеризовал Чаадаева в таких выражениях:

«Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
У нас он—офицер гусарский».

Но главное значение Чаадаева заключается не в том, что он был либералом, не в его свободолюбии, а в том, что его свободолюбие и либерализм были иного рода,— не того, какой был свойствен как общее правило двадцатым и тридцатым годам, а того, зародыши которого были у Лермонтова и московских любомудров, и который отличал собою уже сороковые годы: либерализм Чаадаева опирался на цельное или, по крайней мере, слагавшееся уже в систему миросозерцание—философское и историческое.

В 1836 г. в журнале Надеждина „Телескоп" появилось „Философическое письмо" Чаадаева, где он объявил, что Россия далеко отстала от запада Европы главным образом потому, что православие бесконечно ниже по своей исторической, общественной роли, чем католицизм. Именно католицизм создал и свободу и цельное миросозерцание. Призывая поэтому к западничеству, к заимствованию с запада политических и культурных его достижений, Чаадаев вместе с тем был, однако, проникнут твердым и горячим убеждением в великой будущности России, в ее мировом предна-

значении (мировой миссии): „мы призваны“, писал Чаадаев, „разрешить бóльшую часть проблем социального строя, завершить бóльшую часть идей, возникших в старом обществе, и произнести приговор в самых важных вопросах, занимающих человечество“.

Религиозность, убеждение в первенствующем значении религии для общественного развития, сближающее Чаадаева с шеллингианством, и русский мессианизм, уверенность в великой исторической миссии России делают Чаадаева предшественником славянофилов сороковых годов. Но он резко отличался от славянофилов тем, что не идеализировал, как то делали они, русского исторического прошлого, смеялся и иронизировал над их стремлениями доказать превосходство русской цивилизации над западно-европейской; говоря о славянофильстве, Чаадаев впоследствии с убийственным сарказмом характеризовал его так: „мы затопили у себя курную хату; сидим в дыму, — зги божьей не видать“. В этом отношении Чаадаев был предшественником будущего западничества. Он, будучи предшественником обоих главных течений сороковых годов, являлся по своим воззрениям в значительной степени сотканным из внутренних противоречий: был „религиозным западником“ и „славянофилом-католиком“. Правительство Николая I, в своем остервенелом мракобесии, поняло опасность воззрений Чаадаева: Надеждин, редактор „Телескопа“, был сослан за напечатание „Философического письма“, а сам Чаадаев был объявлен сумасшедшим, и к нему долго, по предписанию властей, ездил врач как к душевнобольному. С тех пор литературная деятельность Чаадаева прекратилась: он замолк навсегда. Но он сделал большое историческое дело своим „Философическим письмом“. Он велик этим небольшим произведением, как Грибоедов велик

своим „Горем от ума“, в котором художественно воплощен в лице Чацкого революционер двадцатых годов,— декабрист.

III.

Декабристы.

Прежде чем перейти к западничеству и славянофильству, мы должны остановиться на революционерах двадцатых годов, — декабристах, потому что они по складу своих воззрений ближе подходили к либералам двадцатых и тридцатых годов, чем к западникам и славянофилам.

Вот что о 14-м декабря рассказывает в своих „Записках“ барон Штейнгель, участник заговора и движения:

„Наконец, настало роковое 14-ое декабря — число замечательное: оно вычеканено на медалях, с какими распущены депутаты народного собрания для составления законов при Екатерине II. Это было сумрачное, декабрьское петербургское утро, с 8° мороза. До девяти часов весь правительствующий сенат был во дворце. Тут и во всех полках гвардии производилась присяга. Беспрестанно скакали гонцы во дворец с донесениями, где как шло дело. Казалось все тихо. Некоторые таинственные лица показывались на Сенатской площади, в приметном беспокойстве... Часов в 10 на Гороховом проспекте вдруг раздался барабанный бой и часто повторяемое „ура“! Колонна Московского полка с знаменем, предводимая штабс-капитаном князем Щепиным-Ростовским и двумя Бестужевыми, вышла на Адмиралтейскую площадь и повернула к сенату, где построилась в каре. Вскоре к ней быстро примкнул Гвардейский экипаж, увлеченный Арбузовым, и потом батальон лейб-гренадеров, приведенный адъютантом Пановым и поручиком Сутгофом. Сбежалось много про-

стого народа, и тотчас разобрали поленницу дров, которая стояла у заплота, окружающего постройки Исаакиевского собора. Адмиралтейский бульвар наполнился зрителями. Тотчас уже стало известно, что этот выход на площадь ознаменовался кровопролитием. Князь Щепин-Ростовский, любимый в Московском полку, хотя и не принадлежавший явно к обществу, но недовольный и знавший, что готовится восстание против великого князя Николая, успел внушить солдатам, что их обманывают, что они обязаны защищать присягу, принесенную Константину, и потому должны итти к сенату. Генерал Шеншин и Фредерикс и полковник Хвощинский хотели их переуверить и остановить. Он зарубил первых и ранил саблею последнего, равно как унтер-офицера и одного гренадера, хотевшего не дать знамя и тем увлечь солдат. По счастию, они остались живы.

Первою жертвою пал вскоре граф Милорадович, невредимый в столь многих боях. Едва успели инсургенты построиться в каре, как он показался скачущим из дворца в парных санях, стоя, в одном мундире и в голубой ленте. Слышно было с бульвара, как он, держа левой рукою за плечо кучера и показывая правою, приказывал ему: „объезжай церковь и направо, к казармам“. Не прошло и трех минут, как он вернулся верхом перед каре и стал убеждать солдат повиноваться и присягнуть новому императору. Вдруг раздался выстрел, граф замотался, шляпа слетела с него, он припал к луке, и в таком положении лошадь донесла его до квартиры того офицера, которому принадлежала. Увещая солдат с самонадеянностью старого отца-командира, граф говорил, что сам охотно желал, чтобы Константин был императором; но что же делать, если он отказался; уверял их, что он сам видел новое отречение, и уговаривал поверить ему. Один из членов

тайного общества, князь Оболенский, видя, что такая речь может подействовать, выйдя из каре, убеждал графа отъехать прочь, иначе угрожал опасностью. Заметя, что граф не обращает на это внимания, он нанес ему штыком легкую рану в бок. В это время граф сделал вольт-фас, а Каховский пустил в него из пистолета роковую пулю, накануне вылитую. Когда у казармы сняли его с лошади и внесли в упомянутую квартиру офицера, он имел последнее утешение прочитать собственноручную записку нового своего государя с изъявлением сожаления,—и в 4-м часу дня его уже не существовало.

Тут выразилась вполне важность восстания, которою ноги инсургентов, так сказать, приковались к занимаемому месту. Не имея сил итти вперед, они увидали, что нет уже спасения назади. Жребий был брошен. Диктатор[1]) к ним не являлся. В каре было разногласие. Оставалось одно: стоять, обороняться и ждать развязки от судьбы. Они это сделали...

Между тем, по повелениям нового императора, мгновенно собрались колонны верных войск к дворцу. Государь, не взирая на убеждения императрицы, ни на представления усердных предостерегателей, вышел сам, держа в руках 7-летнего наследника престола, и вверил его охранению преображенцев. Эта сцена произвела полный эффект: восторг в войсках и приятное, многообещающее изумление в столице. Государь сел потом на белого коня и выехал перед первый взвод, подвинул колонны от экзерцир-гауза до бульвара. Его величавое, хотя несколько мрачное, спокойствие обратило тогда же всеобщее внимание. В это время инсургенты минутно были польщены приближением

[1]) Диктатором был выбран князь Трубецкой.

Финляндского полка, симпатии которого еще доверяли. Полк этот шел по Исаакиевскому мосту. Его вели к прочим присягнувшим, но командир 1-го взвода, барон Розен, придя за половину моста, скомандовал: стой! Полк весь остановился, и ничто уже, до конца драмы, сдвинуть его не могло. Та только часть, что не взошла на мост, перешла по льду на Английскую набережную и тут примкнула к войскам, обошедшим инсургентов со стороны Крюкова канала...

Вскоре после того, как государь выехал на Адмиралтейскую площадь, к нему подошел с военным респектом статный драгунский офицер, которого чело было под шляпою повязано черным платком, и после нескольких слов пошел в каре, но скоро возвратился ни с чем. Он вызвался уговорить бунтовщиков и получил один оскорбительный упрек. Тут же по повелению государя был арестован—и понес общую участь осужденных. После его подъезжал к инсургентам генерал Воинов, в которого Вильгельм Кюхельбекер, поэт-издатель журнала „Мнемозина", бывший тогда в каре, сделал выстрел из пистолета и тем заставил его удалиться. К лейб-гренадерам явился полк. Стюрлер, и тот же Каховский ранил его из пистолета. Наконец, подъезжал сам вел. кн. Михаил — и тоже без успеха. Ему отвечали, что хотят, наконец, царствования законов. И с этим поднятый на него пистолет, рукою того же Кюхельбекера, заставил его удалиться. Пистолет был уже и заряжен.

После этой неудачи из временно устроенной в Адмиралтейских зданиях Исаакиевской церкви вышел Серафим—митрополит—в полном облачении, со крестом в преднесении хоругвей. Подошед к каре, он начал увещание. К нему вышел другой Кюхельбекер, брат того, который заставил удалиться вел. князя

Михаила Павловича. Моряк и лютеранин, он не знал высоких титлов нашего православного смирения и потому сказал просто, но с убеждением: „отойдите, батюшка, не ваше дело вмешиваться в это дело“. Митрополит обратил свое шествие к адмиралтейству...

Когда таким образом совершился весь процесс укрощения мирными средствами, приступили к действию оружия. Генерал Орлов с полной неустрашимостью дважды пускался со своими конногвардейцами в атаку, но пелотонный огонь [1]) опрокидывал нападения. Не победя каре, он, однакож, завоевал этим целое фиктивное графство. Государь, передвигая медленно свои колонны, находился уже ближе середины Адмиралтейства. На северо-восточном углу Адмиралтейского бульвара появилось ultima ratio [2]) — орудия гвардейской артиллерии. Командующий ими генерал Сухозанет подъехал к каре и кричал, чтобы положили ружья, иначе будет стрелять картечью. В него самого прицелились ружьем, но из каре послышался презрительно повелительный голос: „не троньте этого... Он не стоит пули“. Это естественно оскорбило его до чрезвычайности. Отскакав к батарее, он приказал сделать залп холостыми зарядами: но не подействовало! Тогда засвистали картечи; тут все дрогнуло и рассыпалось в разные стороны, кроме павших. Можно было этим уже и ограничиться; но Сухозанет сделал еще несколько выстрелов, вдоль узкого Галерного переулка и поперек Невы, к Академии художеств, куда бежали более из толпы любопытных“...

Таковы были события, совершившиеся в Петербурге, на Сенатской площади, 14 декабря 1825 года. То была

[1]) Т.-е. выстрелы залпами.

[2]) Последний довод, самое верное средство.

попытка восстания против нового императора Николая I. Как и почему она произошла?

Россия при Александре I вынесла страшное потрясение наполеоновских войн, особенно похода Наполеона I в 1812 году и войн против него в 1813—15 годах. Наполеон был побежден — это ясно было для всех—не вследствие талантов и распоряжений правительствующих лиц и военного начальства: его победили огромные русские расстояния, мороз и, наконец, народная война. Участники войн — особенно молодые офицеры, более передовые и образованные,—сознавали это очень хорошо и потому не имели никакого почтения к старому русскому государственному порядку. Этот недостаток почтения перешел в стыд и ясное сознание отсталости России сравнительно с западом Европы, к порядкам которой присмотрелись во время заграничных походов. А отсюда явилось желание догнать Европу. Передовая дворянская молодежь стала учиться общественным наукам и помышлять о преобразовании русского государственного устройства: это было признаком начавшегося перерождения русского дворянства в буржуазию.

Но мысли о преобразованиях не могли не сопровождаться действиями. И вот задумали основать общество мирной пропаганды новых идей под названием „Союз Спасения". Но этому обществу придан был революционный характер по образцу итальянского общества карбонариев скоро примкнувшим к нему талантливым, энергичным и умным офицером Павлом Ивановичем Пестелем. Пестель, однако, скоро уехал из Петербурга на службу сначала в Прибалтийский край, потом на юг, в Тульчин, где был штаб южной армии. Без него многие участники Союза Спасения испугались революционного характера общества, закрыли его

и решили основать другое общество—„Союз Благоденствия", который, в подражание немецкому „Союзу Добродетели" („Tugendbund"), должен был содействовать правительству в его деятельности и вообще заниматься мирной культурной работой. Напрасно Пестель протестовал против уничтожения „Союза Спасения", — ему пришлось подчиниться, и он только старался, развивая революционную организацию у себя на юге, напитать тем же революционным духом и „Союз Благоденствия".

Усилия Пестеля в этом направлении оказались напрасными, бесплодными: „Союз Благоденствия" не только не развил-сколько нибудь широкой революционной деятельности, но был его членами на съезде в Москве распущен: становилось опасным устраивать какие бы то ни было общества, так как правительство Александра I решительно повернуло на путь реакции и специально запретило всякие тайные общества.

Пестель, однако, не хотел отказаться от революционных целей. И у себя в Тульчине он основал новое тайное общество, совершенно революционное и даже республиканское по своему направлению. Деятельность Южного общества особенно развилась и усилилась тогда, когда к нему примкнули два энергичных молодых офицера — Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин. Им удалось привлечь в Южное общество значительную группу молодых провинциальных офицеров, мечтавших о федерации (союзе) всех славянских народов и основавших „Общество соединенных славян".

По мнению Пестеля, в России можно было утвердить новые порядки не сразу после революции, после решительного переворота, который он считал необходимым и неизбежным: для воспитания народа в новом

духе необходимо временное правительство с неограниченной властью, диктатурой. Диктатура временного правительства должна продолжаться, по Пестелю, лет десять, а может быть и больше.

В руководство временному правительству, для указания тех целей, к которым должно оно стремиться, Пестель составил проект целой революционно-республиканской конституции под заглавием „Русская Правда".

По „Русской Правде", Россия должна была сделаться республикой, построенной на всеобщем избирательном праве, демократической республикой. Все власти должны быть выборными и сменяемыми, находящимися под контролем народа. Гражданские свободы должны быть утверждены прочно и нерушимо. Личная свобода—отмена крепостного права необходима.

Особое внимание Пестель уделял в своем проекте вопросу о земле, о землевладении. Он предполагал разделить всю землю в России на две части: одна часть должна быть в собственности частных лиц и казны; землю эту можно завещать, вообще передавать по наследству, продавать, закладывать, дарить, менять; она предназначена для развития частной предприимчивости и личного обогащения; очевидно, здесь Пестелю рисовалась впереди картина развития капиталистического производства; другая часть земли должна даваться в надел освобожденным от крепостной зависимости крестьянам, причем распределять эту землю и владеть ею должны учреждения, управляющие каждой из больших областей, на которые должна была делиться Россия, конечно, и эти областные учреждения должны выбираться демократически. Таким образом Пестель составил впервые план, по которому часть земли должна была подвергнуться так-называемой му-

ниципализации, передаче в распоряжение демократически избранных органов местного, областного управления.

Проект Пестеля не был окончательно принят членами Южного общества, Пестель даже не успел его закончить и окончательно обработать. Поэтому, хотя Южное общество было республиканским, но многое, что выражено и изложено в „Русской Правде", отражает личные взгляды Пестеля. По своим воззрениям Пестель, человек очень умный и образованный, притом сам не имевший крепостных крестьян, представлял собою исключение среди декабристов, далеко опережая их.

Если таким образом исключить Пестеля и взять всех декабристов в целом, то придется различить в них три главные группы: во-первых, аристократию, крупно-землевладельческое дворянство, во-вторых, среднее дворянство, в третьих, дворянство мелкое.

Крупных, богатых дворян-землевладельцев, дворянской аристократии было среди декабристов немного, — всего несколько человек. Это и понятно: крупно-землевладельческое дворянство при самодержавии и крепостном праве было господином положения и желать изменений, тем более революции, не могло. Почему же некоторые представители дворянской аристократии отбились от своего класса и примкнули к революционерам?

Для того, чтобы понять это, надо присмотреться к личности князя Трубецкого, видного члена Северного общества, которое возникло в Петербурге после того, как Пестель, Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин основали Южное общество и развили его деятельность, причем, однако, Северное общество существенно отличалось от Южного.

Князь Трубецкой был аристократ по происхождению, фамилия его шла от Рюрика. Но он не был богат, обеднел и потому на особо влиятельное положение при старых порядках не мог рассчитывать. А между тем он был честолюбив. Это хорошо понимал проницательный Пестель, который предлагал Трубецкому встать во главе Южного общества. И вот это-то честолюбие и привлекло Трубецкого к декабристам. Он, однако, оставался монархистом и желал конституции чисто-дворянской, с весьма умеренными реформами; освобождение крестьян и их земельное устройство он не представлял себе в сколько-нибудь ясных, отчетливых формах.

Отрыв от класса, к которому человек принадлежит, никогда не бывает полным. Так случилось и с Трубецким. Декабристы желали привлечь к себе богатых и знатных дворян; им казалось, что это необходимо для успеха, притом князь Трубецкой был полковником гвардии, имел высокий военный чин, носил, как тогда говорили, „густые эполеты", а привлечение „густых эполет" к делу революции декабристам также казалось необходимым условием успеха. Поэтому они выбрали Трубецкого диктатором, предводителем восстания. Но в самую критическую минуту декабристский диктатор оказался дезертиром: он не явился на Сенатскую площадь к восставшим войскам, а сидел в двух шагах от этого места, в швейцарской Главного штаба, в страхе и смятении: он не верил в дело, вождем которого был избран. И потом, когда он был арестован, приведен к Николаю, и тот сказал ему: „гвардии полковник! князь Трубецкой! и вам не стыдно быть с такой дрянью!" — он раскаялся, униженно ползал на коленях и взывал: „жизни, государь, жизни!" До такого унижения не дошли другие представители

дворянской аристократии в среде декабристов, но по своим взглядам они не далеко ушли от князя Трубецкого.

Среднее дворянство составляло основное ядро декабристов и в Северном и в значительной мере в Южном обществе. То была наиболее культурная, передовая часть дворянства, к которой принадлежали и те, кто начинал перестраивать свое хозяйство на новый лад.

Сюда принадлежали многие последователи Пестеля. Но особенно много видных членов Северного общества относились к этой именно категории. Таков был вождь Северного общества, известный революционный поэт Рылеев, стихи которого декабристы ставили гораздо выше „свободных" стихов Пушкина. Таков был Никита Муравьев, составитель проекта конституционно-монархической конституции, видный член и до Рылеева—руководитель Северного общества.

В конституции Никиты Муравьева, так же, как и „Русская Правда" Пестеля, не законченной и формально не утвержденной членами Северного общества, характерны для массы декабристов, принадлежавших к среднему дворянству, три черты: во-первых, монархизм,—республиканцами средние дворяне-декабристы в массе своей не были; во-вторых, дворянский характер проектируемой конституции, в третьих, наконец, решение крестьянского вопроса. В особенности важно последнее: оказывается, что по проекту Никиты Муравьева освобожденные крестьяне получали ничтожный надел,—всего по две десятины на двор. Таким образом дворянство должно было сохранить почти всю землю. Это вполне понятно: только при таких условиях возможно было сохранить за конституцией дворянский характер.

Что касается мелкого дворянства, то оно шло в хвосте то у Никиты Муравьева, то у Пестеля, а чаще всего замечало отдельные злоупотребления, не видя зла в целом, из-за деревьев не видело леса и примыкало к декабристам часто только по чувству и настроению, не имея ни цельных социальных и политических планов, ни вообще какой-либо сложившейся системы убеждений. Многие попали из этой среды в число декабристов случайно, под влиянием знакомств, личных связей и увлечений.

Таковы были взгляды, убеждения, настроения, увлекшие в дело декабристов разные слои дворянской молодежи. Как же произошло само восстание и почему оно случилось именно 14-го декабря?

Заговор и организация декабристов стали известны правительству еще в конце царствования Александра I. Доносы, получавшиеся Александром, все указывали особенно на Пестеля. И Пестель был арестован 13 декабря 1825 г. и увезен в Петербург. Но других так и не тронули пока: точно все нити заговора и организации оставались неизвестными.

В ноябре 1825 г. умер в Таганроге император Александр I, не оставив после себя детей. Наследником престола должен был быть по закону следующий по старшинству его брат Константин, который в то время был командующим польскими войсками в Варшаве. Но он отрекся от престола еще при жизни Александра: формальным поводом к отречению была его женитьба не на принцессе, а на польке, графине Грудзинской, но на деле причина заключалась в его капризном, самодурном характере, который не нравился придворному дворянству, и который казался опасным для династии и самому Александру: помнили судьбу Павла I, которого за самодурство, за желание чистым

самовластием подменить дворянское самодержавие, задушили его собственные придворные.

Но отречение Константина хранилось в тайне. Следующий брат Александра и Константина Николай знал о нем и знал, что он, Николай, должен наследовать Александру, но его не любили за строгость и суровость, и когда по смерти Александра он заговорил о своих правах на престол с петербургским генерал-губернатором графом Милорадовичем, то получил ответ, не обещавший поддержки: Милорадович сказал ему: „сами изволите знать, — вас не любят".

После этого Николай не решился объявить себя императором, присягнул, как и все, Константину и завел с ним переписку по этому поводу, повидимому, желая, чтобы император Константин отрекся вновь уже в качестве императора. А Константин долго не давал нового отречения, ссылаясь на старое и надеясь, вероятно, что ему все-таки удастся сохранить престол. Однако, он, повидимому, убедился, что большинство дворянства за него не стоит, и в декабре дал окончательное отречение. 14-го декабря должна была произойти присяга войска и, в частности, гвардии императору Николаю I.

Тогда Рылеев понял, что наступил удобный момент для революционного выступления. „Теперь или никогда", — так рассуждали члены Северного общества. Так и произошло восстание 14 декабря в Петербурге.

После ареста Пестеля в Южном обществе руководителями остались одни Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин. Они подняли восстание Черниговского полка, но были поражены артиллерией и оба взяты в плен.

Суд над декабристами был тайным и беспощадным. Всем на деле руководил сам Николай I. Им же подска-

зан был и приговор, слегка им и смягченный. Пятеро— Пестель, Рылеев, Каховский, Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин — были повешены, остальные получили каторгу, ссылку, некоторые были разжалованы в солдаты.

Попытка декабристов кончилась неудачей. Россия еще не созрела для нового строя, потому что у власти оставалось еще дворянство, ведшее крепостное хозяйство и видевшее в самодержавии оплот своего хозяйственного и государственного господства. Тем не менее заговор и восстание декабристов являются первым шагом по пути нового революционного движения в России, знаменовавшим собою начало разложения дворянства и перерождения его в буржуазию. Зародыши буржуазных взглядов и порядков заметны в воззрениях декабристов.

IV.

Западники и славянофилы.

Декабристы, несмотря на свою революционность, резко отличавшую их от либералов двадцатых годов, сходны были с этими либералами в том отношении что не имели цельного мировоззрения, не связывали, своих политических убеждений с общим взглядом на мир и жизнь. Между тем, такая связь была совершенно необходима, и это сознавалось отчасти уже во времена декабристов и особенно вскоре после них: нам известны уже взгляды московских любомудров и Чаадаева. Эти взгляды и явились зародышами двух новых явлений в общественном движении сороковых годов XIX века, известных под названием западничества и славянофильства.

Семена, посеянные московскими любомудрами и Чаадаевым, пышным цветом взошли в кружках молодежи тридцатых годов.

Кружки эти тогда не все восходили к зародышам философского объяснения действительности. Первый замечательный кружок—кружок Сунгурова—вел свое начало от декабристов и не шел далее их воззрений, не вырабатывал цельного миросозерцания, был только последним проявлением декабризма.

Дворянин Сунгуров в 1830 и 1831 годах основал кружок студентов Московского университета. Это был кружок конституционалистов. Никакого практического дела они не вели, а только беседовали между собою о произволе правительства, злоупотреблениях, тяжелом положении крестьян и необходимости конституции, читали запрещенные стихотворения Рылеева и Пушкина и радовались поражениям, которые терпели русские войска под начальством Дибича во время польского восстания 1830 — 31 годов. В 1832 г. кружок Сунгурова был открыт жандармами, участники его арестованы, сам Сунгуров был сослан в каторгу.

Политическая революционность, восходящая своими корнями к декабристам, была исходным пунктом развития кружка Герцена и Огарева, в котором принимали участие, кроме них, еще Сазонов, Сатин, Вадим Пассек и другие. Политика, история революции—вот круг интересов, первоначально ими владевших. Они склонялись к европейскому либерализму. Но польское восстание и уничтожение польской конституции привели к тому, что либерализм потерял в их глазах чарующую силу. С другой стороны, лекции московских профессоров, шеллингианца Павлова и историка-скептика, сторонника исторической критики, проверки источников и научных выводов в истории, Кавеновского, возбудили вопросы, научили спрашивать, критиковать, мыслить широко, глубоко, самостоятельно. И вот одни,

как Пассек, бросились на глубокое и серьезное изучение русской истории, другие, как Герцен и Огарев, увлеклись сен-симонизмом, учением французского социалиста Сен-Симона. Таков был первый зародыш социализма в России.

В 1834 году были арестованы и члены кружка Герцена, и сам Герцен поплатился ссылкой в Вятку, откуда потом был переведен во Владимир и вернулся в Москву только уже в 1840 г. В это время Герцен выработал себе, на основании изучения естествознания и знакомства с философией Фейербаха, материалистические философские убеждения, выводил из материи всю мировую жизнь.

Еще раньше, в самом начале 30-х годов, в студенческой молодежи Москвы возникли и развились серьезные философские интересы. Виднейшим представителем этой молодежи был тогда Станкевич.

Вопрос о назначении человека сильно занимал Станкевича, Белинского, Константина Аксакова и других их товарищей по Московскому университету в 1831—32 гг. Лично Станкевич разрешал этот вопрос на основе философии любви: красота всего мира—в любимом существе; поэтому любовь—главное в мире и жизни; только личная любовь может осмыслить жизнь и нравственно возвысить человечество.

Уже это близко подходило к философии Шеллинга, потому что было навеяно лекциями шеллингианца Павлова. В 1833 г. Станкевич познакомился непосредственно с философией Шеллинга и стал шеллингианцем. В 1835 г. в кружке Станкевича в Москве появился Бакунин, который вместе с Станкевичем принялся за изучение Канта, потом Фихте и, наконец, Гегеля.

Бакунин был настоящим философским учителем Белинского. У него в начале тридцатых годов Бе-

линский научился философии Шеллинга. В 1834 г. в статье „Литературные мечтания“ Белинский совершенно в духе Шеллинга указывал, что вселенная — дыхание единой вечной идеи; жизнь, говорил он, „есть действование, а действование есть борьба“, „попри свое я и дыши для счастья других, жертвуй всем для блага ближнего;“ поэт—не только живописец природы, он должен понимать внутреннюю связь ее явлений; он должен быть чист душой и совершать подвиг мужа. Исходя из этих положений, Белинский находил, что в России нет литературы, потому что нет общественной борьбы, мощного общественного движения.

Тут были зародыши не только либерализма, но и революционных убеждений. Но тот, кто исповедывал подобные взгляды в тридцатых годах, легко мог погибнуть под сапогом жандарма. Притом надо было глубже обосновать новые позиции и революционности придать социалистический характер. Придти к этому можно было только кружным путем и прежде всего путем так-называемого „примирения с действительностью“.

К такому примирению привело Бакунина и Белинского знакомство с философией Гегеля.

Гегель учил, что сущность мировой жизни—абсолютная идея, мировой разум, который приходит постепенно к самосознанию посредством рассуждения или, как выражался Гегель, пользуясь греческим языком, „диалектическим методом“. В этом рассуждении или самосознании разум, по Гегелю, проходит три ступени—тезис (положение), когда что-либо положительно утверждается, потом антитезис (противоположение), когда утверждается противоположное, и, наконец, синтезис (слияние, объединение), когда

из тезиса и антитезиса составляется нечто единое, цельное, конечное, что и составляет истину, полное самосознание мирового разума. Существенное в жизни, действительное в ней поэтому разумно, это действительное, по Гегелю, не то, что все существующее; только о действительном Гегель сказал: „все действительное разумно, все разумное действительно". Всю жизнь природы и общества Гегель изображал как нечто единое, как разные ступени самосознания мирового разума: в мертвой природе мировой разум переживает низшую ступень самосознания, в живой (в растениях и животных) его самосознание достигает более высокой ступени, а в жизни общества оно находится еще на высшей ступени, причем древняя история есть низшее проявление самосознания мирового разума в жизни общества, средняя более высокое, новая—наивысшее. В философии Гегеля и в прусской монархии, ей современной, мировой разум достиг, как впоследствии думал и писал Гегель, полного, совершенного своего самосознания.

В этой философии заметны следующие черты: во-первых, монизм (от греческого „монос"—„один только"), т.-е. понимание всей мировой жизни как чего-то единого, цельного, объясняемого из одного начала, причем монизм у Гегеля—идеалистический, идея, мировой разум считается единым началом всего существующего; во-вторых, диалектический метод, который показывает, что закон жизни—борьба (тезис и антитезис—выражение этой борьбы), что революция есть необходимое в жизни явление; в третьих, понятие о действительном, как о разумном, и идеализация современной Гегелю действительности в Пруссии.

Бакунин и Белинский восприняли все учение Гегеля целиком. Они при этом не обратили внимания

на различие, которое Гегель проводит между действительным и существующим, считая разумным только действительное, а не все существующее, и в этом отношении они были неправы, исказили Гегеля, отступили от него. Но они были тут отчасти и правы в том отношении, что, говоря о прусской монархии своего времени и признавая ее разумной, видя даже в ней высшее достижение мирового разума по пути к самосознанию, Гегель сам уничтожал тем самым различие между существующим и действительным, все существующее признавал действительным.

И потому, исходя из такого понимания Гегеля, Бакунин призывал к примирению с действительностью, в частности, как он сам выражался, „с прекрасной русской действительностью".

Поэтому Белинский в одном из своих писем, написанных в 1837 году, называл конституцию опасной для России, так как Россия—дитя; „вся надежда России—на просвещение, а не на конституции и не на революции". В 1839 г. в статьях о Бородинской годовщине Белинский, опираясь на Гегеля, с неумолимой последовательностью высказался за примирение с николаевской действительностью. Здесь он говорил о том, что всякий продукт исторического развития разумен и священен, так как имеет в себе причину развития: „мистическое (таинственное) и священное начало идеи царя" вытекает из идеи отца, родоначальника и жреца; крепостное право оправдывается тем, что оно создает общественную гармонию (согласованность): „высшие сословия мирно передают образование низшим, а низшие мирно ее принимают". В других статьях Белинский за непримирение с действительностью разносил в пух и прах Шиллера и Жорж-Занд.

На первый взгляд это кажется попятным движением, шагом назад. Но это не так: на деле это было временное отступление, в котором была та положительная сторона, что молодежь закалилась в философии, поняла окончательно необходимость цельного миросозерцания.

В конце 1839 и начале 1840 г. Белинский пережил период тягостной апатии и нашел выход из него в совершенном, полном духовном перевороте. В 1840 году он пишет одному из своих друзей—Боткину: „идея общества обхватила меня"; „мочи нет, куда ни взглянешь,—душа возмущается, чувства оскорбляются"; „мы живем в страшное время, судьба налагает на нас схиму". Осенью того же года, в письме к тому же Боткину, Белинский заявляет: „проклинаю мое гнусное стремление к примирению с гнусной действительностью. Да здравствует великий Шиллер, благородный адвокат человечества". В статьях Белинского с этого времени развитие литературы ставится в прямую зависимость от общественного развития.

Потом наступило сближение Белинского с Герценом, от которого он заимствовал знакомство с сен-симонизмом. Утопизм Оуэна и Фурье Белинский подметил сразу и больше всего внимания уделял французскому социалисту Пьеру Леру, которого он, переводя его имя и фамилию на русский язык, называл Петром Рыжим. В таком настроении Белинский написал свое знаменитое негодующее письмо Гоголю по поводу его реакционной книги „Избранные места из переписки с друзьями", восхвалявшей старый порядок и крепостное право в России. Незадолго до смерти, 15 февраля 1848 года, Белинский писал Анненкову: „внутренний процесс гражданского развития России

начнется не прежде, чем русское дворянство превратится в буржуазию".

Из сказанного ясно, что Белинский был ярым западником: он не видел в России прогресса вне того пути исторического развития, каким шли передовые страны запада Европы.

Другим западником и притом крайним, радикальным, революционным был сен-симонист Герцен. Философские его убеждения были его главным предметом спора с противниками. В философии Герцен был последователем Фейербаха, самого крайнего и самостоятельного из учеников Гегеля, так-называемых „левых гегелианцев", ушедших от учителя далеко влево,—к революционным воззрениям.

Фейербах взял от Гегеля его монизм и его революционный диалектический метод, но вместо мирового разума он поставил в качестве основного начала всех явлений мировой жизни материю; монизм Фейербаха был таким образом не идеалистический, как у Гегеля, а материалистический. Верно сказано, что у Гегеля все мировоззрение стояло на голове, а Фейербах поставил его на ноги.

Не все западники, однако, держались воззрений Герцена и Белинского, западников-социалистов и материалистов. Западничество было зародышем не только революционных и социалистических течений в русском общественном движении, но и течений умеренных, либерально-буржуазных. Ярким представителем этого западнического либерализма был профессор всеобщей истории в Московском университете Грановский. Мягкий, красивый, обладавший способностью заражать аудиторию силою и искренностью своих убеждений, уверенный, что России предстоит путь развития, подобный западно-европейскому, Грановский, однако

отвергал материализм, верил в бессмертие души, был религиозен.

В противовес западникам выступили славянофилы—сторонники совершенного своеобразия, полной оригинальности русского исторического развития в прошлом и будущем.

Основой их учения была, несомненно, философия Шеллинга,—не философия разума, как у Гегеля, или материи, как у Фейербаха, а философия веры и откровения. Главным славянофильским философом был Хомяков. „Он",—по словам Герцена,—„отвергал возможность разумом дойти до истины". Он разуму давал одну только способность развивать зародыши или зерна, даваемые откровением, получаемые верой.

Понятно, почему славянофилы держались такой религиозной философии: они боялись настоящего прогресса, быстрого движения вперед, всего более боялись революции. Из боязни революции они готовы были отказаться даже от реформ, неизбежность которых признавали сами, или по крайней мере отложить эти реформы до иных, более спокойных времен. Когда в 1848 г. всю Западную Европу охватила революция, один из видных славянофилов Иван Киреевский писал: „Правительство теперь не должно бояться никого из благомыслящих. Оно должно быть уверено, что в теперешнюю минуту мы все готовы жертвовать второстепенными интересами для того, чтобы только спасти Россию от смут и бесполезной войны. Мы должны желать только того, чтобы правительство не вмешало нас в войну по какой-нибудь прихоти или по дружбе к какому-нибудь шведскому или прусскому королю; чтобы оно не пошло давить наших славян вместе с немцами; чтобы оно не возмущало народ ложными слухами о свободе и не вводило бы никаких новых

законов, покуда утишатся и объяснятся дела на западе, чтобы, напр., оно не делало инвентарей к помещичьим имениям, что волнует умы несбыточными предположениями; чтобы оно не позволяло фабрикам без всякой нужды заводиться внутри городов и особенно столиц, когда они с тою же выгодою могут отстоять за несколько верст от заставы". Славянофилы были настоящими консерваторами, стремились сохранить побольше остатков старины, сберечь сущность, основы этой старины, господство землевладельческого дворянства, сделав лишь некоторые неизбежные уступки, без которых грозила гибель всему старому дворянскому строю.

Вот почему они готовы были на отмену крепостного права—непременно „по манию царя", с наименьшими уступками крестьянству: они готовы были дать крестьянам „достаточный" с дворянской, конечно, точки зрения надел, но сохранить над ними хотя бы частично помещичью опеку.

В остальном все должно было оставаться по-старому: самодержавие и православие сохранялись как незыблемые основы порядка. В них славянофилы видели оригинальные черты русской истории: в православии они видели истинное христианство в противовес западным католичеству и протестантизму; отвергали конституции, а мыслили при самодержавном царе совещательный земский собор так, чтобы, по выражению Константина Аксакова, „правительству оставалась сила власти, земле—сила мнения".

Западники превозносили реформу Петра Великого, славянофилы видели в ней величайшее зло, разрыв с национальным русским прошлым.

Оригинальным и важным результатом русского народного исторического развития казались славяно-

филам два учреждения, свойственные русскому крестьянскому быту,—мирское или общинное землевладение и ремесленная и кустарная артель. Славянофилы считали чрезвычайно важным сохранить и общину или мир и артель, потому что они казались им не только оригинальными созданиями русского народа в его прошлом, но и залогом самостоятельности и своеобразия его развития в будущем: на западе Европы возник пролетариат, безземельный рабочий класс и капитализм, буржуазия; общинное землевладение должно предупредить образование „язвы пролетариатства", как тогда выражались, в России, а артель должна явиться противовесом образованию капиталистической буржуазии. Консервативные дворяне-славянофилы жаждали предупредить и уничтожить возможность западноевропейского, капиталистического развития России. Россия, по их мысли, должна была оставаться дворянской, монархически-самодержавной, православной, с крестьянской общиной и артелью, с лично полусвободным крестьянством, опекаемым благожелательными, разумными и образованными помещиками. В таком состоянии они хотели бы заморозить Россию навсегда.

V.

Петрашевцы.

Белинский умер в 1848 г., Герцен в 1847 году уехал заграницу. Крайняя, революционная левая в русском общественном движении сороковых годов, кроме них, имела еще представителей в лице так-называемых петрашевцев.

Петрашевцы получили свое название по имени Михаила Васильевича Буташевича - Петрашевского, которого они—далеко не все, а по частям, когда кто

хотел и мог,—посещали по пятницам в его квартире, где с 1845 г. по конец апреля 1849 года устраивались собрания для обсуждения разных общественных вопросов, причем сначала были простые беседы, а с 1848 г. на собраниях у Петрашевского читались доклады, служившие основой для обмена мнений. Петрашевцы не составляли вовсе организованного общества, не имели ни программы, ни устава, ни определенных целей. Петрашевский не являлся их вождем, и собирались они не у него одного, бывали еще собрания у Кашкина, Момбелли, Дурова и Пальма.

Социальный состав петрашевцев был более однообразен, чем состав декабристов: большая часть петрашевцев принадлежала к менее зажиточной части среднеземлевладельческого дворянства, которая не могла жить только одними доходами с земли и крепостных, а прирабатывала еще средства существования службой. Исключение представлял довольно богатый помещик Спешнев.

Мы видели, что первые русские социалисты — Герцен, Огарев, Белинский — были сен-симонистами. Петрашевцы более всего интересовались учением другого французского социалиста — Фурье.

Фурье в своих многочисленных сочинениях дал очень хорошую и глубокую критику капиталистического хозяйства и общества, правильно указав все отрицательные стороны капитализма и все бедствия, вытекающие из него для широких народных масс. Понимая, что только социализм, т.-е. установление общественной собственности на средства производства, планомерного, ведущегося по единому стройному плану хозяйства и уничтожение классового строя, может уничтожить все эти бедствия, Фурье составил план образования производительных товариществ или

фаланг, живущих в одном общем большом здании-фаланстере, где, однако, каждый может устраивать себе жилище по собственному своему личному вкусу. Фаланга должна производить все необходимое сама для себя, в крайности выменивать на свои продукты произведения другой фаланги. Когда появится много фаланг, и составится союз между ними, социализм окончательно победит. Продукты в фалангах распределяются так, что наибольшая часть их достается труду, но часть выделяется также на вознаграждение таланту, особо-способным людям, и капиталу,—капиталистам, которые вложат свои средства на основание и развитие фаланги. Фурье был убежден, что такие капиталисты найдутся, и что таким образом социализм мирно, без революции, утвердится во всем мире.

Петрашевский и многие из посетителей его квартиры и, в особенности квартиры Кашкина, были последователями Фурье, ярыми фурьеристами. Сам Петрашевский еще с юности, когда учился в Царскосельском лицее, обнаруживал вольнодумство, потом он окончил Петербургский университет, рано стал думать об уничтожении крепостного права, гражданских свободах и федеративной республике. Изучив сочинения Фурье и став фурьеристом, Петрашевский попытался сначала распространять свои идеи в русском обществе посредством печати и с этою целью принял ближайшее участие в составлении „Карманного словаря иностранных слов“, издававшегося Кирилловым. Но с выходом второго выпуска этот словарь был запрещен и конфискован. Тогда Петрашевский стал устраивать у себя собрания, которые продолжались в течение около пяти лет, и на которых перебывало много народа, между прочим, бывало не мало писателей, как Достоевский, Плещеев, Пальм и другие. На собраниях у Петрашев-

ского излагалось учение Фурье, велись речи о свободе печати, о всеобщем избирательном праве, о политической экономии, об освобождении крестьян, о фурьеризме и коммунизме, об атеизме и философии Фейербаха, был даже сделан доклад, в котором говорилось о необходимости восстания. Отставной офицер Черносвитов, приехавший из Сибири, изложил Петрашевскому и Спешневу в частной беседе, не в общем собрании, план восстания в Сибири и на Урале. Спешнев задумал основать тайную типографию и с помощью одного студента начал осуществление этой мысли, приобрел и привез к себе на квартиру некоторые типографские принадлежности. Он думал также и совещался с некоторыми участниками собраний у Петрашевского об образовании тайного общества. Но из всего этого, кроме разговоров, ничего не вышло.

Состав посетителей пятниц Петрашевского, по их взглядам, был очень пестрый. Большинство даже не имело сколько-нибудь сложившихся убеждений, а просто интересовалось обсуждавшимися на собраниях вопросами, видело в этих собраниях особый род культурного развлечения. Было, однако, среди петрашевцев особое ядро убежденных фурьеристов, состоявшее из одиннадцати человек. Они—в том числе был и сам Петрашевский—собирались обыкновенно у Кашкина. 7 апреля 1849, г., в день рождения Фурье, эти одиннадцать фурьеристов собрались на обед в память Фурье у Кашкина, причем произнесены были горячие речи соответствующего содержания.

В феврале 1848 г. Петрашевский предложил петербургскому губернскому дворянскому собранию в особой записке, им составленной, план освобождения крестьян. Но обсуждение этой записки было запрещено правительством, и вместе с тем полиция обратила внимание

на Петрашевского и на происходившие на его квартире по пятницам собрания. За ними и их посетителями было устроено шпионское наблюдение. Все, что там и на других собраниях происходило, стало известно властям, и в конце апреля 1849 г. все петрашевцы были арестованы, преданы военному суду и приговорены им к расстрелу. Приговоренные приведены были на Семеновский плац в Петербурге и трое из них были даже поставлены под расстрел, но в последнюю минуту все получили смягчение наказания: 9 человек—в том числе Петрашевский — получили каторгу, остальные—арестантские роты, разжалование в рядовые и проч. В ссылке в Сибири, после окончания каторги, Петрашевский и умер, постоянно требуя не помилования—он считал себя совершенно невиновным,—а пересмотра своего дела, так как, по его мнению, он был осужден совершенно несправедливо. Некоторые из петрашевцев впоследствии были возвращены и восстановлены в правах уже в царствование Александра II.

Дело петрашевцев замечательно особенно в двух отношениях: во-первых, оно показало, как сильно боялось правительство Николая I всяких, даже только словесных, проявлений новой, вольной мысли; во-вторых, из него видно, какие глубокие корни, несмотря на все препятствия, пускали социалистические учения в среду русской дворянской молодежи, особенно принадлежавшей к культурному слою среднего дворянства.

VI.

Герцен.

Социалистическое развитие русской передовой дворянской молодежи сороковых годов не закончилось сен-симонизмом и фурьеризмом: оно дало и ориги-

нальный, самостоятельный плод. Замечательно, что этот плод был связан в своем происхождении с славянофильством, и что окончательно произвел его на свет крайний, революционный западник, непримиримый прежде противник славянофильства, первый русский социалист, сен-симонист, Александр Иванович Герцен.

Необыкновенно даровитый, блестяще образованный, обладавший ярким литературным талантом, Герцен нам уже известен как материалист, последователь Фейербаха, как сен-симонист, западник и друг Белинского. Известно уже нам, что он за участие в студенческом кружке вынес ссылку в Вятку. Потом он за одно неосторожное частное письмо, вскрытое николаевской полицией, был сослан во второй раз в Новгород. В 1847 году ему разрешено было выехать заграницу. С тех пор он не возвращался в Россию, сделался эмигрантом и оставался им до своей смерти в 1870 году.

Герцен приехал заграницу и поселился в Париже накануне крупных и бурных событий. В феврале 1848 года в Париже произошла так-называемая февральская революция, король Луи-Филипп бежал, и во Франции была провозглашена республика, а вслед затем революционный пожар охватил в этот „безумный", как его называли немцы, год и всю Западную Европу.

Но революция 1848 года потерпела поражение во всей Европе и прежде всего в самой Франции.

В эпоху февральской революции главной революционной силой, созданной новым капитализмом, явился рабочий класс, особенно фабричные рабочие. Они выкинули тогда знамя социализма. Буржуазия, конечно, в силу своих классовых интересов была противницей социализма и тем с полной очевидностью доказала, как наивны были мечты Фурье и других французских утопических социалистов убедить капиталистов

в целесообразности социализма и получить от них средства для его осуществления. Но не меньшим противником социализма и рабочих, его проводников, оказалось французское крестьянство; оно во время великой революции получило всю землю, которой пользовалось, без выкупа в полную собственность и сверх того приобрело покупкой часть церковных земель и имений дворян-эмигрантов, конфискованных казной и потом ею распроданных за невысокую цену; получив таким образом землю и проникшись чувством собственности, крестьянство Франции боялось социализма и революции. И потому на выборах 1848 года в учредительное собрание большинство получили контр-революционеры, восторжествовала буржуазия.

Тогда в июне 1848 г. восстали парижские рабочие, и произошли печальной памяти „июньские дни“: рабочие были разгромлены армией под начальством генерала Кавеньяка. А затем президентом французской республики был выбран Луи-Наполеон Бонапарт, который в 1851 г. произвел государственный переворот для утверждения своей власти, а в 1852 г. сделался императором французов. В 1849 году восторжествовала реакция и во всей Западной Европе.

Герцен в Париже явился свидетелем всех тяжелых, потрясающих и угнетающих событий. „Июньские дни“ тяжелым камнем легли ему на сердце. Он воочию убедился в окончательном поражении, в полном разгроме рабочего класса и в совершенном торжестве буржуазии.

Впечатление у Герцена получилось такое, что Западная Европа окончательно омещанилась, обуржуазилась, что социализм разбит и в западно-европейских условиях возродиться не может. Социалист, революционер, западник в недавнем прошлом, — Герцен готов был притти в отчаяние.

И вот в 1849 году у него слагается особый, новый взгляд на грядущие судьбы социализма в мировой истории. Ему показалось — и в значительной степени не без основания, — что русский крестьянин отличается от французского и вообще западно-европейского: последний, французский и западно-европейский, собственник, буржуа по своим настроениям и интересам, а русский крестьянин, крепостной, малоимущий, имеющий притом земельную общину с переделами и артель,— не имеет инстинкта собственности, ему свойственно мирское, общественное начало, земля у него не частная, а общественная собственность, и он привык работать артелью. Община и артель, — эти оригинальные черты русского крестьянского быта, указывавшиеся и восхвалявшиеся славянофилами, показались Герцену зародышами социализма: если их исправить и развить, если соединить мирское владение землею с ее артельной обработкой, то и получится социализм. Отсюда ясно было для Герцена, что русский крестьянин с его общиной и артелью является несознательным носителем социалистических начал, представителем подлинного, настоящего социализма, и что стоит только внести в его жизнь и душу сознательность, — и он будет борцом за социализм, распространителем социализма и в России и во всем мире.

Вот где, значит, спасение: с востока свет! Россия, русский мужик, русский народ, общинное и артельное крестьянство утвердит у себя социализм и принесет его на смену разбитого пролетариата также и на запад Европы. России, русскому крестьянству принадлежит миссия распространения социализма во всем мире.

Эти новые свои взгляды Герцен изложил в своем сочинении „С того берега“ и в „Письме к Маццини“, известному итальянскому революционеру. Это было

в 1849 году, и год этот надо поэтому считать началом русского народнического социализма, веры в социалистическую сущность русского крестьянства. Герцен и является таким образом, основателем русского народничества, которое, как увидим, впоследствии долго имело господствующее значение в русском революционном и социалистическом движении.

Своим народническо-социалистическим воззрениям Герцен остался верен до конца своей жизни. Большое влияние на развитие и распространение революционных и социалистических идей в России имел он также впоследствии тем, что, поселившись в Лондоне, устроил там русскую типографию и стал издавать газету „Колокол", которая распространялась нелегально в России. Здесь ярко обличался старый порядок в России.

Когда наступило при Александре II время проведения реформы отмены крепостного права, Герцен в „Колоколе" уделил также много внимания этому вопросу. Но здесь он не шел далее либерализма того времени, отстаивая передачу крестьянам только части земли за выкуп.

Рассматривая, таким образом, всю деятельность Герцена в целом, мы видим, что он явился представителем взглядов и убеждений, которые впоследствии были унаследованы от него и развиты не одним каким-либо течением или направлением русской общественной мысли и русского общественного движения, а разными их течениями и направлениями. В философии Герцен был материалистом, и от него здесь пошли материалисты - марксисты, социал - демократы и коммунисты. В социалистическом учении от сен-симонизма он перешел к созданному им народничеству, и здесь с ним связаны народники семидесятых годов, общества „Земля и Воля" и „Народная Воля", Лавров и Михайловский,

наконец, впоследствии социалисты-революционеры. Всем революционерам Герцен дал пример борьбы за свободу революционной и социалистической печати изданием и распространением своей нелегальной в России газеты „Колокол“; здесь по стопам его потом пошли все русские революционеры без различия направлений. Наконец, в крестьянском вопросе Герцен был представителем русского либерализма.

„Колокол“ Герцена во время польского восстания 1863—64 годов горячо отстаивал также в интересах России и русского народа свободу и независимость Польши. Герцен, следовательно, являлся также борцом за полное самоопределение национальностей и в этом отношении тоже был предтечей русской современности, решения национального вопроса, провозглашенного и проведенного социалистической Россией.

Реформа 19 февраля 1861 года.

I.

Выработка реформы.

Император Александр II никогда в течение своей жизни и своего царствования не имел определенных взглядов на то, как надо решить крестьянский вопрос. В начале своего царствования он убежден был только в одном: если все в этом вопросе оставить по-старому, то произойдет крестьянская революция. Об этом он прямо заявил год с небольшим спустя после вступления на престол в речи своей московскому дворянству при посещении Москвы: „если не сделать этого сверху", сказал он, „то это будет сделано снизу". Под влиянием этого же настроения он учредил новый секретный комитет по крестьянскому делу, который, однако, ничего существенного не сделал. То же внушал он и министру внутренних дел Ланскому, который должен был все сделать, чтобы как-нибудь двинуть крестьянский вопрос. Ланской и воспользовался тем, что в ноябре 1857 года в Петербург приехал виленский генерал-губернатор Назимов с проектом дворян северо-западных губерний об учреждении там губернских дворянских комитетов с целью составления инвентарей, которыми должны были определяться повинности кре-

стьян по отношению к помещикам. Тогда на имя Назимова дан был и опубликован во всеобщее сведение рескрипт Александра II, которым эти дворянские комитеты были учреждены. Потом такой же рескрипт был издан на имя петербургского генерал-губернатора Игнатьева, так как вспомнили старое ходатайство петербургских дворян по крестьянскому вопросу. Под влиянием нижегородского губернатора Муравьева, в молодости бывшего в некоторых связях с декабристами, об учреждении губернского комитета по крестьянскому делу ходатайствовали нижегородские дворяне. Затем то же сделало под давлением правительства московское дворянство. Наконец, сюда же постепенно присоединились дворяне других губерний, и губернские дворянские комитеты возникли во всех губерниях, где были крепостные крестьяне.

И в рескриптах на имя Назимова и Игнатьева, и в особой инструкции губернским комитетам изложены были те основные начала, на которых должно было покоиться проведение реформы. Начала эти были внушены Ланскому через посредство товарища министра внутренних дел Левшина полтавским богатым помещиком Позеном. Позен понимал, вопреки такому упрямому и тупому мракобесу, как Муравьев-вешатель, что богатое дворянство лучше всего защитит свои интересы, если не будет противиться формальной отмене крепостного права, но проведет реформу так, чтобы сохранились и крепостное хозяйство и возможно больше остатков крепостного права. Поэтому он внушил Левшину и Ланскому также основные начала будущей реформы: крестьяне объявляются лично свободными и получают за выкуп в собственность усадебную оседлость, т.-е. избы, надворные постройки и огороды; устанавливается переходное состояние от крепостного

права к свободе на 12 лет, в течение которых крестьянам даются помещиками в пользование наделы (пашня, сенокос, выгон, лес) за оброк и барщину; по истечении этих 12-ти лет все наделы окончательно переходят в руки помещиков, крестьяне становятся свободными, и дальнейшее пользование наделами, условия его и покупка крестьянами земли зависят уже от свободного соглашения освобожденных крестьян с помещиками. В этом смысле преподаны были указания губернским комитетам, и они стали работать в таком направлении, угодном крупным помещикам и тянувшимся за ними помещикам-крепостникам, которых было большинство среди дворян.

Крупные помещики стояли за этот план по той причине, что богатые и доходные земледельческие их имения лежали, главным образом, в черноземной полосе, где земля ценилась очень дорого и давала огромный доход, почему и надо было всю землю оставить у себя. В нечерноземной полосе у богатых дворян были только подмосковные имения—виллы, дачи, охотничьи угодья, которые были местами отдыха, забавы, развлечения, а серьезного хозяйственного значения почти не имели.

Но помещики нечерноземной полосы имели другие интересы: земля там была скудная, требовавшая усиленной обработки, хорошего удобрения, вообще высшей культуры и капиталистической эксплоатации; здесь была дорога не она, а рабочие руки; доход помещика состоял, главным образом, в оброке с крестьян, уходящих на заработки на фабрики или в город; если не дать земли освобождаемым крестьянам или дать ее слишком мало, то они уйдут в города или в черноземные губернии, и помещикам не найти достаточного количества наемных рабочих; поэтому нечерноземные

помещики хотели, во-первых, выкупа личности крестьян, во-вторых, обеспечения их „достаточным“ наделом, близким к тому, каким они владели при крепостном праве. А так как выкуп личности прямо было неудобно отстаивать, то они настаивали на необходимости выкупа усадеб и угодий крестьянами в собственность по высокой цене, по так-называемой „системе градации“. Усадьба и первая десятина угодий должны были цениться выше, чем следующие десятины, и в этой повышенной оценке первых десятин скрыт был выкуп личности. Большая же выкупная сумма должна была послужить основой будущего капиталистического хозяйства, которое без капитала нельзя было вести. Интересы большинства нечерноземных помещиков, таким образом, совпадали с интересами передовой части русского землевладельческого дворянства, которая давно стала переходить к капиталистическому хозяйству и наемному труду, перерождалась в сельскохозяйственную буржуазию.

Самым передовым из губернских дворянских комитетов был тверской, во главе которого стоял губернский предводитель дворянства Унковский, известный либерал того времени. Тверской губернский комитет и пришел первый к выводу о необходимости снабдить крестьян угодьями в собственность, и толковал в этом именно смысле выкуп крестьянами усадебной оседлости и вместе с тем выработал ту систему градации, о которой сказано выше. Большинство во всех других губернских комитетах держалось плана Позена, т.-е. работало в интересах богатого дворянства и дворянской массы, ведшей рутинное, устарелое хозяйство и крепостнически настроенной.

Между тем в Петербурге в течение 1858 года происходили значительные перемены. Прежде всего при

министерстве внутренних дел учрежден был земский отдел, во главе которого был поставлен Николай Алексеевич Милютин, а ближайшим помощником его стал Соловьев. Земский отдел должен был, между прочим, рассматривать все проекты, составленные губернскими комитетами. А так как Милютин и Соловьев держались убеждений близких к интересам передовых помещиков, стремясь только некоторыми уступками богатым помещикам обеспечить общее соглашение, то они и старались провести выкуп крестьянами не только усадеб, но и земельных угодий.

В то же время один из членов секретного комитета, пользовавшийся особым доверием Александра II, генерал Ростовцев, лечась летом 1858 года заграницей, изучил по литературе крестьянский вопрос и пришел к выводам, близким к тем взглядам, каких держались Милютин и Соловьев. Ростовцев написал из заграницы Александру II четыре письма, в которых настаивал на необходимости выкупа крестьянами не одних усадеб, но и угодий. Поэтому, когда он вернулся в Петербург, то Александр II учредил по его совету редакционные комиссии для составления на основании проектов губернских комитетов и других данных проекта положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, и председателем этих комиссий назначил Ростовцева, причем большинство членов редакционных комиссий было согласно с Ростовцевым и Милютиным.

Когда значительная часть губернских дворянских комитетов окончила свою работу, в Петербург были вызваны депутаты приблизительно половины комитетов — так - называемые депутаты первого призыва. Правительству было известно, что они настроены были против предоставления крестьянам угодий в собствен-

лось, и потому Ростовцев, под влиянием Милютина, назначенного в то время уже товарищем министра внутренних дел и действовавшего через Ланского, испросил у Александра II повеление, чтобы депутаты не рассматривали общее Положение, вырабатывавшееся редакционными комиссиями в целом и по существу, с точки зрения начал, принципов, положенных в его основу, а только давали заключения — и то каждый отдельно — о степени применимости этих общих начал к местным условиям каждой губернии. Депутаты были чрезвычайно раздражены этим, добились разрешения им частных общих совещаний, но вследствие разногласий между собою, вытекавших из различных интересов отдельных дворянских групп, не могли составить общего мнения. Большинство представило свой адрес Александру II, отстаивавший интересы богатых помещиков, 5 либеральных депутатов во главе с Унковским требовали не только наделения угодьями крестьян в собственность, но и ряда других реформ — местного выборного самоуправления, суда присяжных и т. д. Один из депутатов Шидловский написал письмо, в котором настаивал, чтобы созваны были выборные от дворянства для окончательного рассмотрения Положения о выходе крестьян из крепостной зависимости. Все депутаты получили за свои адреса и письма выговоры, а некоторые были отданы под особый надзор губернаторов и жандармов.

Работы редакционных комиссий продолжались в том же духе. Но когда умер Ростовцев, Александр II, слабый, колеблющийся, нерешительный, назначил председателем редакционных комиссий сторонника интересов богатого дворянства, графа Панина. Влияние Милютина упало. Панин провел в редакционных комиссиях уменьшение размера наделов и увеличение вы-

купа, но все же попытка депутатов второго призыва от второй половины губернских комитетов совершенно уничтожить наделение крестьян угодьями в собственность не удалась. Когда редакционные комиссии кончили свою работу, она была передана в главный комитет по крестьянскому делу, преобразованный из прежнего секретного комитета. Председатель главного комитета великий князь Константин Николаевич достиг того, чтобы и главный комитет утвердил выкуп угодий крестьянами в собственность, только еще уменьшены были размеры наделов, и повышен выкуп. Наконец, дело перешло в государственный совет, где прошло одно важное изменение: помещикам предоставлено было право давать даром, без выкупа, крестьянам очень небольшой надел, равный четверти высшего надела, установленного Положением, и потому названный четвертным наделом; крестьяне называли его спротским и нищенским. 19 февраля 1861 года проект Положений был утвержден Александром II, а 5 марта опубликованы были манифест и самые Положения во всеобщее сведение.

История выработки Положений 19 февраля 1861 г. показывает таким образом, что отмена крепостного права произошла без всякого участия крестьянства, голос которого нигде не получил законного выражения. Все дело сделано было дворянами, среди которых боролись две главные группы — богатых и передовых средних помещиков, — и чиновниками, которые стремились к соглашению между обеими этими группами. Соглашение и состоялось, но с огромным перевесом на стороне богатых помещиков. Этому соответствовали и результаты реформы, — содержание Положений 19 февраля и проведение их в жизнь.

II.

Осуществление реформы.

Что же оказалось в конце-концов? Как же осуществилась реформа, и к каким результатам для крестьянства ее осуществление привело?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего определить, сколько земли получили крестьяне, когда Положения 19 февраля были проведены в жизнь.

По Положениям 19 февраля вся Россия при наделении бывших помещичьих крестьян землею была разделена на две категории: к первой отнесены были губернии великорусские, новороссийские и белорусские, ко второй — малороссийские губернии.

В первой категории губернии делились на три полосы — нечерноземную, черноземную и степную. Нечерноземная полоса в свою очередь разделена была на 9 местностей с высшими наделами от 3-х до семи десятин в разных местностях, причем высшим наделом считался такой, больше которого не могли требовать крестьяне, а низшим, который был равен трети высшего, был такой надел, меньше которого не имели права давать на выкуп помещики. Черноземная полоса делилась на 8 местностей с высшими наделами от $2\frac{3}{4}$ до 6 дес. Степная не имела высшего и низшего наделов; там установлен был один указный надел, различный в отдельных частях степной полосы,— от $6\frac{1}{2}$ до $12\frac{1}{2}$ дес.

Во второй — малороссийской — категории установлены были разнообразные и притом мелкие наделы, и низший надел был определен в половину высшего.

Ко всему этому надо прибавить, что везде помещики могли давать ничтожный даровой надел — четвертной, нищенский или сиротский, такой, на который

курицу было некуда выгнать, величиной подчас с носовой платок. Что же получилось в результате применения этих постановлений закона?

Прежде всего даровой нищенский надел получили 461 тыс. душ мужского пола, т.-е. свыше 900 тысяч душ обоих полов.

Затем в 57 губерниях у крестьян отрезано было в пользу помещиков из земель, которыми владели крестьяне, будучи крепостными, в среднем 20% или пятая часть. При этом в 36 нечерноземных губерниях отрезано было 18,1% крестьянской земли, а в 21 черноземной 26,2% ее. В отдельных черноземных губерниях отрезки получились прямо огромные: в Самарской 44%, в Саратовской 41%, в Полтавской и Екатеринославской 40%, в Харьковской и Симбирской 31% и т. д.

Что значило лишиться пятой части земли, — легко понять из следующего примера:

Допустим, что мы имеем крестьянскую семью в 5 человек с наделом в 5 десятин пашни. Доход ее, при урожае в 50 пудов ржи с десятины (мы переводим весь урожай на рожь), будет 250 пудов. Половина шла при крепостном праве на помещичьи оброки и барщину и на государственные подати, — это составит 125 пудов. 50 пудов шло на семена для посева, 100 пудов (по 20 пуд. в год на человека) на пропитание. Значит, расход составлял 275 пудов. Иначе говоря, такая семья уже при крепостном праве не могла пропитаться одним земледелием, должна была иметь дефицит в 25 пудов ржи, для покрытия которого прибегала к кустарным промыслам и работе в отход — на фабрике, в городе или в помещичьей экономии.

После отмены крепостного права пашня сократилась до 4-х десятин, т.-е. доход уменьшился до 200 п.

Расход на оброки, повинности и подати остался прежний—125 пуд., как и расход на пропитание—100 пуд.; уменьшился только расход на семена для посева, который стал равняться сорока пудам. Весь расход—265 пудов. Дефицит, значит, сильно увеличился: с 25 пудов он возрос до 65-ти.

Вывод ясен: крестьянство вследствие отрезков стало сильно страдать от малоземелья.

Но этого мало: когда производился фактический надел земли после освобождения, помещики выделяли себе в отрезки такие части земли, которые вдавались клиньями в крестьянскую землю, отрезывая ее от водопоя, леса, большой дороги, даже от собственной крестьянской пашни. Получалась крайняя чересполосица крестьянской земли с помещичьей, приводившая на деле к потравам помещичьей пашни крестьянским скотом и, следовательно, к штрафам, и заставлявшая крестьян во что бы то ни стало на каких угодно тяжелых условиях снимать в аренду или покупать эти земли, причем помещики редко и неохотно их продавали, предпочитая брать ростовщическую арендную плату или колоссальные штрафы. И так длилось не год и не два, а целые десятилетия. Вот пример, относящийся к очень позднему времени,—к 1905 году:

„Крестьяне села Долбенкова", принадлежавшего великому князю Сергею Александровичу, „были окружены владениями Долбенковской экономии, имевшей 17 тыс. десятин". В том числе было чересполосных с крестьянской землей 300 кв. сажен, из-за которых крестьянами было переплачено много штрафов, и за которые крестьяне готовы были заплатить какие угодно деньги, чтобы купить их, но экономия ни за что не продавала: штрафы были слишком заманчивой для помещика доходной статьей. „Был такой клочок земли

и в самом Долбенкове, — угловое место на самой деревенской улице, — клином врезавшийся в порядок крестьянских изб, клочок земли, дорогой и на случай пожара, годный и для проходного скота". К нему давно „уже приторговывалось долбенковское общество", давало за него 500 р. за полдесятины. „Но этот клочок был за 1.000 руб. продан кулаку, который завел на нем кабак и продолжал донимать штрафами крестьян уже в свою пользу".

Итак ясно, сколько земли получили крестьяне и как чересполосно с помещичьей она располагалась. Вот — первые экономические результаты реформы.

Но не менее важно было то, на каких условиях освобожденные формально от крепостного права крестьяне получили эти урезанные и чересполосные с помещичьими земли.

Первым условием была чрезвычайно высокая оценка наделов. В черноземной полосе высший надел, установленный Положениями 19 февраля, стоил в среднем по рыночным ценам 219 рублей, а в нечерноземной 155 руб., а крестьяне в обеих полосах выкупили его за 342 р., так что в черноземной полосе переплатили 123 рубля лишних за надел, а в нечерноземной даже 187 руб. лишних. Другими словами, если бы крестьяне не выкупали у помещиков, а просто покупали землю, то они заплатили бы за нее в черноземных губерниях больше, чем на треть дешевле, в нечерноземных дешевле даже больше, чем на половину.

Значит, крестьяне не в меру дорого заплатили за ту землю, которую они и их предки столетиями поливали своим трудовым потом.

Крестьяне платили за эту землю особую подать — выкупные платежи. Общая сумма уплаченных в казну крестьянством выкупных платежей составила 1 миллион

520 тысяч рублей, а помещики получили от казны 900 тысяч. В 80-х годах выкупные платежи были так тяжелы, что составляли три четверти всех сборов с крестьянства — казенных, земских и волостных. Безденежье, слабая платежеспособность и, следовательно, слабая покупательная способность крестьянства, невозможность для него покупать сколько-нибудь значительное количество товаров — вот еще новое экономическое последствие применения Положений 19 февраля.

Не имея денег, вынужденный вследствие малоземелья и чересполосицы арендовать помещичью землю на любых условиях, какие продиктует ему помещик, крестьянин, естественно, арендовал эту землю чаще всего за отработки, за работу на помещичьей пашне в самую горячую пору, или исполу, из половины или какой-либо другой доли урожая. Отработки — та же крепостная барщина, испольщина — совершенное подобие крепостного оброка. Следовательно, и после отмены крепостного права сохранилось крепостное хозяйство.

Но этого мало: сохранились также многочисленные остатки и крепостного права.

Начать с того, что по самым Положениям 19 февраля выкуп земли был необязателен. При освобождении в положении временно-обязанных (до выкупа земли) было 9 милл. 766 тыс. мужского пола. К 1 января 1864 г. их осталось 5 милл. 300 тысяч, а на выкуп и дарственный надел перешли только 4 милл. 466 тыс душ м. п. Это значит, что гораздо более половины крестьян осталось и через два года после реформы в крепостном положении формально: отбывали барщину, платили оброк, подчинялись помещичьей полиции и юстиции. Главная причина этого — надежда помещиков на то, что через 20 лет последует обещанная правительством переоброчка, повышение оброка.

Затем в устройстве крестьянского сословия, сельского общества и волости были яркие черты, громко свидетельствовавшие о сохранении крепостного права. Крестьянство оставалось податным сословием, на котором лежала старая крепостная подушная подать, оно обязано было круговой порукой в уплате податей; чтобы получить высшее и среднее образование, надо было добиться увольнительного свидетельства от общества; сельское общество могло не только исключать „порочных" членов, но и ссылать их в Сибирь на поселение; существовал сословный волостной суд, и в нем сохранялось телесное наказание; сельское и волостное управление исполняло главным образом полицейские обязанности по сбору податей и наблюдению за порядком; органы сельского и волостного управления подчинялись мировому посреднику из дворян.

„Порвалась цепь великая, порвалась, расскочилася — одним концом по барину, другим по мужику", — сказал Некрасов об отмене крепостного права. Мы видели сейчас, как она „расскочилась" по мужику. Чем же она ударила по барину?

Прежде всего тем, что помещики, привыкшие к рутине крепостного хозяйства, которое у них едва дышало, но все же кое-как скрипело прежде, — теперь совсем стали терять почву под ногами и разоряться, будучи не в состоянии приспособиться к новым, хотя лишь на половину изменившимся, условиям хозяйства.

А затем и денег от выкупной операции у помещиков для ведения капиталистического хозяйства осталось мало. Из 900 миллионов надо было вычесть 398 милл. руб. долга помещиков старым государственным кредитным учреждениям — сохранным казнам — за заложенные в них земли. Кроме того, на помещичьих имениях лежали другие долги — по перезалогу в част-

ных руках. Если всех долгов считать самое меньшее 425 милл., то и тогда на ведение нового хозяйства оставалось менее 475 милл., из которых многие были потрачены не на производительные, а на потребительные цели, т. - е., попросту говоря, прожиты.

Хозяйство 60-х и 70-х годов.

I.

Сельское хозяйство.

Вот данные наших источников о внешней торговле хлебом в шестидесятых и семидесятых годах:

В 1861—1870 г.г. ежегодно вывозилось 110.200.000 пуд.
„ 1871—1880 „ „ „ 243.200.000 „

В 1861 г. четверть пшеницы стоила 5 р., а четверть ржи 3 руб.

В 1880 г. четверть пшеницы стоила 8 р., а четверть ржи 6 руб.

Разберемся в этих цифрах. Что они показывают?

Прежде всего огромный рост внешней торговли русским хлебом в семидесятых годах сравнительно с шестидесятыми: за это время вывоз хлеба из России увеличился в $2^1/_3$ раза.

Затем: цена на пшеницу выросла на 60%, а на рожь на 100%, т.-е. вдвое.

Вывод ясен: и спрос на русский хлеб увеличивался, и цены на хлеб на мировом рынке росли; следовательно, условия внешнего рынка слагались весьма благоприятно, и можно было ожидать быстрого и сильного развития сельского хозяйства в России, т.-е. и перехода от крепостнического хозяйства к капиталистическому, и процветания крестьянского хозяйства.

И развитие путей сообщения в 70-х годах действовало, казалось, в том же направлении: в 1866 г. в России было менее 2.000 верст железных дорог, а в начале восьмидесятых годов их было уже 21 тысяча верст—в 10½ раз больше.

Но, уже говоря о внешнем рынке, надо сделать оговорку: львиная доля русского хлебного вывоза приходилась на помещичий хлеб, а не на крестьянский, потому что помещичий хлеб был лучше и чище крестьянского. Следовательно, помещичье хозяйство получало бо́льшую часть выгод от хорошего состояния хлебного рынка, на долю же хозяйства крестьянского этих выгод оказывалось несравненно меньше.

Притом же, как мы скоро увидим, промышленность в России за те же два десятилетия развивалась не быстро и не сильно, так что внутренний хлебный рынок рос медленно.

Наконец, русский хлебный рынок — внешний и внутренний,—имел одну важную особенность: осенью, с снятием жатвы, хлеба предлагалось к продаже такое большое количество, что предложение всегда оказывалось гораздо выше спроса. Причина заключалась в том, что крестьяне должны были срочно, неотложно платить подати и потому страшно нуждались в деньгах, продавали не только излишки своего хлеба, но и то, что им было необходимо для пропитания. И этим создавалась невыгодность продажи хлеба для крестьян: они продавали его осенью по низкой цене, а к весне голодали и вынуждены были покупать его дорогою ценой. Между тем, крупные предприниматели могли выждать повышения цен на хлеб, не продавать его спешно по той цене, которую диктовал скупщик. Таким образом, крестьянское производство хлеба оставалось типичным производством на скупщика, торго-

вого капиталиста, который получал все выгоды, оставляя крестьян у разбитого корыта.

Из сказанного ясно, что крестьянское хозяйство должно было итти плохо. И оно действительно шло плохо. На самом деле: владельческие земли давали на 20% высшую урожайность, чем крестьянские, и платежи крестьян государству, земству и в волость в 70-х годах в черноземной полосе по меньшей мере на 200% превышали доходность от земледелия, а в черноземной полосе они превышали ее на 124%.

Но и помещичье хозяйство очень слабо и медленно двигалось вперед: площадь запашки выросла только на 14%, а урожайность на 15%, причем урожайность ржи возрасла только на 12%; пар и залежь вместе составляли почти 40% пахотной земли, площадь кормовых трав и сахарной свекловицы, даже картофеля была мала, так что плодосмен был редкостью, во всяком случае слабо увеличивался.

Помещики, несмотря на все выгоды от внешней торговли, не развивали капиталистического сельского хозяйства, а извлекали себе огромные прибыли из хозяйства крепостнического: условия освобождения крестьян дали им такую возможность, и они могли почивать на лаврах, не заботились о подъеме производительных сил, предпочитая быть крепостническими земельными ростовщиками, а не культурно-капиталистическими сельскохозяйственными предпринимателями.

В 80-х годах из 45 губерний в 19 преобладало капиталистическое сельское хозяйство над крепостническим, в 17-ти, наоборот, крепостническое над капиталистическим, в 9-ти капиталистическое и крепостническое сельское хозяйство распространены были одинаково. Отсюда ясно: сельское хозяйство России и двадцать лет спустя после реформы 19 февраля 1861 года

оставалось наполовину крепостническим, лишь на другую половину став капиталистическим.

II.

Промышленность (индустрия).

Общая картина промышленного развития России в 60-х и 70-х годах может быть нарисована на основании следующего статистического материала:

Основной капитал вновь учрежденных акционерных предприятий:

1860	год	6.169.000 руб.
1861	„	5.550.000 „
1862	„	2.000.000 „
1863	„	850.000 „
1864	„	2.900.000 „
1865	„	7.450.000 „
1866	„	4.180.000 „
1867	„	3.720.000 „
1868	„	10.545.000 „
1869	„	6.140.000 „
1870	„	23.450.000 „
1871	„	30.779.000 „
1872	„	61.945.000 „
1873	„	86.857.000 „
1874	„	51.130.000 „
1875	„	37.040.000 „
1876	„	38.748.000 „
1877	„	25.894.000 „
1878	„	8.702.000 „
1879	„	28.455.000 „
1880	„	51.165.000 „
1881	„	50.225.000 „

Учреждение новых акционерных компаний — характерный признак, по которому можно судить о положении промышленности в тот или иной год: когда основной капитал вновь основываемых акционерных предприятий невелик,—ясно, что промышленность переживает кризис или депрессию (угнетенное состояние), когда спроса на товары нет, или этот спрос слаб; наоборот, если основной капитал новых акционерных предприятий растет быстро, — мы имеем перед собой картину промышленного подъема или, как еще называют, благоприятной конъюнктуры, когда спрос на товары велик, все более растет, и производство их расширяется.

Если принять это во внимание и присмотреться с этой точки зрения к приведенным цифрам, то можно сделать следующие важные наблюдения и выводы: 1) уже в год проведения реформы 19 февраля заметен уменьшенный прилив акционерных капиталов, а в последующие затем два года — 1862 и 1863 — он еще очень сильно сокращается, сводится почти на нет; следовательно, ближайшие два года после реформы были годами промышленного кризиса; 2) затем в 1864—1869 годах, т.-е. в течение шести лет, шло слабое улучшение, притом очень неустойчивое: то были годы депрессии, следовавшей за кризисом; 3) только в 1870 году начинается подъем, сначала слабый, потом в 1872 и 1873 годах значительный; 4) в 1874 г. подъем ослабевает, в 1875—77 годах нарастает кризис, и высшей точки своего развития кризис достигает в 1878 году; 5) затем следуют один год депрессии—1879, и в 1880 и 1881 годах обнаруживается новый подъем, не достигающий, однако, высоты подъема 1872—73 годов.

Периодичность, смена благоприятной конъюнктуры кризисом и следующей за ним депрессией, выступает,

таким образом, перед нами в русской промышленности 60-х и 70-х годов с полной очевидностью. При этом на подъем промышленности приходится самое большее шесть лет из 22-х, т.-е. кризис и депрессия в общей сложности длились 16 лет, немногим более, чем втрое дольше, нежели длился подъем. Если к этому прибавить, что второй подъем был по меньшей мере на 50% слабее первого, и что в 60-х годах все время дело шло чрезвычайно вяло, то общая картина окажется весьма мало отрадной.

Почему так было?

Периодичность, смена подъемов кризисами и депрессией и обратно, свойственна всякому капиталистическому развитию и имеет общие всем капиталистическим странам причины: она вытекает из экономической анархии, хозяйственной безурядицы, несогласованности производства с потреблением, из отсутствия планомерности в капиталистическом хозяйстве, а эта безурядица — следствие того, что средства производства при капитализме составляют предмет частной собственности. Конечно, и в процессе промышленно-капиталистического развития России 60-х и 70-х годов эти неотъемлемые признаки капиталистического хозяйства, его органические, неизлечимые болезни давали себя знать. Но кроме того здесь сказывались и своеобразные, оригинальные, свойственные только русскому капитализму в то время, специфические (особенные) его черты: на кризис 1862 и 1863 годов повлияла реформа 19 февраля и тем, что она сразу создала массовый отлив многих фабричных рабочих в деревню, и тем, что она вследствие недовольства ею крестьян вызвала массовые стихийные их волнения, считавшиеся сотнями каждый год; кризис 1878 года был следствием русско-турецкой войны; наконец, общая крайняя вя-

лость промышленного развития объяснялась чрезвычайно слабой покупательной способностью масс — крестьян и рабочих.

На последней причине, основной и общей, главной по своему значению, необходимо остановиться.

Нам уже известно, почему слабой покупательной способностью отличались крестьяне: сохранялось вследствие малоземелья, чересполосицы и выкупных платежей крепостническое хозяйство, и платежи крестьян на 124—200 и более процентов были выше доходности их земель, да к тому же крестьяне не могли использовать выгоды внешнего и внутреннего хлебного рынка вследствие того, что находились в лапах скупщиков.

Но и покупательная способность фабричных рабочих была немногим выше: денежная заработная плата в 80-х годах была вчетверо ниже, чем в Англии, и впятеро ниже, чем в Соединенных Штатах, а цены на предметы потребления были в Англии и Америке только в $1^1/_2$ раза выше, чем в России; другими словами, реальная, действительная заработная плата русских рабочих была втрое ниже платы рабочих английских и американских. При таких условиях и рабочие могли покупать товаров немногим более, чем крестьяне.

Но почему же так низка была заработная плата? Конечно, серость, несознательность, неразвитость, неорганизованность русских рабочих 60-х и 70-х годов здесь имела большое значение. Но была важная причина низкого уровня заработной платы, коренившаяся в самой промышленности: заработная плата была низка, потому что производительность труда была низкая, а малая производительность труда вытекала из слабого развития русской промышленной техники того времени.

Как слаба была техника, видно из таких примеров:

В чугуноплавильном, железоделательном и сталелитейном производствах Англии уже задолго до того введены были так-называемое бессемерование и выделка мартеновской стали. Сущность этих нововведений заключалась вот в чем: англичанин Бессемер достиг получения железа и стали в жидком виде в доменной печи посредством продувания снизу множеством струй сжатого воздуха через жидкий чугун, находящийся в особой реторте или конвертере; при этом получается очень высокая температура, сжигаются все примеси, и железо получается чистое и в жидком виде, удобном для выделки из него чего угодно; воздух обыкновенно продувается горячий, а не холодный, что ведет также к экономии топлива, и топливо применяется минеральное (каменный уголь), а не дрова; мартеновская печь изобретена французами отцом и сыном Мартенами; они использовали тут все газы, выделяемые минеральным топливом при горении, чтобы повысить температуру доменной печи до чрезвычайности. И вот у нас в России в 60-х и 70-х годах ни бессемерования, ни мартеновских печей почти не было. А когда продувался в доменные печи воздух, то только в 50% печей был воздух горячий, в другой же половине (50%) существовало холодное дутье. Кроме того, $^{9}/_{10}$ русских доменных печей еще в 1881 году, не говоря уж о более раннем времени, работали на дровах, и выплавка чугуна на одну доменную печь была в несколько раз ниже, чем в Западной Европе.

Но все-таки нельзя отрицать некоторых успехов русской промышленности, количественного ее роста, особенно в 70-х годах. С 1860 по 1880 г. добывание

каменного угля увеличилось в 11 раз, выплавка чугуна на 44%, хлопчатобумажное производство более, чем удвоилось. Министр финансов того времени Рейтерн имел в виду развитие промышленности. Он усиленно, хотя дорого и с большими убытками для казны, строил железные дороги, ввел повышенные пошлины на иностранные фабричные изделия, наконец, пытался заменить бумажное денежное обращение золотым, ввести золотую валюту, свободный размен бумажных денег на золото. С этою целью после неудачной попытки ввести эту реформу без подготовки Рейтерн стал составлять значительный золотой запас и успел было накопить большую сумму золотом, но вся она была истрачена на русско-турецкую войну 1877—78 годов. Впрочем, если бы Рейтерну и удалось сохранить этот запас и объявить свободный размен бумажек на золото, едва ли бы золотая валюта тогда сохранилась надолго: русская промышленность была еще в пеленках, переживала детский, зачаточный период своего развития, и потому золотое денежное обращение долго продержаться не могло бы.

Реформы шестидесятых годов.

I.

Земские учреждения.

В 1864 г. было издано Положение о земских учреждениях.

Пункт I первой главы этого Положения гласил вот что: „для заведывания делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда образуются губернские и уездные земские учреждения".

Впечатление от этого пункта получается прежде всего такое, что земские учреждения должны были существовать во всей России. На деле ничего подобного не было: с 60-х годов до 1905 г. земские учреждения существовали только в трети всех губерний России.

Затем ведомство новых учреждений определено крайне узко: они ведают дела, относящиеся к местным хозяйственным нуждам, т.-е. не ведают хозяйственных общегосударственных дел и дел нехозяйственных, будь они даже и местными.

Впрочем, второй пункт той же главы подробно перечисляет „дела, подлежащие ведению земских учреждений", и мы должны познакомиться и с ним, чтобы

решить, соответствовали ли подробности общему принципу, указанному в пункте первом; дела эти таковы:

„I. Заведывание имуществами, капиталами и денежными сборами земства. II. Устройство и содержание принадлежащих земству зданий, других сооружений и путей сообщения, содержимых на счет земства. III. Меры обеспечения народного продовольствия. IV. Заведывание земскими благотворительными заведениями и прочие меры призрения; способы прекращения нищенства; попечение о построении церквей. V. Управление делами взаимного земского страхования имуществ. VI. Попечение о развитии местной торговли и промышленности. VII. Участие преимущественно в хозяйственном отношении и в пределах, законом определенных, в попечении о народном образовании, о народном здравии и о тюрьмах. VIII. Содействие к предупреждению падежей скота, а также по охранению хлебных посевов и других растений от истребления саранчею, сусликами и другими вредными насекомыми и животными. IX. Исполнение возложенных на земство потребностей воинского и гражданского управлений и участие в делах о почтовой повинности. X. Раскладка тех государственных денежных сборов, разверстание которых по губернии и уездам возлагается на земские учреждения. XI. Назначение, раскладка, взимание и расходование, на основании Устава о земских повинностях, местных сборов для удовлетворения земских потребностей губернии и уезда. XII. Представление чрез губернское начальство высшему правительству сведений и заключений по предметам, касающимся местных хозяйственных польз и нужд губернии или уезда, и ходатайство по сим предметам также через губернское на-

чальство; доставление, по требованиям высших правительственных учреждений и начальников губерний, сведений, до земского хозяйства относящихся. XIII. Производство выборов в члены и другие должности по земским учреждениям и назначение сумм на содержание этих учреждений. XIV. Дела, которые будут вверены земским учреждениям на основании особых уставов, положений или постановлений".

Производя анализ этого текста источника, нетрудно обнаружить прежде всего, что сюда включены многие хозяйственные дела, имеющие не местное только, но и общегосударственное значение. Напр., сюда относятся пути сообщения, народное продовольствие, развитие торговли и промышленности, охрана от падежей скота и вредителей разного рода, раскладка государственных сборов. Затем в ведение земств отнесен целый ряд не хозяйственных и опять-таки не только местных, но и общегосударственных дел, каковы: благотворительность, просвещение, здравие, тюрьмы, почтовая повинность, исполнение потребностей воинского и гражданского управлений.

Итак, все попытки загнать земство в сферу местных и хозяйственных дел и в самом тексте закона, не говоря уже о практике, совершенно не удались. И не удались они потому, что так разграничить компетенцию (ведомство) учреждений нельзя вообще: местное управление — неотъемлемая и неразрывная часть управления общегосударственного. Почему же такая безнадежная попытка была сделана?

Потому, что земская реформа была невольной, вынужденной уступкой потребностям нарождавшегося капиталистического, буржуазного общества в самоуправлении, в заведывании через выборных государственными делами. И делая эту уступку скрепя сердце,

неохотно, поневоле, самодержавно-полицейская государственность всячески постаралась ее уменьшить, ограничить возможно более узкими пределами, почему и измышлялись невозможные ограничения компетенции земства делами местными и хозяйственными. Жизнь прорывалась через все эти ограничения и заграждения и в самом законе и на практике: недаром земские учреждения были очагами конституционного, либерально-буржуазного движения и, хотя и жалкой, а все же школой парламентаризма.

При всем том, ведомство земства оставалось чрезвычайно узким. Оно не идет ни в какое сравнение с компетенцией, напр., таких буржуазных органов местного выборного управления, как английские советы приходов (соответствующих нашим волостям), юнионов (соответствуют уездам) и графств (губерний): в Англии эти учреждения ведают на местах все общегосударственные дела. Точно также полнотой государственного ведомства обладают и местные учреждения — волостные советы — в Союзе Советских Социалистических Республик. Это потому, что в этих случаях есть стройная и единая государственная система, опирающаяся на господство определенных классов общества, а нет уродливого сочетания разнородных по классовой природе своей учреждений. Конечно, такое уродливое сочетание — следствие урезанности земской реформы, а эта урезанность — результат влияния тоже урезанной крестьянской реформы: в обоих случаях полукрепостническое землевладельческое дворянство уступило наименьшее, что было возможно для сохранения его господства.

Компетенция земских учреждений сужалась еще их подчинением надзору и контролю администрации: и губернатор и министр внутренних дел имели право

„остановить исполнение всякого постановления земских учреждений, противного законам или общим государственным пользам", так что не только формальная незаконность, но и существо дела оценивались чиновничьей администрацией, что открывало широкое поле для бюрократического произвола, имевшего возможность уничтожить последнюю тень самостоятельности земства даже в том узком кругу дел, который был отведен для его компетенции.

При всех этих условиях понятна злая, сатирическая характеристика земств, данная Салтыковым-Щедриным в его „Письмах к тетеньке": земства „занимаются лужением больничных умывальников и кричат: „страх врагам".

Последнее замечание — „кричат: „страх врагам" — обличает контр-революционное и даже прямо консервативное направление земств, поддержку ими существовавшего режима. Эта поддержка объясняется составом земских учреждений.

Он был далеко не демократический и не крестьянский. Борьбе с демократизмом и победе над ним сильно способствовала система избирательных курий, которых было три: курия уездных землевладельцев, курия городских обществ и курия сельских обществ.

Курия уездных землевладельцев была не более, как стыдливым, лицемерным прикрытием преобладания в земстве дворян-землевладельцев, которые здесь были в большинстве подавляющем. В губерниях, где было дворянское землевладение, дворяне в уездных и особенно в губернских земских собраниях были в постоянном большинстве. Только в немногих не-дворянских губерниях земства были по преимуществу крестьянскими.

Крестьяне-гласные были в большинстве земских губерний меньшинством, причем гласные от них по

числу не соответствовали площади крестьянского землевладения: дворянское землевладение было гораздо сильнее представлено в земствах, чем крестьянское. Наконец, выборы гласных от крестьян были не прямые, а трехстепенные: крестьяне выбирали в сельских сходах уполномоченных в волостные сходы (первая степень), волостные сходы выбирали из своей среды выборщиков не менее, как по одному из уполномоченных от каждого сельского общества (вторая степень), а волостные выборщики, съехавшись вместе, выбирали уездных гласных от крестьян (третья степень). Это просеивание через три сита приводило к тому, что гласными от крестьян в уездных земствах оказывались в большинстве случаев те, кто был покрупнее, повлиятельнее, побогаче в крестьянской среде.

Гласные от городских обществ состояли в большинстве из крупной буржуазии; число их было в земстве невелико, и влияния у них здесь было мало.

Если в уездных земских собраниях всем заправляли дворяне, то в губернских их господство было уже совершенно неограниченным: гласные губернских земских собраний выбирались уездными земскими собраниями.

Земские собрания — уездные и губернские — выбирали для исполнения своих решений уездные и губернские управы из председателей и членов, причем и здесь, конечно, преобладание дворян было обеспечено.

II.

Городовое Положение 1870 года.

В 1870 г. издано было Городовое Положение в полном соответствии земскому. „Городское хозяйство и благоустройство“, а вовсе не заведывание всеми де-

лами управления в городах, таково было ведомство городских дум и управ, причем министр внутренних дел и губернатор держали городские учреждения под таким же строгим надзором и контролем, как и земские.

Что касается состава городских гласных, то он набирался из среды крупной, средней и мелкой торговой и промышленной буржуазии; из пролетариата привлечен был к выборам только высший слой торговых служащих — обладатели прикащичьих свидетельств первого разряда. Но, конечно, эти верхи торгового пролетариата и вся мелкая буржуазия были подавлены буржуазией средней и в особенности крупной. Это достигнуто было применением заимствованной из Пруссии, так-называемой, трехклассной системы выборов. По этой системе все городские избиратели заносились в список сообразно размерам платимых ими городских налогов в убывающем порядке, так что сначала в списке значились наиболее крупные плательщики, потом средние и, наконец, мелкие; подводился итог общей сумме платимых ими налогов, и итог этот делился на три; вычислялось затем, кто из крупных плательщиков уплачивал первую треть всех налогов, и они выделялись в особое избирательное собрание, которое выбирало треть всех городских гласных; вторую треть гласных выбирали несравненно более многочисленные плательщики второй трети городских налогов, — средняя буржуазия; наконец, подавляющее большинство мелких плательщиков выбирали третью треть гласных и оставались, следовательно, в городских думах постоянно в совершенно безнадежном меньшинстве.

Для исполнения своих решений городская дума выбирала городскую управу из городского головы

и членов управы. Конечно, и в городских управах крупная буржуазия была господином положения, заправляла всем, что ей уделял самодержавно-дворянский режим.

В одном отношении городские учреждения стояли еще ниже земских: в земских собраниях председательствовали не председатели земских управ, а губернские и уездные предводители дворянства, а в городских думах председателями были городские головы, стоявшие также во главе городских управ. Это значило, что головы, ведавшие исполнительную деятельность, председательствовали в собраниях, которые должны были проверять, контролировать, критиковать и направлять их работу. Конечно, при таких условиях городской голова, председательствуя в думе, мог действовать в свою пользу, затрудняя думе дело контроля, проверки и направления деятельности городской управы и его самого, городского головы.

III

Судебная реформа.

При самодержавно-дворянском режиме и суд являлся сословным, дворянски-чиновничьим, а по мелким местным делам суд над крепостными крестьянами находился в руках их владельцев-дворян или, как обыкновенно говорят, существовала вотчинная юстиция.

Реформа 19 февраля 1861 года, как ни много сохранила она крепостной старины, все же не могла сохранить вотчинную юстицию и должна была повести хотя бы к частичной перестройке сословного, дворянски-чиновничьего суда, потому что формально крепостное право все-таки было отменено, и на самом деле крепостничество, уцелев сильнее всего в хозяйстве,

сохранилось в праве все же в сравнительно меньших остатках. К тому же развивалось, хотя и медленно и с задержками, буржуазно-капиталистическое общество, и оно нуждалось в судебной защите новых своих прав и новыми способами.

В развитых передовых буржуазно-капиталистических странах суд и принимает поэтому последовательно-буржуазный классовый характер. Буржуазное общество само хочет решать вопросы о том, кого и за что следует судить, как и за что наказывать, в чем оправдывать, какие порядки, обычаи и права ограждать. Отсюда и вышел институт (учреждение) присяжных заседателей с обширным кругом дел, ему подведомственных. Всего полнее этот культурно-буржуазный институт развился в Англии.

В Англии существуют две коллегии присяжных заседателей — так-называемое „большое джюри" из 24-х человек и „малое джюри" из 12-ти человек. Большое джюри принимает участие в следствии по преступлениям, собственно решает вопрос о предании суду, аресте или освобождении под залог обвиняемого, выслушивая доклад следственного судьи о материалах и результате его работы. Малое джюри постановляет решения по всем судебным делам—гражданским и уголовным, оправдывает или обвиняет. Законные последствия приговора (вердикта) присяжных определяются судьями-юристами, назначенными правительством.

По русской судебной реформе 1864 года также введены были присяжные заседатели. Но, во-первых, они не принимали никакого участия в предварительном следствии, которое оставалось тайной следственной власти; во-вторых, присяжные заседатели в России не участвовали в решении гражданских тяжб; в третьих, и в уголовных делах их участие было ограничено де-

лами о преступлениях против жизни, здоровья и собственности (эту уступку буржуазному духу времени пришлось сделать); что касается политических и должностных преступлений, то они с самого начала были изъяты из ведения суда присяжных, а дела о печати очень недолго ведались этим судом.

Таким образом ничтожная роль русских присяжных заседателей явилась наглядным признаком крайней урезанности судебной реформы: суд остался по преимуществу чиновничьим, для буржуазной общественной юстиции лишь слегка была приоткрыта дверь. Причина ясна: крайне урезана была основная реформа времени—крестьянская.

Предания старины, остатки прошлого сказались еще и в том, что судебные уставы Александра II провозгласили суд независимым от администрации и судей и следователей несменяемыми иначе, как по суду за преступления по должности, но и эта уступка буржуазному духу была сделана ненадолго: скоро, при министре юстиции графе Палене, следователей стали назначать только исполняющими должность, так что их министр мог сменять, и они оказались в полном подчинении прокурорам, находившимся уже в прямой зависимости от министра юстиции, как генерал-прокурора. Судей и председателей окружных судов и судебных палат стали переводить в другие места, иногда на высшие должности и в сенат, когда они не были вполне послушны министру. Одним словом, несменяемость и независимость, столь несовместимые с самодержавно-полицейским строем, исчезли, от них осталась только едва заметная тень.

С отменой крепостного права получило особенное значение устройство местного суда по мелким делам, особенно по делам между крестьянами и помещиками.

Поэтому был учрежден мировой суд. Мировые судьи выбирались из числа землевладельцев земскими собраниями в уездах и городскими думами в городах. Они были, следовательно, преимущественно из дворян и выбирались или дворянами или крупной буржуазией. Классовый характер мирового суда был таким образом несомненен. И здесь влияние крестьянской реформы, урезанной, сохранившей много остатков старины, сказалось во всей своей силе.

Общественное движение шестидесятых и семидесятых годов.

I.

Нигилисты.

Реформы шестидесятых годов, начиная с крестьянской, имели настолько урезанный характер, что явно не удовлетворяли жизненным потребностям народных масс. Вместо хлеба эти реформы дали массам камень, вместо широких путей развития открыли едва узенькие и кривые тропинки. Жизнь нельзя было вдвинуть в узкие, устаревшие рамки полицейски-дворянского самодержавия, и это остро почувствовала чуткая молодежь, которая и начала новое революционное движение.

Как всегда бывает, дело началось с резкого и полного отрицания всего существующего, — с того, что в шестидесятых годах XIX века получило название нигилизма, — от латинского слова „нигиль“ — „ничто“.

Это слово получило особенное распространение после известного романа Тургенева „Отцы и Дети“, где нигилистом назван Базаров, признававший только одно естествознание и отрицавший и общепринятую нравственность, и религию, и искусство, и весь существующий строй.

Не вся молодежь шестидесятых годов узнала себя в Базарове и шла по тому пути, на который вступил он. Но часть молодежи того времени действительно была нигилистической, как Базаров. Талантливый и пользовавшийся большим успехом критик журнала „Русское Слово“ Писарев недаром расточал восторженные похвалы роману Тургенева и объявил Базарова типическим представителем молодежи, новых людей. Блестящий публицист, яркий популяризатор, литературный критик,—Писарев признавал, подобно Базарову, что одно только естествознание является основой здорового, материалистического миросозерцания, и отрицание, разрушение возводил в основное начало всей деятельности молодого поколения: „бей“, говорил он, „что крепко и здорово, то устоит, а что развалится, разлетится вдребезги, то гниль, туда ему и дорога; во всяком случае бей направо и налево—от этого вреда не будет“. И он действительно бил и разрушал: он проповедывал материализм по Фохту, Молешотту и Бюхнеру, он пропагандировал революцию в своих исторических статьях, он отрицал мораль и существующий строй в критических очерках, отвергал эстетику, порицал дворянство, „лишних людей“, вроде пушкинского Онегина, самого Пушкина называл не иначе, как „наш миленький маленький Пушкин“.

За ним пошли отрицатели, не ограничивавшиеся словами, а перешедшие к действиям. Таковы были каракозовцы в половине шестидесятых годов и нечаевцы в конце их.

Каракозов, студент Московского университета из мелкопоместных дворян, исключенный, потому что не имел средств внести плату за учение, участвовал в студенческом кружке своего двоюродного брата Ишутина, довольно пестром по составу и имевшем

в виду социалистические цели и устройство для пропаганды социализма мастерских, школ и т. д. Но было в кружке и крайнее течение, и к нему принадлежал сам Ишутин, высказывавший мнение, что народ надо разбудить каким-либо решительным действием революционного характера. Каракозов, человек искренний, не умевший жить так, чтобы слово расходилось с делом, решил под влиянием этого убить Александра II и, приехав из Москвы в Петербург, 4-го апреля 1866 г. выстрелил из револьвера в императора при выходе его с прогулки из Летнего сада. Покушение не удалось. Учреждена была особая следственная комиссия под председательством Муравьева-вешателя; Каракозов был казнен, Ишутин и другие члены его кружка получили каторгу. Муравьев воспользовался этим делом, чтобы проявить настоящий полицейский террор: пострадали многие не только люди революционных убеждений, но и либералы. С этих именно пор в правительственных кругах окончательно возобладала реакция.

В конце шестидесятых годов с программой прямого разрушения выступил Нечаев. По словам Нечаева, „революционер знает только одну науку—науку разрушения. Для этого и только для этого он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает денно и нощно живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя во всех возможных слоях. Цель же—одно наискорейшее разрушение этого поганого строя". „Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность". „Наше дело — страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение". Никакой положительной программы будущего устройства общества Нечаев не предлагал,—он думал, что надо разру-

шить существующее, а после того народ сам построит, чего он сам хочет.

Для того, чтобы достигнуть этого, Нечаев задумал и осуществил тайную, конспиративную, заговорщическую организацию, строго централизованную. Все члены ее разделялись на пятерки и знали друг друга только в пределах одной пятерки. Из членов пятерки только один знал представителя высшей организации. Все пятерки безусловно подчинялись высшему центру, — на деле самому Нечаеву. За измену, предательство, простой выход из организации грозила смерть. Когда в одной из нечаевских пятерок в Петровской академии близь Москвы студент Иванов разочаровался в нечаевщине и хотел уйти из организации, Нечаев устроил его убийство. Потом он уехал заграницу, но был выдан швейцарским правительством, как уголовный преступник, был осужден на каторгу и умер в Петропавловской крепости.

Таковы были наиболее яркие представители одного из течений среди русской революционной молодежи 60-х годов—течения нигилистического. Но это течение не было ни единственным, ни главным. Большинство молодежи шло тогда за другим революционером—Чернышевским.

II.

Чернышевский.

Николай Гаврилович Чернышевский был сын саратовского протоиерея, кончил курс Петербургского университета и собирался посвятить себя профессуре. Специальностью его была история литературы, и он написал сочинение под названием „Эстетические отношения искусства к действительности", которое должно было послужить диссертацией для получения ученой

степени магистра и открыть Чернышевскому путь к профессорской кафедре. Университет вполне одобрил книгу Чернышевского, но министр народного просвещения не утвердил постановления о признании Чернышевского магистром, потому что нашел его книгу неблагонамеренной. Профессура оказалась недоступной Чернышевскому. Тогда он всецело отдался публицистике, журнальной деятельности и стал руководителем самого популярного тогда среди молодежи журнала „Современник".

Какие взгляды проводил Чернышевский в своей литературной работе?

Начнем с его философских убеждений и с его диссертации, которая находится с ними в ближайшей связи.

По философским взглядам своим Чернышевский рано, еще в конце своего студенчества, стал материалистом, последователем Фейербаха. Он высоко ставил материалистический монизм Фейербаха, то, что всю личность человека Фейербах понимал как нечто единое, цельное, зависящее от материи.

Эту цельность личности Чернышевский положил в основу и своего сочинения „Эстетические отношения искусства к действительности". Он рассуждал здесь следующим образом: красота — второстепенная потребность человека сравнительно с необходимыми для жизни потребностями; поэтому и искусство ниже жизни, действительности; красота поэтому же совершенно совпадает с полнотой жизни; искусство стремится воспроизвести действительность, но действительность всегда ярче произведений искусства, и ее настоящее воспроизведение искусству недоступно; поэтому смысл искусства в объяснении жизни и оценке действительности; художественное произведение должно объяснять жизнь и учить жизни.

Исторические воззрения Чернышевского в отдельных случаях близко подходили к историческому материализму и теории классовой борьбы. Но, часто объясняя так отдельные исторические явления, Чернышевский не выдерживал этой точки зрения тогда, когда хотел объяснить ход истории в целом: тут он главное влияние приписывал развитию идей, знаний, науки и просвещения.

Весьма большое значение имеет Чернышевский как экономист: недаром Маркс, скупой на похвалы, назвал Чернышевского за его экономические работы великим русским ученым. Чернышевский начал здесь с народнических воззрений Герцена и с подчинения тому либеральному пониманию освобождения крестьян, которое господствовало во время выработки реформы 19 февраля. Но потом он освободился от этих влияний и встал на свою, особую, самостоятельную, оригинальную точку зрения.

В вопросе о народничестве он не разделял идеализации крестьянства, считал крестьянство нуждающимся в большом развитии и просвещении, не преклонялся перед мужицкой мудростью и крестьянской правдой. Затем в примечаниях к сделанному им переводу „Политической экономии" Милля и в статье „Критика философских предубеждений против общинного землевладения" Чернышевский очень тщательно, во всех подробностях разобрал вопрос об общинном землевладении. И здесь оказалось, что в том виде, в каком оно существует в действительности, оно очень далеко от идеала, и необходим ряд существенных, важных в нем изменений и дополнений к нему, чтобы приблизить его к ассоциации (союзу) производителей, к социализму.

По крестьянскому вопросу Чернышевский пришел скоро также к выводам, далеко опередившим либера-

лизм Герцена и тем более передовых дворян и чиновников: он убедился, что главное зло — выкуп земли, предлагал сначала ничтожный выкуп, вчетверо почти низший, чем тот, который был установлен в Положении 19 февраля, а затем находил, что выкупа совсем не должно было быть, и лучше было бы совершенно обезземелить крестьян, чем освободить их на условиях, созданных реформой 19 февраля 1861 года.

Все это привело Чернышевского прямо на революционный путь, и он составил и отдал в нелегальную печать прокламацию „К барским крестьянам", призывавшую их к бунту, к крестьянской революции.

Благодаря предательству и подделке письма Чернышевского, посланного будто бы с корректурой прокламации, Чернышевский был судим, приговорен к каторге, по отбытии которой жил в ссылке в Вилюйске Якутской области, в царствование Александра III был возвращен, жил в Астрахани, потом в Саратове, где и умер в 1889 году.

Сидя в тюрьме перед судом, Чернышевский написал свой знаменитый роман „Что делать", где в лице Рахметова, Кирсанова, Лопухова и Веры Павловны вывел новых людей в противовес нигилистам, и где проводились фурьеристские взгляды на социалистическое преобразование общества.

Если теперь рассмотреть деятельность и идеи Чернышевского в целом, то придется признать, что и он, как Герцен, был предшественником разных общественных течений и партий, возникших позднее.

Как материалист, он был предшественником русского марксизма. Как критик и эстетик, он подготовлял идейно-революционную художественную литературу, в первую очередь Салтыкова-Щедрина, обличителя и сатирика. По историческим своим воззрениям он

в отдельных работах подготовлял исторический материализм, т.-е. тот же марксизм, а в целом, в цельном взгляде на историю стоял на идеалистической точке зрения, близкой народничеству и либерализму. Несомненный отрыв от народничества и переход к научному социализму виден, наконец, в экономических работах и воззрениях Чернышевского.

Непосредственное влияние Чернышевского на революционное движение сказывалось только в его время, в шестидесятых годах, главным образом, в непродолжительной деятельности погибшего скоро общества „Земля и Воля", в котором главную роль играл Серно-Соловьевич. Эту первую „Землю и Волю" 60-х годов надо отличать от второй „Земли и Воли", возникшей и действовавшей, как увидим в свое время, во второй половине семидесятых годов.

III.

Лавров.

Мы говорили сейчас, что на революционное движение семидесятых годов Чернышевский имел лишь частичное влияние. Настоящими учителями жизни, идеологами, идейными вождями этого движения были Лавров и Бакунин. От Лаврова пошли лавристы или пропагандисты, от Бакунина—бакунисты или бунтари.

Петр Лаврович Лавров, происходивший из среднего дворянства Псковской губернии, был профессором военно-инженерной академии в шестидесятых годах. По складу своего ума и привычек он был ученый, теоретик, кабинетный человек. Но человек честный и чуткий, он отозвался на общественные злобы дня тем, что написал нелегальные, ходившие по рукам, стихотворения о Николае I и Александре II. Во время

следствия по делу Каракозова это было открыто, и Лавров был сослан в Тотьму, потом в Кадников. Здесь, в глуши, почти без книг, без возможности продуктивно заниматься наукой, он написал небольшую книжку под заглавием „Исторические письма“ и издал ее под псевдонимом Миртова. Книжка эта пришлась как нельзя более по сердцу молодежи семидесятых годов.

„Исторические письма“ Лаврова-Миртова—несомненное евангелие народничества, выражение его исторического и социологического мировоззрения, взгляда на общество, его развитие и задачи этого развития.

Основным признаком прогресса Лавров считает развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношениях. Это развитие личности подсказывает ей, что необходимо воплощение в общественных формах истины и справедливости, потому что прогресс покупается дорогой ценой, трудом масс населения, прежде всего, крестьянства, и эта цена прогресса должна быть оплачена. Оплата ее составляет долг интеллигенции или, как выражался Лавров, „критически мыслящих личностей“ перед народом и такая оплата и осуществляется тем, что интеллигенция воплощает в общественных формах истину и справедливость.

Интеллигентная молодежь того времени поняла, конечно, что под истиной и справедливостью в „Исторических письмах“ разумелся социализм, и что для того, чтобы быть развитой или критически-мыслящей личностью, необходимо самим учиться и учить народные массы, вести среди них пропаганду социализма. Это создало Лаврову последователей, и когда он, после ряда неудачных ходатайств о возвращении в Петербург, эмигрировал заграницу, к нему была послана депутация с просьбой издавать там газету, которая должна была

нелегально распространяться в России. Лавров согласился на это и стал редактировать и издавать газету „Вперед".

К тому времени Лавров уже познакомился с европейским социалистическим движением, участвовал в Парижской Коммуне, был послан от Коммуны в Лондон в генеральный совет первого Интернационала с просьбой о помощи, познакомился там с Марксом, а потом изучил и его сочинения.

В газете „Вперед" Лавров поэтому договорил до конца и дополнил те мысли, которые он впервые выразил в прикрытой по цензурным условиям форме в „Исторических письмах". Он объявил здесь, что крестьянство с его общиной и артелью является несознательным носителем и представителем идеи социализма, и что для того, чтобы сделать его сознательно-социалистическим, необходима пропаганда интеллигенции. Вместе с тем Лавров, под влиянием Маркса, признавал и развитие капитализма, и подготовку им социализма, и классовую борьбу, и социалистическую сущность пролетариата, рабочего класса. Настаивая поэтому на необходимости пропаганды среди рабочих, Лавров, по русским условиям, вследствие слабости капитализма в России и огромной массы крестьянства, центр тяжести пропагандистской работы переносил в деревню, так что основным ядром воззрений Лаврова являлось народничество. Он полагал при этом, что надо итти в народ не с тою целью, чтобы поднять его немедленно на бунт, а для того, чтобы, сделав его сознательным социалистом, подготовить к будущей революции. Не бунтарство, а пропаганда составляла основную цель хождения в народ по мнению Лаврова.

Таковы были взгляды Лаврова, повлиявшие на русское революционное движение семидесятых годов.

Позднее и характер революционного движения изменился, и сам Лавров, приспособляясь к этим изменениям в движении и в то же время не отказываясь в общем от своей народнической позиции, во многом дополнил свои воззрения, что дало ему возможность оказаться идейным вождем и новых течений в русском революционном народничестве. Об этом нам придется еще говорить позднее в своем месте.

IV.

Бакунин.

Начало общественной деятельности Михаила Александровича Бакунина нам уже известно: он был западником, гегельянцем, философским учителем Белинского, организующей силой кружка Станкевича. Так было в тридцатых годах. В 1840 г. Бакунин уже разошелся с кружком Станкевича и уехал заграницу. Заграницей Бакунин скоро вступил в сношения с представителем немецкого утопического социализма, Вейтлингом, хотя не сделался его последователем. В публицистике и в речах на собраниях Бакунин резко выступал против европейской и русской реакции. Русское правительство потребовало его возвращения на родину, и когда он отказался повиноваться, лишило его прав. Бакунин таким образом рано стал эмигрантом. Впоследствии он сам объяснял свои действия беспокойной своей натурой, жаждой деятельности, потребностью прилагать свои убеждения непосредственно к жизни, неудовлетворенностью обычными условиями жизни. Ближе всего Бакунин стоял уже в сороковых годах к анархистскому учению Прудона, с которым познакомился лично и вел продолжительные и горячие беседы.

Революция 1848 года бросила Бакунина в практическую революционную работу. Он участвовал в всеславянском съезде в Праге в Чехии, где отстаивал основание революционной, республиканской всеславянской федерации (союза). В 1849 г. он принял участие в восстании в Саксонии и попал после поражения восстания сначала в саксонскую, а потом в австрийскую тюрьму, так как саксонское правительство выдало его, как участника революционного славянского движения, австрийскому правительству. Потом Австрия выдала Бакунина России, и он семь лет просидел в Петропавловской крепости в Петербурге и в Шлиссельбурге. Из заключения по предложению Николая I он написал ему свою „Исповедь" с раскаянием в своем прошлом, но это не изменило его участи. В 1857 году, по ходатайству родственников, Бакунин был освобожден и выслан на житье в Сибирь, но оттуда бежал в 1861 г. через Дальний Восток и Японию в Америку, а затем скоро приехал в Европу. С этого именно времени и развернулась во всю ширь революционная деятельность Бакунина.

Бакунин в шестидесятых годах принял участие в первом Интернационале и сильно содействовал его разрушению, отстаивая анархические взгляды в организационном вопросе, требуя, чтобы генеральный совет Интернационала был просто осведомительным бюро, а не руководил делом. Борьба Бакунина с Марксом и столкновения бакунистов с марксистами приняли тогда очень резкие, крайние формы, повели к расколу в Интернационале и, наконец, к его закрытию.

В то же время и позднее Бакунин является вдохновителем, идейным вождем большинства участников русского революционного движения начала семидесятых годов. Он был основателем так-называемого бунтарства.

Одно время Бакунин сблизился с Нечаевым, написал для него устав его конспиративной организации и участвовал в его нелегальной газете „Народная Расправа“. Но скоро он разошелся с Нечаевым и разочаровался в его организации.

Бакунин первый, раньше Лаврова, высказался за „хождение в народ“. Но он иначе, чем Лавров, понимал цель этого хождения. Итти в народ, по Бакунину, надо было вовсе не с целью пропаганды, развития сознания, подготовки социалистической революции в будущем, как думал и предлагал Лавров, а с целью агитации за немедленный бунт, за восстание: Бакунин выше сознания ставил инстинкт, чувство, и находил, что русскому крестьянству, как показывают примеры Разина и Пугачова, в высшей степени свойствен разбойничий, бунтарский инстинкт, что с этой точки зрения все для революции в России готово, и надо прямо делать революцию, а не подготовлять ее в будущем. Сочинения Бакунина, особенно его „Государственность и анархия“, требовавшая полного уничтожения всякой государственности, имели огромный успех в среде русской революционной молодежи семидесятых годов. Бакунин умер в Швейцарии в 1876 г.

V.

Хождение в народ.

Лавров и Бакунин были умственными вождями, идеологами движения русской интеллигентской молодежи с небольшой примесью рабочих, происходившего в первой половине семидесятых годов.

Что такое идеологи? Являются ли они создателями, творцами какого-либо общественного движения?

Ни в каком случае. Идеологи не творят движение силою своего ума, гения или таланта, а только придают полную ясность и отчетливую форму тому, что в многочисленных зародышах уже существует.

Так случилось и с движением начала семидесятых годов: Лавров и Бакунин его не создали, а только оформили, привели в систему то, что бродило до них. Что это так,—видно из того, что до начала их влияния, независимо от них, в Петербурге и Москве сложились кружки молодежи тех направлений, которые впоследствии окончательно проявились под влиянием Лаврова и Бакунина, т.-е. пропагандистского и бунтарского. Пропагандистами до Лаврова и вне его влияния были чайковцы—Натансон, Чайковский, Кропоткин, Клеменц, Перовская и другие, которые вели пропаганду и в среде крестьян, и между рабочими, и особенно среди учащейся молодежи; необходимость учиться и учить особенно ясно стала сознаваться чайковцами после нечаевщины, которая молодежи, входившей в кружок чайковцев показалась чудовищной. Главный кружок чайковцев был в Петербурге, но он имел также ответвления в Москве, Одессе и других городах. За бунтарство без влияния Бакунина и раньше, чем это влияние сказалось с полною ясностью, стояли долгушинцы—кружок молодежи, образовавшийся в Москве и названный так по имени самого выдающегося своего члена Долгушина.

И чайковцы и долгушинцы подготовили движение первой половины 70-х годов не только тем, что они предвосхитили идеи Лаврова и Бакунина и тем доказали жизненность этих идей,—то, что они носились в воздухе, необходимо должны были привиться и дать свои плоды,—они подготовили это движение также и тем, что настойчиво требовали от молодежи, чтобы

она училась, осмысливала, старалась понять окружающую общественную действительность. Этим они и натолкнули массу молодежи того времени на разработку программ, на изучение Лаврова и Бакунина.

Уже в 1873 г. некоторые пошли в народ — открывать крестьянству глаза на его бессознательную до сих пор социалистическую сущность, — так сделали, напр., многие чайковцы. Но большинство провело 1873 год, особенно его вторую половину именно в выработке программы в теоретических спорах и обсуждениях. Так рассказывает, напр., об этом один из участников движения Аптекман. По его словам, лозунг „в народ" стал в 1873 г. всеобщим среди молодежи, и мысль о долге перед народом и о необходимости этот долг уплатить получила широкое распространение. Весной 1874 г. началось уже массовое движение интеллигентной молодежи в народ, — пошло несколько тысяч человек.

Каковы же были результаты пропаганды лавристов и агитации бакунистов? Послушаем того же Аптекмана, рассказ которого типичен, в главных чертах подтверждается другими:

Аптекман служил фельдшером сначала в псковской, потом в пензенской деревне. В пропаганде социализма ему много помогли евангелие и нелегальная брошюра долгушинцев „Как должно жить по закону природы и правды". Но скоро нелегальная литература отошла на второй план, а потом и совсем исчезла. Крестьяне сильно интересовались географией и этнографией. Жгучим был вопрос о земле, но когда пропагандисты заговорили об отобрании у помещиков и разделе земли между крестьянами, один из слушателей ярко выразил общее впечатление, сказав: „вот будет хорошо: когда разделим, я принайму двух работни-

ков". Мало-по-малу „пропаганда социализма отодвинулась на задний план", а „насущные, злободневные вопросы крестьянства выдвигались все более и более на авансцену". О социализме слушали, как слушают занятную сказку.

Таковы были результаты лавристской пропаганды. О чем они свидетельствовали?

Присматриваясь внимательно к содержанию того, что сообщает Аптекман, мы видим что, во-первых, по вопросу о социализме крестьяне в лучшем случае обнаруживали внешнее любопытство, т.-е. социалистами не были; во-вторых, обнаруживали научную любознательность; в третьих, горячо интересовались всем, что касалось деревенских злоб дня, наболевших вопросов крестьянской жизни, особенно вопроса о земле; в четвертых, тут, в вопросе о земле, обнаруживали самые буржуазные идеалы.

Можно, наконец, сделать еще пятый вывод о результатах пропаганды,—тот, о котором свидетельствует другой автор воспоминаний о хождении в народ — Дебогорий-Мокриевич: крестьяне жаждали земли, но надеялись получить ее от царя, уповали на царя, в крестьянстве живы и сильны были царистские иллюзии, крестьяне впадали в самообман, веря, что царь заботится о них, желает им добра.

Так было с пропагандистами-лавристами. Но ведь бакунисты-бунтари пошли не для пропаганды, а для агитации за немедленный бунт. Что же у них получилось?

Тот же Аптекман—и опять в согласии с другими нашими источниками—говорит: „на деле и бунтари, как и лавристы, стали пропагандистами, пойдя в народ": почвы для немедленного восстания они в деревне не нашли, а их пропаганда имела, естественно, те же результаты, что и пропаганда лавристов.

Чтобы закончить общую характеристику массового движения интеллигентной молодежи в народ в первой половине 70-х годов, остается еще отметить, что оно встретило свирепые преследования со стороны правительства. Арестованы были сотни пропагандистов, многих годы держали в тюрьме, где некоторые умерли, другие сошли с ума, третьи совершенно расстроили себе здоровье, четвертые кончили жизнь самоубийством. Затем начались суды. Особенно замечательны были два процесса — процесс 193-х, касавшийся по преимуществу пропаганды в деревне, и процесс 50-ти, обвиняемые по которому судились, главным образом, за пропаганду среди рабочих. Процесс 193-х замечателен был тем, что суд вынес всем почти обвиняемым мягкие приговоры, но правительство подвергло многих, даже оправданных, тяжелым наказаниям—административной ссылке и тюрьме. Процесс 50-ти замечателен речами Бардиной и рабочего Петра Алексеева, причем последний определенно указал на грядущую революционную роль рабочего класса.

VI.

Земля и Воля.

Участники хождения в народ не поняли основной причины своей неудачи — того, что крестьяне — не социалисты, — и приписывали эту неудачу неправильной тактике и недостатку организации. Неправильность тактики, казалось им, заключалась в том, что, во-первых, пропаганда была летучей, не было прочных поселений в деревне, во-вторых, велась она слишком отвлеченно, без достаточной связи с повседневными крестьянскими нуждами. Недостаток организации усматривался в том, что не существовало стройной

и крепкой революционной организации, которая объединяла бы все движение и руководила бы им. Все эти тактические и организационные недостатки должна была устранить тайная революционная организация, назвавшая себя обществом „Земля и Воля“ и основанная в 1876 году. 25 октября 1878 г. вышел первый номер нелегальной газеты этого общества под названием также „Земля и Воля“. Передовая статья этого номера — важный исторический источник, которым и надо воспользоваться, чтобы понять различные течения в русском революционном движении того времени и место, которое среди них занимало общество „Земля и Воля“.

„Есть между русскими социалистами партия, которая отодвигает на задний план элемент активной борьбы. Ее главное оружие — широкая пропаганда идей социализма в народе, ближайшая цель — образование интеллигентного социалистического меньшинства среди рабочего люда — основание социалистической партии для активной борьбы лишь в более или менее отдаленном будущем“. Это — пропагандисты. Мы их противники, мы — за активную борьбу и за практическую агитацию. Есть еще другое течение — социалистов-якобинцев, представляемое „Набатом“ Ткачева: его цель — „захват в свои руки власти путем заговора и государственного переворота с целью декретирования нового политического и экономического строя“. Мы и против них, хотя и сочувствуем деятельности их, как дезорганизаторов власти [1]). Наши либералы и конституционалисты не выступают как действующая партия. Наш девиз — Земля и Воля. Мы —

[1]) Течение якобинцев, возглавлявшееся Ткачевым, имело мало влияния.

преемники социалистов-народников шестидесятых годов. „Только те культурные формы имеют историческое будущее, которые коренятся в умах и стремлениях народных масс“. Поэтому основание нашей программы — народные идеалы. „Земля — общее достояние всех, кто на ней работает, воля — право всех людей самим распоряжаться своими делами“. За это стояли Пугачов и Разин. Вопрос фабричный у нас в России в тени, он заменен вопросом аграрным. Самосуд и самозащита необходимы у нас до тех пор, пока свобода и личность не гарантированы от произвола. Но террор не имеет ничего общего с борьбой против существующего порядка. Террористы — только охранительный отряд, а главная масса работников — в народе. Если бы мы увлеклись террором, то не приобрели бы корней в народе для борьбы с либералами после завоевания конституции. Мало сделано в народе. Настоящий успех будет тогда, когда мы сами станем народными людьми. „Оставьте катехизис и учебники, погрузитесь в великое море народное“.

Итак, Земля и Воля была противницей и длительной пропаганды в расчете лишь на далекое будущее, и захвата власти для декретирования нового политического и экономического строя. Землевольцы были народниками чистой воды: они хотели слиться с крестьянством, пользуясь лозунгом „земля и воля“, и поднять восстание против существующего строя, ниспровергнуть его, а народ должен был потом решить сам, как устроить жизнь по-новому. Террористическая, дезорганизаторская группа Земли и Воли имела только охранительное значение, — обороняла агитаторов в народе от насилий и нападений правительства, его администрации и полиции. Землевольцы очень хорошо

понимали важность царистских иллюзий в крестьянстве. Они помнили, что в начале их работы, еще до издания газеты „Земля и Воля“, в 1876 г., Стефанович, Дейч и Бохановский, именно опираясь на царистские иллюзии крестьянства, выпустили грамоту от имени царя с призывом к бунту против дворян и чиновников и организовали в Чигиринском уезде до полуторы тысячи крестьян для восстания. Поэтому в передовой статье № 5-го „Земли и Воли“, вышедшего в апреле 1879 г., отстаивалась необходимость для революционеров „занять место царя“ в сознании крестьянства, популяризовать себя в народе, внушить ему мысль, что революционеры — сила, быть мирскими людьми, радетелями, агитировать за крестьянские интересы.

Такова была программа, цель. Средствами были прочные, постоянные поселения революционеров в народе в виде врачей, фельдшеров, учителей, волостных писарей, торговцев, ремесленников. Таких поселений особенно много было в нижнем Поволжье, главным образом в Саратовской губернии, а также в губерниях Тамбовской, Воронежской и других.

Каковы же были результаты? Послушаем, что говорят по этому вопросу наши источники — воспоминания тех, кто поселялся среди народа и вел агитацию.

Аптекман в своих воспоминаниях говорит о „крушении“ землевольческих поселений и указывает следующие причины этого крушения: во-первых, правительственный гнет, во-вторых, недостаток выдержки и дисциплины, в третьих, недостаток материальных средств. Так, по его словам, было с попытками северян. А южане — Дебогорий-Мокриевич в Каневском уезде и Стефанович с его друзьями в Чигиринском — сделали прямые попытки организации с целью вос-

стания, но потерпели неудачу опять-таки вследствие преследований полиции.

По воспоминаниям другой участницы движения Веры Фигнер удавалось вести пропаганду и агитацию в одном месте месяцев восемь, десять, около года, но против революционеров оказывались исправники, урядники, помещики, приказчики, кулаки. В результате получался вывод: работа в деревне, среди крестьян, бесполезна вследствие преследований полиции и противодействия консервативных элементов деревенского населения.

Таковы были выводы самих участников движения. И, как скоро увидим, сущность этих выводов сильно повлияла на дальнейшее направление дела. Но прежде чем перейти к новым переменам в революционном движении семидесятых годов, нам необходимо критически взглянуть на объяснения причин неудач, постигших хождение в народ и деятельность общества „Земля и Воля".

Конечно, революционеры семидесятых годов были правы, указывая в числе причин своего крушения преследование полиции и противодействие консервативных элементов деревенского населения, а также недостатки организации и дисциплины и скудость материальных средств. Но, наряду с этим, как мы видели, у них проскальзывало сознание и других важных обстоятельств, вызывавших неудачу: крестьяне не выказывали сочувствия социалистической пропаганде; будучи живо заинтересованы вопросом о земле, они ждали его решения от царя. И все дело в том, какой из этого ряда разнообразных причин следует придать главное, основное значение, и какие являются второстепенными, дополнительными.

Здесь-то революционеры-народники семидесятых годов, несомненно, и ошибались, неправильно опре-

деляли относительное значение, удельный вес отдельных причин неудачи своих планов и действий; преследованиям полиции и противодействию консервативных элементов деревенского населения они придавали преувеличенное значение. Первенство принадлежало не этим обстоятельствам, как ни были они значительны, и не маленьким недостаткам революционного механизма вроде слабости организации и дисциплины и незначительности средств, хотя, конечно, и эти недостатки нельзя отрицать, а именно особенностям крестьянской среды: крестьянство не было социалистически настроено, проникнуто было буржуазным духом и, кроме того, страдало недостатком революционной инициативы (почина) и царистскими иллюзиями. Горючего материала в крестьянстве, вследствие способа отмены крепостного права, было много, но играть роль руководителя и инициатора революции оно не могло. В этом и заключалась основная причина крушения народнического движения семидесятых годов: она, следовательно, заключалась в его народническом, крестьянском характере.

VII.

Народная Воля.

Как бы то ни было, но правительственные полицейские преследования представлялись революционерам-народникам главным препятствием, стоявшим у них на пути. Притом же правительство действовало по отношению к революционерам с произволом и жестокостью, которые естественно вызывали самозащиту и месть.

Озлобление достигло большой высоты уже зимой 1877 года, когда приговор по делу 193-х был признан

слишком мягким, и наказания на многих оправданных подсудимых были наложены в административном порядке. Затем петербургский градоначальник Трепов подверг наказанию розгами политического заключенного студента Боголюбова за то, что он не встал перед Треповым во время посещения последним тюрьмы. Тогда 24 января 1878 г. Вера Засулич выстрелила в Трепова и его ранила.

Выстрел Засулич был ее личным делом, не делом какой-либо организации. Подобный же характер имело и неудачное покушение Соловьева на жизнь Александра II, произведенное 4-го апреля 1879 года. Правда, это дело обсуждалось в землевольческой организации, но постановлено было, что Соловьеву организация в целом не помогает, могут оказывать содействие лишь отдельные ее члены лично за своей ответственностью.

Но в то же время и организация вынуждена была действовать террористически, и стало возрастать самостоятельное значение дезорганизаторской группы.

Организованные вооруженные выступления землевольцев начались с вооруженных сопротивлений полиции при аресте. Самым известным и вместе первым из таких вооруженных сопротивлений было сопротивление Ковальского и его товарищей при аресте их в Одессе. Затем начались покушения: в Киеве Осинский совершил покушение на прокурора Котляревского, Попко, по плану того же Осинского, убил жандармского офицера Гейкинга, в августе 1877 г. в Петербурге Кравчинский убил кинжалом шефа жандармов Мезенцова; наконец, ранен был шеф жандармов Дрентельн.

Все эти террористические акты мотивировались пока по-старому,—необходимостью самозащиты. Но на

этой почве трудно было удержаться, очень скоро дело пошло дальше, и первым, кто начал отстаивать самостоятельное революционное значение террора, явился Осинский; ему же принадлежит и изобретение нового названия террористической организации — „исполнительный комитет".

Затем в Петербурге образовалось ядро террористов из среды землевольцев во главе с Александром Михайловым, Морозовым и Квятковским. Ему предоставлено было издавать под редакцией Морозова в дополнение к газете „Земля и Воля" „Листок Земли и Воли", в котором эта группа, развившаяся из старой дезорганизаторской группы, выступала, по примеру Осинского, под именем исполнительного комитета. Здесь утверждалось уже, что политическое убийство не только акт мести и самозащиты, но и агитационный прием, „осуществление революции в настоящем", самое страшное оружие революционеров против их врагов, одно из главных средств борьбы с деспотизмом. Оправдывалось и цареубийство тем, что царь — абсолютный повелитель, почему он и ответствен за всю политику.

Это было слишком большой новостью в тактике „Земли и Воли", чтобы не вызвать оппозиции со стороны тех, кто оставался верен старым народническим заветам. Во главе их стоял Плеханов. И он со своими единомышленниками потребовал созыва съезда партии „Земля и Воля".

Террористы также чувствовали необходимость съезда, но, с целью подготовить себе победу, решили созвать свое предварительное совещание в Липецке летом 1879 года. Сюда, кроме террористического ядра землевольцев, съехались еще специально приглашенные южане, между которыми был Желябов. В Липецке решено было отстаивать террористическую тактику.

В конце июня 1879 г. состоялся общий съезд партии Земля и Воля в Воронеже. На съезде Морозов прочитал письмо-завещание казненного Осинского с призывом к террористической тактике. Эта тактика признана необходимой в крайних случаях, которые теперь именно имеются налицо; признано было и цареубийство. Плеханов задал вопрос, имел ли право Морозов в „Листке Земли и Воли" провозгласить террор осуществлением революции в настоящем, и когда большинство встало на сторону Морозова, ушел со съезда, сказав: „мне нечего здесь делать, потому что я—народник".

Однако, съезд не пошел на разрыв сразу. Старались провести компромисс, соглашение, объявили, что главное—работа в деревне.

Компромисс недолго продержался. К осени разрыв совершился окончательно, образовались две организации—Народная Воля, в которой террор на деле приобрел значение основного тактического приема, и Черный Передел, где Плеханов и его друзья остались верными чистому народничеству.

Черный Передел существовал недолго: несколько месяцев спустя, все главные его участники вынуждены были эмигрировать заграницу, так как один из членов организации был арестован и стал выдавать товарищей.

1879—81 годы—время полного расцвета террористической деятельности Народной Воли.

Общество Народной Воли было централизованной организацией, в которой исполнительный комитет являлся центром и имел огромную власть: все силы и средства местных групп находились в полном его распоряжении. На первую очередь выдвинута была организация заговора, а потом восстания с целью

ниспровержения самодержавия и завоевания политической свободы—необходимого условия для социалистической пропаганды, агитации и организации в массах населения. Террор рассматривался как средство обороны, агитации и организации. Цареубийство вовсе не рассматривалось теоретически как главная цель. Велась пропаганда среди интеллигенции, рабочих и в армии—среди офицеров, солдат и моряков.

Но на практике главные усилия народовольцев оказались направленными именно на цареубийство.

При возвращении Александра II осенью 1879 г. из Крыма организовано было покушение на него в трех местах по железным дорогам: около Одессы, через которую Александр II не поехал, около Александровска, где взрыва не произошло по случайным причинам, и близ Москвы, где взрыв произошел, но без жертв, причем железнодорожное полотно повреждено было не под царским поездом, а под поездом свиты. Тем не менее покушение произвело большое впечатление и в России и заграницей.

Затем рабочий Степан Халтурин поступил на службу рабочим в Зимний дворец и подготовил и осуществил 5 февраля 1880 г. взрыв царской столовой, где в тот день по поводу приезда одного принца должен был состояться фамильный завтрак. Взрыв не достиг цели, во-первых, потому, что поезд с принцем опоздал на полчаса, запоздал и завтрак, во-вторых, динамита было недостаточно, и пострадали только конвойные в кордегардии, расположенной под столовой, а в столовой только осел пол. Но впечатление от этого покушения было еще больше, чем от прежних. Плеханов, не сторонник террора, писал из-заграницы народовольцам по этому поводу: „остановить на себе зрачок мира разве не значит уже победить“?

И далее подготовлялись не раз еще покушения на Александра II в Петербурге и других местах, но дело не доходило до исполнения вплоть до 1-го марта 1881 года.

Руководителями этого последнего покушения на Александра II должны были быть Желябов и Перовская. Решено было произвести взрыв под каретой императора при проезде его по Малой Садовой улице. С этою целью Богданович и Якимова под фамилией Кобозевых сняли на этой улице торговое помещение и открыли в нем торговлю сыром. Из лавки Кобозевых производился подкоп под мостовую с целью заложить в него мину для взрыва. На случай, если бы взрыв этот не удался, намечены были четыре бомбометателя и Желябов с кинжалом. Взрывчатые вещества для мины и бомб приготовлял Кибальчич.

27 февраля, когда эти приготовления только начинали развертываться, случайно арестован был Желябов. Потом стал грозить провал лавки Кобозевых, внушавшей, очевидно, какие-то подозрения полиции. Надо было торопиться. Между тем накануне 1-го марта мина из лавки Кобозевых не была еще заложена, и ни один из четырех снарядов готов не был, как рассказывает Вера Фигнер в своих воспоминаниях. Рассказ ее живо передает всю обстановку, чувства и настроения участников, и мы будем держаться его в изложении первомартовской драмы, дополняя его некоторыми другими источниками.

28 февраля Исаев был отправлен в магазин Кобозевых заложить мину. Кибальчич с помощью еще двух человек должен был работать над снарядами для бомбометателей с 5 часов вечера всю ночь. Перовская, на долю которой выпало руководство исполнением покушения на следующий день, легла отдохнуть.

Вера Фигнер деятельно помогала в работе Кибальчичу и его товарищам, но в 2 часа ночи и она легла спать. В 7 часов утра два снаряда были готовы, и их Перовская отнесла на Тележную, на квартиру Саблина и Гельфман, куда должны были явиться бомбометатели. Потом ушел один из помощников Кибальчича, и Фигнер помогла Кибальчичу и другому его помощнику наполнить гремучим студнем два остальные снаряда. В 8 часов утра 1-го марта готовы были все четыре снаряда после пятнадцатичасовой работы. В 10 часов утра на Тележную явились четыре метальщика—Рысаков, Гриневицкий, Тимофей Михайлов и Емельянов, и Перовская дала им все необходимые указания и передала снаряды.

Александр II не поехал по Садовой, и взрыв через подкоп из лавки Кобозевых произведен не был. Но Перовская тщательно следила, как поехал царь, и правильно сообразила, что он поедет по набережной Екатерининского канала, сразу изменила план, расставила иначе метальщиков и в нужный момент дала им знак платком. Первым бросил бомбу Рысаков—под царскую карету. Карета была разрушена, но Александр II уцелел и подошел к Рысакову. Он считал себя уже спасенным, но стоявший вблизи Гриневицкий бросил второй снаряд, которым Александру II раздробило ноги и в то же время смертельно ранило самого Гриневицкого. Александр II умер от потери крови. Покушение на этот раз удалось вполне.

Событие 1-го марта глубоко потрясло всех,—народовольцев не меньше, чем других: они радостно плакали и глубоко верили, что реакция кончится, и Россия обновится, были возбуждены, обнимались, поздравляли друг друга с будущим. В первое время окружающая обстановка внушала народовольцам

впечатление опьяняющего успеха: они получили ряд предложений содействия.

И вот решено было обратиться к Александру III с открытым письмом от имени исполнительного комитета. Письмо было написано Тихомировым и исправлено Михайловским. Вот что оно гласило:

Преследования революционеров и революционных партий нецелесообразны: вместо одних, погибших, будут другие, ибо все дело в недовольстве народа, в стремлении России к новым общественным формам. Если политика правительства не изменится, движение будет расти, недовольство в стране разовьется, и революция будет неизбежна. У нас нет настоящего правительства. Правительство должно выражать народную волю, а у нас камарилья, узурпаторская шайка. Действия правительства не имеют ничего общего с народной пользой и стремлениями народа. Правительство подчинило народ крепостному праву, отдало массы дворянству, а теперь создает вредный класс спекулянтов и барышников. Все реформы приводят к тому, что народ впадает все в большее рабство, все больше эксплоатируется. Поэтому у русского правительства нет нравственного влияния в народе, и цареубийство популярно. Есть два выхода: или революция или добровольное обращение верховной власти к народу. Исполнительный комитет советует императору избрать второй путь во избежание жертв, которые приносит революция. Тогда исполнительный комитет прекратит свою деятельность, и его члены пойдут в культурную работу. Будет мирная, идейная борьба. Два условия даны для этого историей: общая амнистия и созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их со-

образно с народными желаниями. Но выборы должны быть свободны; поэтому депутаты должны выбираться от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей; не должно существовать никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов, необходимы свободные агитация и выборы и потому свобода печати, слова, сходок и избирательных программ. Это—единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Исполнительный комитет безусловно подчинится решению народного собрания и откажется от насильственного сопротивления правительству, созданному народным собранием.

Письмо заканчивалось следующими словами: „перед вами два пути. Мы можем только просить судьбу, чтобы ваш разум и совесть подсказали вам решение, единственно сообразное с благом России, с вашим собственным достоинством и обязанностями перед родной страной".

На кого рассчитано было это письмо? Надеялись ли, что оно подействует на царя и правительство? Нет, сами народовольцы на это не надеялись: наивно было бы думать, что правящие классы и правительство добровольно уступят, откажутся от своего господствующего положения.

Может быть рассчитывали на народные массы? Но тогда надо было не писать так умеренно, а отметить ясно и ярко социальные нужды народа, как необходимую мотивировку политических реформ. Ясно, что и не на массы народа рассчитано было письмо исполнительного комитета к Александру III.

И умеренный тон, и политические почти исключительно требования, и самый стиль письма показывают, что оно рассчитано было на либеральную

буржуазию, на интеллигенцию. Вот где была истинная опора Народной Воли.

И это несомненно свидетельствовало о ее слабости, об отсутствии массовой организации у народовольцев и даже массового сочувствия им.

Отсюда и вытекало крушение народовольчества, скоро затем последовавшее. Предательство Рысакова и Окладского привело на эшафот главных первомартовцев и самого Рысакова, тщетно надеявшегося своими разоблачениями спасти свою жизнь, Михайлова, Гельфман, Кибальчича, Перовскую, Желябова, а потом и других. Тщетно Фигнер, переехав в Харьков, пыталась потом восстановить исполнительный комитет. Дегаев и Меркулов выдали и погубили всех. Были затем и другие попытки восстановления центра Народной Воли, но и они не увенчались успехом. До второй половины 80-х годов, даже до конца их, возникали отдельные народовольческие группы. В 1887 г. предпринято было А. И. Ульяновым и другими и покушение на Александра III, но предательство оставалось неизменным спутником народовольческих попыток и приводило постоянно к их неудачам и крушению. Жизнь диктовала иные задачи и формы революционной борьбы, и под ее влиянием последние народовольческие группы начали перерождаться и принимать иной облик. Какой именно,—это мы увидим в свое время.

Хозяйство с 1880 г. по 1905 г.

I.

Сельское хозяйство.

Нам уже известно, какое важное значение для русского сельского хозяйства приобрел, начиная с 40-х годов XIX в., внешний рынок, вывоз хлеба заграницу. Вот статистические данные об этом вывозе с 1880 г. по 1905 г.:

В 80-х годах ежегодно вывозилось 360 милл. пуд. хлеба.
„ 90-х „ „ „ 442½ „ „ „
„ 1901—5„ „ „ 609 „ „ „

Значит, за все 25 лет русский хлебный вывоз возрос на 69%, причем рост этот был неравномерен: за 80-е годы вывоз хлеба увеличился всего на 23%, так что главный рост русского хлебного вывоза за 25 лет относится к последнему десятилетию XIX в. и к первым годам XX столетия.

Почему?

Присмотримся к ценам на хлеб на мировом рынке.

Оказывается, что с 1880 года до начала 90-х годов цены на русскую пшеницу понизились на 21,6%, а на русскую рожь на 14%. И произошло это по той причине, что именно в 80-х годах в Европе обна-

ружился и достиг полного развития так-называемый сельскохозяйственный кризис, сопровождавшийся большим падением цен на хлеб и возникший оттого, что в Европу стали привозить огромное количество дешевого заокеанского хлеба, добытого на вновь распаханных девственных землях Западной Америки, Аргентины, Южной Африки, Австралии.

Однако, с начала 90-х годов этот кризис стал ослабевать: в Соединенных Штатах Америки стала быстро развиваться фабричная промышленность, вследствие чего увеличился внутренний спрос на хлеб. Стала расти промышленность и в других заокеанских странах, где поэтому хлебных излишков также становилось меньше. И вот с 1894 года начинается непрерывный рост хлебных цен на мировом рынке. К 1905 г. этот рост достигает уже 41,2% и к 1909 г. даже 66%.

Таким образом, внешний рынок в 80-х годах был неблагоприятен для русского земледелия, а с 90-х годов, напротив, его влияние содействовало развитию производства хлеба, создавало возможность капиталистического зернового хозяйства. Можно сказать, что так как вывоз русского хлеба в 80-х годах увеличился на 23%, а цена русской пшеницы—главного вывозного хлеба—упала тогда на $21^1/_2$%, то общая стоимость русского хлебного вывоза за это время не изменилась, но отдельные производители хлеба потерпели значительные убытки. Зато в 90-х годах общая ценность русского хлебного вывоза сильно возрасла, и отдельные производители получили большие выгоды: вывоз увеличился на 46% сравнительно с началом 80-х годов, а цены поднялись на 41%.

Но в 80-х годах положение внутреннего хлебного рынка было несравненно хуже, чем рынка внешнего:

на внутреннем русском рынке вследствие плохих путей сообщения цены на хлеб всегда были гораздо ниже, чем на внешнем; но когда наступил кризис, внутренние цены на хлеб страшно упали—на 40% и на пшеницу и на рожь. Правда, в 90-х годах и на внутреннем рынке началось повышение хлебных цен, но, во-первых, оно здесь обнаружилось позднее, чем на внешнем рынке: не с 1894 года., а только с 1897-го; во-вторых, оно здесь шло очень медленно, так что к 1905 г. хлебные цены на внутреннем рынке повысились только на 10%.

Таким образом, изучение хлебного рынка ясно показывает, что в 80-х годах не было никакой возможности капиталистического развития земледелия; эта возможность наступила только в 90-х годах. Понятно, что и в технике русского земледелия замечаются некоторые успехи только с последнего десятилетия XIX в. Велики ли были эти успехи?

В 1881 г. посевная площадь составляла 60,6%, пар и залежь 39,4%; в 1901 г. посевная площадь равнялась 64,4%, а пар и залежь 35,6%. Таков один ряд цифр.

А вот другой:

площадь посевов.

	Зерн. хлеба.	Лен и конопля.	Корм. травы.	Картофель.	Сахар свекл.	Стручк. раст.
1881 г.	92%	3%	0,9%	2%	0,3%	1,8%
1901 г.	89%	2,8%	1,5%	3,5%	0,6%	2,6%

Итак, во-первых, несомненно, что посевная площадь выросла насчет пара и залежи, во-вторых, что посевы зерновых хлебов сократились, но увеличились посевы кормовых трав, картофеля и свекловицы, т.-е. расширился плодосмен. Таковы два положительных вывода, указывающие на развитие земледельческой

техники. Но третий вывод—отрицательный: и то и другое улучшение было невелико, техника и система русского земледельческого производства развивалась медленно.

Тем не менее рост земледельческой техники и, следовательно, развитие земледельческого капитализма в России в конце XIX и в первые годы XX столетия не подлежит сомнению. А развитие капитализма означало упадок крепостнического хозяйства. Отсюда именно, из этого упадка, из неприспособленности дворянского землевладения к капитализму, и вытекало обезземеление дворянства, сокращение площади дворянского землевладения. За все время с 1861 по 1905 год дворянство потеряло 27 миллионов десятин своей земли, причем 60% ее были приобретены городской буржуазией—купцами и мещанами, а 40% крестьянами.

Какими же крестьянами? Быть может малоземельными?

Чтобы ответить на этот вопрос правильно и основательно, надо познакомиться в главных чертах с аграрной политикой правительства.

Реформа 19 февраля 1861 г. нанесла, как мы знаем, глубокие раны русскому крестьянству. Ранами этими были созданные реформой малоземелье, чересполосица, выкупные платежи, многочисленные остатки крепостного хозяйства и крепостного права. Правящие классы—дворянство и буржуазия—и выражавшее их интересы правительство не лечили этих ран. Крестьянство, как умело и могло, само принялось за их лечение.

Оно стихийно двинулось в переселение,—стало уходить на новые места, особенно в Сибирь. Помещики и правительство сначала испугались этого и хотели положить переселению предел, прекратить его: помещики

боялись остаться без рабочих рук, а начальство, угождая помещикам, в то же время было обеспокоено нарушением порядка и спокойствия.

Однако, бороться с переселением было трудно. Да и скоро поняли: оно все-таки может помочь немного беде, послужить отдушиной, громоотводом: крестьяне, ведь, не только переселялись, а и волновались, бунтовали, производили „аграрные беспорядки", подчас, потеряв терпение, громили помещичьи имения. И потому правительство вынуждено было даже содействовать переселению, сколько-нибудь правильно организовать его. Сначала переселялось по 50 тыс. человек крестьян в год из всей России, потом по 100—120 тысяч, далее по 300 тысяч. Выше этого до 1905 г. не пошло. Помогло ли это крестьянской беде, прежде всего малоземелью?

Нет, потому что цифра ежегодных переселенцев не покрывала годового прироста населения не только во всей Европейской России, но даже и в губерниях, наиболее страдавших от малоземелья. Избыть свое горе посредством переселения крестьяне не могли.

Но, как мы уже видели, крестьянство не только переселялось и бунтовало, но и покупало помещичьи земли. Правда, ему удалось только 40% проданной помещиками земли приобрести себе в собственность, — 60% ее купили представители крупной и средней буржуазии. Но может быть хоть эти 40% достались малоземельным крестьянам?

В начале 80-х годов министр финансов Бунге учредил Государственный Крестьянский земельный банк с целью выдачи ссуд крестьянам для покупки земли. Конечно, Бунге надеялся, что этот банк хоть отчасти уменьшит малоземелье и успокоит крестьянство. Оправдалась ли эта надежда?

Прежде всего учреждение Крестьянского банка увеличило цены на землю, вызвало земельную спекуляцию, помогло многим разорившимся помещикам дорогой ценой продать свои земли. Таким образом Крестьянский банк отчасти прямо служил интересам дворян.

К тому же, по уставу своему, банк не имел права выдавать в ссуду всю ту сумму, за которую крестьяне через его посредство покупали землю: сначала он выдавал только 75% этой суммы и только потом, после изменения устава, до 90%. Значит, крестьяне, покупавшие землю через банк, должны были сначала 25%, потом 10% этой суммы добывать где-то на стороне. Где же? Конечно, у сельских ростовщиков, кулаков, богатых крестьян, которые за это брали огромный процент. В результате оказывалось, что покупавшие через банк землю крестьяне впадали в неоплатные долги этим ростовщикам, и куплепная земля чаще всего и доставалась богатому крестьянству за долги ему деревенской бедноты и середняков.

Затем, платеж процентов по займу и погашения был непомерно велик — 7% в год, вдвое больше, чем по ирландскому аграрному закону начала XX века. Выплачивать эти проценты было тяжело, часто невозможно, должники банка из бедных крестьян часто оказывались несостоятельными плательщиками, и купленная ими земля продавалась банком более зажиточным крестьянам.

Наконец, устав банка прямо оказывал покровительство богатым крестьянам перед середняками и беднотой: при покупках земли единоличных, деласмых отдельным крестьянином, выдавалась ссуда до 500 руб на одно лицо, а при покупках товариществами или обществами ссуда на одно лицо не должна была превышать 150 р. А между тем единоличные покупки

делались богатым крестьянством, а покупки товариществами и обществами середняками и беднотой.

Итак ясно: Крестьянский банк помогал дворянам и богатым крестьянам, малоземельному крестьянству он не оказывал никакой существенной помощи.

Таким образом аграрная политика правительства не помогала крестьянской беде, не залечивала ран, нанесенных крестьянской реформой. Особенно било в глаза здесь то, что рядом с Крестьянским банком учрежден был Государственный Дворянский земельный банк, который имел целью давать ссуды дворянам для поддержания их хозяйства и землевладения, причем платежи в этот банк при ссудах были более, чем вдвое, ниже, чем в Крестьянский; неисправным плательщикам-дворянам давались большие льготы и т. д.

Конечно, кое-где, местами крепостническое хозяйство сменялось капиталистическим. Но это было нечасто. Притом же в то время, как арендные цены на землю и продажные на нее цены удвоились, заработная плата сельскохозяйственным рабочим возрасла только на 44%, так что и сельскохозяйственный капитализм приводил к жесточайшей эксплоатации. Малоземелье росло. Правда, в 80-х годах отменена была подушная подать, потом сокращены были на 27% выкупные платежи. Но вместо подушной подати введен был поземельный налог, и так как он раскладывался земствами, то на десятину крестьянской земли он падал обычно двойным окладом сравнительно с окладом его, ложившимся на земли частных землевладельцев — дворян и буржуазии. К тому же вообще подати были непомерно тяжелы: в 1899 г. по всем податям за крестьянами числилась недоимка, равная 120-ти процентам их оклада, т.-е. крестьяне в течение года и двух слишним месяцев — на деле не платили уже налогов. Недоимка по

выкупным платежам доходила до 420% годового оклада. Крестьянство не только беднело, но и быстро и сильно пролетаризировалось: от 25 до 30% крестьянского сословия или приближалось к положению пролетариев, или уже превратилось в пролетариат.

Общая характеристика сельского хозяйства 1880—1905 годов сводится, таким образом, к следующему: крепостничество убывало медленно, капитализм развивался слабо, и началось его развитие поздно; крестьянство бедствовало и пролетаризировалось, неизбывно страдая от кровоточащих ран, не закрывавшихся со времени реформы 19 февраля 1861 г.

II.

Индустрия.

Вот данные наших источников об основном капитале вновь учреждавшихся в 1880—1900 годах акционерных предприятий:

В	1882	году	основной	капитал	их	был	42.310.000 р.
„	1883	„	„	„	„	„	41.700.000 „
„	1884	„	„	„	„	„	46.175.000 „
„	1885	„	„	„	„	„	38.460.000 „
„	1886	„	„	„	„	„	20.610.000 „
„	1887	„	„	„	„	„	24.170.000 „
„	1888	„	„	„	„	„	46.165.000 „
„	1889	„	„	„	„	„	45.955.000 „
„	1890	„	„	„	„	„	63.415.000 „
„	1891	„	„	„	„	„	27.495.000 „
„	1892	„	„	„	„	„	25.202.000 „
„	1893	„	„	„	„	„	61.113.000 „
„	1894	„	„	„	„	„	59.550.000 „
„	1895	„	„	„	„	„	129.363.000 „
„	1896	„	„	„	„	„	232.640.000 „

В	1897	году	основной	капитал	их	был	239.324.000 р.
„	1898	„	„	„	„	„	256.237.000 „
„	1899	„	„	„	„	„	430.879.000 „
„	1900	„	„	„	„	„	336.833.000 „

Произведем анализ (разбор) этих цифр по методу (способу), нам уже известному. Не забудем, что в 1879—80 годах основной капитал вновь основанных акционерных предприятий превышал 50 милл. в год.

Значит, первый вывод будет заключаться в том, что после этих двух лет небольшого подъема дело пошло в следующие годы на снижение, пока в 1886 и 1887 годах не наступил явный кризис.

1888 и 1889 годы были годами депрессии, которая, впрочем, не была резко выражена и сменилась в 1890 году подъемом.

Затем разразился снова сильный двухлетний кризис — в 1891 и 1892 годах.

1893—94 годы были опять годами некоторой депрессии, но с 1895 года до конца столетия идет небывалый еще в России подъем промышленности, — конъюнктура слагается так благоприятно, как никогда раньше.

Подведем итоги этим наблюдениям: из 19 лет четыре года были годами резко выраженного кризиса, восемь — годами депрессии, большею частью, впрочем, не сильной сравнительно, и, наконец, подъем, благоприятная конъюнктура характеризуют семь лет, причем шесть из них приходится на самый конец века.

Несомненно, сравнительно с общей картиной промышленности 60-х и 70-х годов, эта картина отличается более светлым тоном. Очевидно, русская индустрия, особенно с половины 90-х годов, вступила в полосу настоящего капиталистического развития.

При всем том ясно, что хотя общая закономерность развития капитализма, выражающаяся в периодической смене кризисов и депрессий подъемами и обратно, имела свое яркое выражение в промышленном развитии России за 20 лет с 1880 по 1900 год, но русская индустрия зависела также теснейшим образом от сельского хозяйства, от урожая: голод 1891 и 1892 годов усилил до чрезвычайности кризис этого времени; прекращение мирового сельскохозяйственного кризиса с половины 90-х годов, подъем хлебных цен с этого времени на мировом рынке, первые заметные успехи русского земледельческого капитализма в высшей степени содействовали созданию благоприятной промышленной конъюнктуры конца века.

И рост производства в отдельных отраслях индустрии, и развитие промышленной техники подтверждают факт первого пышного расцвета индустриального капитализма в России. Вот относящиеся сюда наиболее характерные статистические данные:

Добывание каменного угля за 25 лет увеличилось в 5½ раз, добывание нефти в 32 раза, выплавка чугуна возросла впятеро, производство стали в 18 раз, стоимость производившихся в России ежегодно хлопчатобумажных тканей увеличилась в 2¼ раза. Это — цифры, относящиеся к росту производства в отдельных главных отраслях индустрии.

К этому надо прибавить, что русская промышленность в эпоху наибольшего ее расцвета — в последние пять или шесть лет XIX века — работала по крайней мере на четыре пятых насчет иностранного капитала, русский капитал, к ней тогда прилагавшийся, составлял только одну пятую часть всех промышленных капиталов.

Переходя к концентрации промышленности, т. - е. к вопросу о росте крупных предприятий, надо уста-

новить факт первостепенной важности: эта концентрация была чрезвычайно резко выражена, зашла в процессе своего развития очень далеко. Уже в 1901 г. число рабочих занятых на фабриках, имевших свыше 500 рабочих, составляло 46% всего числа русских фабричных рабочих, а если особо выделить крупнейшие фабрики, насчитывавшие тысячу и более рабочих, то процент рабочих этих фабрик превышал 31. В 1908 г. число рабочих, занятых в фабриках, на которых работало 500 и более человек, составляло уже около 50%, почти половину числа всех промышленных рабочих России, а на фабриках, насчитывавших тысячу и более рабочих, состояло 34% всех рабочих. Это значит, что по концентрации производства Россия представляла собою в начале XX века страну, равную Германии и превосходившую Бельгию.

Концентрация фабричного производства имеет огромное влияние на развитие классового сознания рабочего класса: работая огромными массами на колоссальных фабриках, рабочие этою концентрацией наталкиваются на мысль об общности их интересов, о своем классовом единстве, о необходимости совместной, организованной борьбы против капитала.

Концентрация имеет большое значение и для предпринимателей: и их она сплачивает в союзы, выделяет из них крупных капиталистов, содействует росту техники производства, облегчает кредит, закупку сырья, сбыт готового продукта.

Казалось бы, при таких условиях техника русской промышленности должна была сделать огромные успехи. И, действительно, успехи несомненны: в каменноугольной промышленности выработка угля на одного рабочего между 1880 и 1903 годами повысилась с $8^1/_2$ тысяч пудов в год до почти $10^1/_2$ тысяч пудов; добы-

вание кокса с 1891 по 1902 год возросло в $4^1/_2$ раза; на древесном топливе в 1880 г. было выплавлено более 90% всего чугуна, а в 1903 г. уже только 30%,— остальные перешли—вполне или отчасти — на минеральное топливо; выработка чугуна на одну доменную печь увеличилась в $4^1/_3$ раза; выработка стали на один бессемеровский конвертер возрасла втрое, а на одну мартеновскую печь вчетверо.

Сильно содействовала всем этим успехам экономическая политика правительства, особенно в двух своих проявлениях:—в усиленной постройке железных дорог и в введении золотой валюты. За 25 лет вновь построено было до 27.000 верст железных дорог, и министр финансов Витте провел золотую валюту, накопив огромный золотой запас и установив свободный размен кредитных билетов на золото.

Правда, уже в этом введении золотой валюты были черты, показывавшие, что, несмотря на внешний промышленный блеск, на деле не все обстояло вполне благополучно: во-первых, введение золотой валюты сопровождалось девальвацией, уменьшением веса и цены нового золотого рубля сравнительно со старым: новый золотой рубль равнялся двум третям старого, правительство заплатило за бумажные деньги не полностью, а только $^2/_3$ их цены, т.-е. на одну треть обанкротилось; во-вторых, поддержание золотой валюты потребовало огромных жертв от казны и особой политики государственного капитализма.

Начнем с последней. Чтобы иметь золото, государство должно было поменьше покупать заграницей и побольше иметь своих доходов. С этою целью усиленно развивалась государственная промышленность — особенно металлические заводы. С этою же целью расширялась сеть казенных железных дорог,

введена была винная монополия — казенная торговля водкой, — наконец, установлена была сахарная нормировка: государство определяло, сколько сахара выпускалось сахарными заводами ежегодно для продажи внутри России и по какой цене; за этот сахар оно брало высокий акциз, дававший казне большой доход; но русские сахарозаводчики имели право вывозить заграницу сколько угодно сахара, причем этот вывозной сахар освобождался от акциза; поэтому русский сахар в России стоил дорого, а заграницей так дешево, что, напр., в Англии им кормили свиней. Зато русские сахарозаводчики наживались, казна получала большой доход от акциза, и вывоз сахара содействовал благоприятному торговому балансу, превышению ценности вывоза над ввозом, т.-е. сохранял в стране золото.

Но всего этого было мало: пришлось для поддержания золотой валюты, для сохранения золотого запаса делать займы заграницей, что сильно увеличило русский государственный долг.

Уже из сказанного видно, что какие-то отрицательные стороны, какие-то болезни были свойственны русскому промышленному капитализму конца XIX и начала XX века.

И при ближайшем рассмотрении оказывается, что прежде всего техника промышленности была несравненно ниже, слабее и европейской и американской. Вот яркие, характерные тому примеры:

В 1902 г. в России на доменную печь вырабатывалось 629 тысяч пудов, а в Англии 1 миллион 550 тысяч пудов, т.-е. в 2½ раза больше, в Соединенных Штатах даже 3 миллиона 800 тысяч пудов, т.-е. в шесть слишком раз больше.

В России на один бессемеровский конвертер приходилось в 1902 г. 1 миллион 115 тысяч пудов выработанной стали, а в Англии в то же время 1 миллион 900 тысяч пудов, т.-е. на 70% больше.

Сильная техническая отсталость русской промышленности несомненна. Откуда же она происходила?

Первая причина этого заключалась в том, что русская промышленность не была самостоятельной в отношении производства средств производства: русское промышленное машиностроение существовало только в слабых зачатках, можно сказать, почти не существовало вовсе; поэтому снабжение русских фабрик машинами, техническим оборудованием производилось из заграницы, главным образом, из таких передовых капиталистических стран, как Англия и Германия, в которых развитие производства средств производства достигло высокой степени. Уже по этому одному техническое снабжение русских фабрик и заводов далеко отставало от техники иностранной промышленности. Русская промышленность, таким образом, являлась филиальной по отношению к промышленности западно-европейской, оказывалась как бы зависимым отделением этой последней.

Затем, покровительственная система в России со времени таможенного тарифа 1892 г. достигла крайнего, можно сказать, уродливого развития. Прежде всего чрезвычайно высоки были ставки таможенных пошлин на иностранные фабрикаты: к началу XX века они в общем достигали 42% цены товаров, так что, сплошь и рядом, по отношению к отдельным фабрикатам имели прямо запретительный характер, исключали возможность их ввоза и, следовательно, какой бы то ни было конкуренции с соответствующими русскими товарами. Это вело к застою, к технической отста-

лости: даже устарелые и истасканные, изношенные машины давали возможность многим фабрикантам получать прибыль, так что не было побуждений обновлять техническое оборудование, во всяком случае доводить его до последнего слова европейской техники. Притом покровительство сплошь и рядом оказывалось не промышленности в целом, а отдельным промышленникам, получавшим разные льготы вследствие влиятельных связей, имеющих всегда первостепенное значение при самодержавно-бюрократическом режиме.

Наконец, русская промышленность не избавилась и в это время от своей застарелой болезни — крайней узости рынка. Нам известно уже бедственное положение крестьян, лишавшее их возможности покупать сколько-нибудь значительное количество товаров. Но и рабочие отличались весьма слабой покупательной способностью, что также угнетающе действовало на промышленный рынок и задерживало поступательный ход индустриальной техники. Средний заработок русского рабочего по всей стране в 1906 г. не превышал 167 руб. в год, понижаясь в южных губерниях до 108 руб., а в северных повышаясь до 283 руб.; в Иваново-Вознесенске рабочий мужчина получал 10—15 р. в месяц, а женщина 6—10 руб. Выше были заработки в Москве и особенно в Петербурге. Но вообще русский рабочий получал вдвое меньше английского, а производительность его труда была в $1^3/_4$ раза ниже производительности труда английского рабочего; он производил ежегодно почти впятеро меньше американского и получал заработную плату в $3^3/_4$ раза меньшую, чем существовавшая в Америке.

И техническая отсталость, и почти полное отсутствие производства средств производства, и крайний

протекционизм, и низкий уровень заработной платы и производительности труда свидетельствуют о том, что в России конца XIX и первых лет XX столетия господствовал грубо-хищнический, некультурный капитализм.

Это подтверждается и отсутствием в России того времени права коалиции: стачки не дозволялись законом, преследовались как преступления, профессиональные рабочие союзы также не разрешались: правительство и предприниматели не хотели допустить существование этих боевых пролетарских экономических организаций. В начале XX в. правительство сделало опыт введения так-называемого полицейского социализма. По плану начальника московского охранного отделения Зубатова в Москве организовано было общество взаимопомощи рабочим, посредством которого Зубатов старался развить трэд-юнионистские стремления и инстинкты у рабочих, т.-е. желание бороться только за улучшение своего экономического положения с отказом от борьбы за политическую свободу и за социализм. Зубатов и его агенты стремились отвлечь рабочих от влияния революционных социалистических партий и внушить им убеждение, что самодержавие — внеклассовая форма правления и потому лучше всякой другой формы может защитить интересы рабочих. Но зубатовские организации, особенно привившиеся в Москве и Одессе, повели только к дальнейшему развитию классового сознания рабочих и к усилению их классовой борьбы. В 1903 г. правительство вместо профессиональных союзов задумало подсунуть рабочим жалкий суррогат (подделку): был издан закон о так-называемых фабричных старостах, выборных от рабочих и обязанных заявлять об интересах рабочих. На самом деле и тут преследовались полицейские

цели: надеялись, что старосты будут предотвращать стачки, и думали даже сделать старост ответственными за возникновение стачек. Таким образом, и полицейский социализм, и закон о фабричных старостах только лишний раз подчеркнули отсталость, грубо-хищнический характер русского промышленного капитализма конца XIX и самого начала XX в.

Но концентрация промышленности объединяла рабочих и усиливала их боевую энергию. Подъем промышленности в последние годы XIX в. давал возможность рабочим достигнуть некоторых успехов в своей экономической борьбе. Эта борьба заставила правительство произвести первые опыты фабричного законодательства. Сюда относятся закон о фабричной инспекции, закон 1882 г. о работе малолетних, закон 1887 г. о запрещении ночной работы подростков и женщин в прядильных и ткацких фабриках и закон 1897 года о продолжительности рабочего дня.

Все эти законы, даже если бы они строго проводились в жизнь, применялись точно в действительности, не принесли бы рабочим существенной пользы: они были слишком узки, не удовлетворяли интересам и потребностям трудящихся и были изданы с целью успокоить рабочих внешними, кажущимися уступками.

Но на самом деле они и не применялись, а большею частью отменялись фактически последующими циркулярами и разъяснениями. Так, напр., закон 1897 г. установил, что рабочий день не должен продолжаться более 11½ часов в сутки. Эта продолжительность рабочего дня сама по себе непомерно велика. Но разрешены были сверхурочные работы, притом ничем не ограниченные и даже по воскресеньям, и этим весь закон был сведен на нет. И так было со

всеми фабричными законами того времени. А фабричная инспекция, которая должна была по закону наблюдать, чтобы фабриканты не нарушали фабричных законов, на деле превратилась в фабричную полицию, должна была следить, чтобы не было забастовки и принимать меры к их прекращению.

Реакционная диктатура конца XIX и первых лет XX века.

I.

Внутренняя политика.

Западно-европейская буржуазия, ставшая у руля правления после буржуазно-демократических революций, укрепила свое положение тем, что она создала у себя крестьянство, достаточно зажиточное и проникнутое собственническим инстинктом, являющееся поэтому массовым оплотом буржуазии против социализма и рабочей революции. Исключение представляет собою одна только Англия, в которой крестьянство исчезло, но продолжительное монопольное господство которой на мировом промышленном рынке дало английской буржуазии возможность сделать такие уступки рабочему классу, что ему стало чем дорожить в своем положении, что он был подкуплен собственными своими достижениями в классовой экономической борьбе. При таких условиях западно-европейская буржуазия могла позволить себе роскошь установления полной демократической государственности с всеобщим избирательным правом и всеми гражданскими свободами: опираясь на эту формальную демократию, буржуазия запада Европы на деле правила всем в демократических

по форме государствах и отсрочивала на неопределенно долгое будущее неизбежную при капитализме социалистическую революцию.

Совершенно не таково было положение правящих классов в России к концу XIX века.

Прежде всего состав этих классов был иной, чем на Западе: оставалось много полукрепостнического и даже совсем крепостнического дворянства, совершенно не переродившегося или только наполовину переродившегося в буржуазию; затем и буржуазия была в большей своей части некультурная, грубо-хищническая, приходившаяся в социальном отношении сродни полукрепостническому дворянству.

Затем крестьянство имело инстинкт собственности, но он был затемнен и ослаблен общинным землевладением: значительных, сильных слоев „крепкого", богатого, зажиточного крестьянства не получилось; нищее, голодное, малоземельное, озлобленное крестьянство волновалось, хотя и не утратило еще царистских иллюзий.

При всем том рос и развивался, как мы видели, капитализм, слагался и умножался промышленный пролетариат, мало сознательный, но уже просыпавшийся и не только стихийно, но отчасти уж и сознательно волновавшийся.

Наконец, существовала широкая масса мелкой буржуазии, в значительной мере затронутая европейской культурой, недовольная гнетом дворянско-полицейского самодержавия, напитанная идеями социализма. Она давала значительные отряды революционных борцов.

Правящие классы не были достаточно дальновидны, чтобы сделать действительные, реальные уступки крестьянству, создать многочисленных и зажиточных кре-

стьян-собственников: за временное сохранение крепостнического и полукрепостнического хозяйства они пожертвовали прочной опорой буржуазного строя и возможностью создать в России культурный капитализм, прикрытый демократическими формами.

При таких условиях и при напряженности и успехах революционного движения оставалось только одно: проводить политику реакционной диктатуры, суровыми мерами административной и судебной расправы, насилием, репрессиями (притеснением) поддерживать существующий строй в надежде на то, что „на наш век хватит", „после нас хоть потоп". Так и было.

В течение 25 лет — с 1880 по 1905 год — Россия жила почти вся под гнетом так-называемого положения об усиленной охране, позволявшего охранным отделениям и департаменту полиции, заменившему прежнее третье отделение императорской канцелярии, производить административную расправу без суда над всеми „подозрительными", „неблагонадежными", „вредными" людьми, хотя бы нельзя было доказать, что они совершили какое-либо преступление. То было яркое проявление реакционной диктатуры.

„Держать и не пущать", не делать ни малейшей уступки, — иначе грозит опасность гибели, — вот та идея, которой держались идейные вдохновители реакционной диктатуры обер-прокурор синода Победоносцев и редактор „Московских Ведомостей" Катков.

Для этого надо было загасить и те едва мерцавшие огоньки оппозиции, которые изредка замечались в земствах и городских думах. Отсюда вышли: новое Положение о земских учреждениях 1890 года и Городовое положение 1892 года.

Основной общественной силой, на которой держалась реакция, было полукрепостническое дворянство.

Понятно поэтому, что Положение о земских учреждениях 1890 года все построено на том, чтобы усилить это дворянство, дать ему полное господство в земстве. По этому Положению дворяне-землевладельцы стали выбирать из своей среды гласных особо от других землевладельцев, причем и в уездных земских собраниях, не говоря уже о губернских, большинство гласных составляли дворяне. И прежнее земство было по существу дворянским, но дворянская сословная сущность его была внешне прикрыта, — теперь она обнажилась совершенно. Земство окончательно превратилось в сословное дворянское собрание, соблюдавшее всецело интересы дворянства. Это было тем более так, что крестьяне выбирали не гласных, а кандидатов в гласные в тройном числе сравнительно с числом гласных, полагавшихся от крестьян по закону; из этого числа крестьянских кандидатов в гласные губернатор назначал гласных от крестьян; выходило таким образом, что гласные от крестьян в сущности не выбирались, а назначались начальством, чиновничеством, бюрократией, обязанностью которой было служить интересам дворянства; и потому в земстве от имени крестьян говорили и действовали не те, кому доверяло крестьянство, а те, кто был угоден дворянству.

Но и этому дворянскому земству самодержавное дворянское правительство не доверяло: оно боялось, что в нем преобладание получит либеральное меньшинство дворянства. И потому губернатор и министр внутренних дел получили право приостанавливать земские постановления не только вследствие их незаконности, но также и потому, что им казались вредными по существу эти постановления, т.-е. земство потеряло даже ту небольшую долю самостоятельности, которою пользовалось прежде, стало зависеть прямо от прави-

тельства, как зависят все чиновники. Кроме того, запрещено было выбирать крестьян председателями земских управ. Наконец, впоследствии сильно ограничено было право земств повышать обложение земли земскими сборами: ежегодное повышение этих сборов не должно было превышать трех процентов их размера.

Такое же, в общем, значение имело и новое Городовое Положение 1892 года с тем только различием, что в городах преимуществами стали пользоваться не дворяне, а богатые домовладельцы, фабриканты, заводчики и купцы, вообще крупная буржуазия, мелкие же домовладельцы и вообще небогатые горожане почти совершенно лишились избирательных прав и участия в городских думах и управах. И постановления городских дум губернаторы и министр внутренних дел получили теперь право отменять не только по той причине, что они противоречат закону, но также и потому, что найдены правительством вредными для государства и для местных интересов. Таким образом и городское самоуправление, и прежде урезанное и узкое, теперь перестало даже в сущности быть самоуправлением, сделалось простым чиновничьим учреждением.

Все эти перемены были подготовлены министром внутренних дел графом Дмитрием Толстым и его помощником Пазухиным. От них же исходил и закон о земских начальниках, изданный в 1889 году.

Земские начальники, учрежденные по этому закону, прежде всего заменили мировых судей в разборе мелких судебных дел, обычных в деревенской жизни. Но мировые судьи выбирались земствами, а земские начальники назначались министром внутренних дел

причем требовалось, чтобы назначаемые принадлежали по преимуществу к дворянству. Уже это исключало всякую независимость земских начальников от министра и губернаторов. Но еще важнее было то, что земские начальники были не только судьями, но и правителями, администраторами, так что и суд и управление сосредоточились в одних руках, никакого разделения между ними не было. Судить, значит, стало начальство, не отвечавшее за свои действия по суду и управлению ни перед какой частью общества и народа, даже перед дворянским земством. К тому же земские начальники имели особые права по отношению к крестьянам и крестьянским выборным — старшинам, старостам, писарям, сотским, десятским: в некоторых случаях они могли их наказывать штрафом и арестом без суда. Все это приводило к тому, что земский начальник имел власть, во многом сходную со старой властью помещика над крестьянами при крепостном праве. Это и составляло цель закона о земских начальниках: хотели хоть отчасти возродить крепостное право, отдать крестьянство под опеку дворян в виде земских начальников, всю власть — и по управлению и по суду — в деревне хотели сохранить за дворянством, надеясь этим держать деревню в полном подчинении и темноте и помешать там работе революционеров и крестьянскому движению.

И в судебное устройство внесены были перемены, уничтожавшие многое из тех небольших улучшений, которые были внесены в суд реформой 1864 года. Еще более, чем прежде, стеснены были права присяжных заседателей, и в число их стали входить большею частью только зажиточные люди. Судьи и следователи потеряли последнюю тень независимости от министра юстиции. Гласность суда стеснена была до крайности:

министр юстиции и председатели судов получили право закрывать двери заседаний суда, т.-е. удалять публику и не допускать оглашения в печати того, что в суде происходило.

В министерстве народного просвещения стали господствовать полицейские порядки во всех учебных заведениях — высших, средних и низших. В 1884 г. был издан новый университетский устав, по которому и профессора и студенты лишились всякого права свободно организоваться, профессора стали чиновниками, студенты — „отдельными посетителями" высших учебных заведений. В гимназии и реальные училища старались не допускать детей крестьян и мещан, вообще городской и деревенской бедноты: считали, что образование вредно и опасно для народа, порождает в нем революционеров; стремились к тому, чтобы каждый оставался в том сословии, к которому принадлежал по рождению. Евреев стали допускать в средние и высшие учебные заведения в строго-ограниченном небольшом проценте. Народные школы находились под полицейским надзором директоров и инспекторов.

Обер-прокурор синода Победоносцев старался распространить церковно-приходские школы, подчиненные синоду и не дававшие даже того скудного образования, какое давала школа земская: здесь едва учили читать и писать, а главное внимание обращали на религию, внушали повиновение властям и преданность царскому самодержавию.

Мы уже говорили о рабочей и крестьянской политике самодержавия и видели, что и в этих отношениях реакционная диктатура, желание силой задержать развитие страны, зажать ее в полицейско-дворянские тиски, проявлялась очень ясно.

II.

Внешняя политика.

Нам известно уже, что при Александре II русско-турецкая война 1877 — 78 годов имела реакционное происхождение: думали насадить на Балканском полуострове самодержавно-славянские государства, которые служили бы оплотом русскому самодержавию. Это, однако, не удалось.

Но при Александре II наблюдались уже первые зародыши русского промышленного капитализма, и уже задолго до него развивался капитализм торговый. Это всегда ведет к приобретению колоний, к покорению отсталых стран, которые хищнически эксплоатируются промышленной и торговой буржуазией. Отсюда произошли при Александре II покорение Кавказа, завоевание Средней Азии, присоединение нижнего течения Амура на Дальнем Востоке. При Александре III в Средней Азии завоеван был Мерв. В этих колониальных владениях России велась политика грубого хищничества, грабежа и притеснения туземцев, взяточничества и произвола. Недаром Щедрин для обозначения хищников и насильников употребил название „Господа Ташкентцы"—по имени главного центра русской власти в средней Азии—Ташкента.

При Александре III по отношению к Болгарии русское правительство пыталось проводить политику утверждения в ней своей самодержавной власти. Русский посланник в Болгарии, по указаниям Александра III, распоряжался там, как самодержец. Это раздражало болгарскую буржуазию, которая стремилась к полной независимости Болгарии и к соединению с Болгарским княжеством забалканской Болгарии, которая считалась зависимой от Турции. Князь бол-

гарский Александр, сначала во всем слушавшийся России, видя, что это вызывает недовольство в Болгарии, занял силой забалканскую ее часть. Тогда Александр III потребовал, чтобы он отрекся от престола. Но болгары не приняли кандидатов в князья, выставлявшихся Россией, и выбрали на престол Болгарии немецкого принца Фердинанда Кобургского, поддерживаемого Австрией. Тогда Александр III отозвал своего посланника из Болгарии и прервал с нею всякое сношение. Это повело к тому, что Россия совершенно потеряла влияние в Болгарии, и, наоборот, влияние там Австрии усилилось.

При таких условиях уже не могло быть союза России с Австрией, а, следовательно, и с Германией, ее союзницей, тем более, что и Германия все усиливала свое влияние, особенно свою торговлю на Балканском полуострове и в азиатских владениях Турции. Александр III поэтому не возобновил союза России с Германией и Австрией, который существовал при Александре II, а в 1890 г. не был возобновлен и тайный союз России с одной Германией: за этот союз стоял германский канцлер князь Бисмарк, но германский император Вильгельм II был против него, и после отставки Бисмарка союз не был возобновлен.

В то же время движение России в глубь Средней Азии по направлению к Индии возбуждало опасения за Индию среди английской буржуазии. Так Россия при Александре III оказалась одинокой, без союзников и в дурных отношениях и со своими ближайшими соседями на западе и с Англией.

Между тем, она нуждалась в деньгах для постройки железных дорог, развития промышленности и на военные расходы—для содержания армии и флота. Прежде русскому правительству давали в долг главным

образом немецкие капиталисты и банкиры. Теперь это стало невозможно тем более, что в Германии быстро пошло вперед развитие фабричной промышленности, и все капиталы оказались нужны для самих немцев.

Деньги для необходимых займов оказалось возможным найти во Франции. Французские капиталисты и банкиры были богаты свободными капиталами и искали их выгодного помещения. Этот кредит, оказанный России французами, был первой связью между Россией и Францией.

Французское правительство хотело укрепить эту связь и превратить ее в союз: могущество Германии, победившей Францию в войне 1870 — 71 годов и отнявшей у нее две провинции — Эльзас и Лотарингию, было очень опасно для Франции, и она искала союзников. Вступить в союз с Англией Франция не могла, потому что Англия не хотела связывать себя никакими обязательствами, да и между английской и французской буржуазией было соперничество из-за колоний в Африке. Италия вступила в союз с Германией и Австрией. Таким образом из великих держав Франции можно было вступить в союз только с Россией, которая к тому же как раз разошлась с Австрией и Германией. Наконец, будучи в союзе с Россией, Франции легче было наблюдать, чтобы даваемые ее капиталистами деньги употреблялись на цели, признаваемые полезными французской буржуазией.

Хотя Франция и была республикой, но то была республика буржуазная, соблюдавшая интересы буржуазии. Поэтому французское республиканское правительство не стеснялось помогать русской тайной полиции наблюдать за русскими политическими

эмигрантами-революционерами, жившими во Франции.

Под влиянием всех этих обстоятельств у Александра III и окружающих его рассеялись предубеждения против французского республиканского правительства. Президент Французской республики Карно и французские министры усиленно старались сблизить Россию с Францией, и, наконец, заключен был союз, по которому Россия и Франция обязались помогать друг другу в том случае, если одна из них подвергнется нападению более, чем одной, державы.

Так вся Европа разделилась на две части, на два лагеря, враждебно настроенные один по отношению к другому: на тройственный союз Германии, Австрии и Италии и на двойственный союз России и Франции. Оба союза вооружались, как только могли, из опасения нападения со стороны противников. Наступили тяжелые времена вооруженного мира, милитаризма, военщины, когда огромные массы народа муштровались для военной службы и будущей войны, и на содержание армий и флотов тратились громадные деньги, тогда как на улучшение материального положения народа и на его просвещение денег оставалось немного. Это объяснялось именно господством и развитием капитализма в Европе: капитализм нуждается в рынках и колониях, в выгодном помещении капиталов, и капиталисты разных стран готовы вступить в прямое столкновение, в войну со своими конкурентами.

Русский капитализм не только при Александре III, но и при Николае II, развивался, как мы видели, слабо. Для широкого сбыта фабричных изделий, составляющего необходимое условие развития промышленного капитализма, нужно, чтобы население имело

достаточно средств для их покупки, достаточную покупательную способность. Мы уже знаем, что этого не было: крестьяне и рабочие в России обладали чрезвычайно слабой покупательной способностью. Отсюда и вышел уродливый русский империализм, стремление к захвату новых земель, к колониям, в надежде найти в них рынки для русских фабричных изделий.

С другой стороны, разорявшееся и падавшее русское дворянство пустилось для наживы в разные рискованные спекуляции, было падко до грубого колониального хищничества, причем в этом участвовали и члены царской фамилии.

Наконец, революционное движение в России все усиливалось. У министра внутренних дел во времена Николая II Плеве явилась мысль ослабить его, отвлекши внимание русского народа и общества от внутренних дел войной, которая могла бы дать легкую победу.

Все эти обстоятельства создали политику правительства Николая II на Дальнем Востоке.

В половине 90-х годов XIX в. Япония, вновь возникшая на Дальнем Востоке капиталистическая держава, вела войну с Китаем и победила его. По симоносекскому миру Китай должен был признать самостоятельность Кореи, уступить Японии остров Формозу и Квантунский полуостров с городом Порт-Артуром в южной Манчжурии.

Россия заступилась за Китай и достигла того, что Япония отказалась от Квантунского полуострова. За это китайское правительство разрешило России провести восточно-китайскую железную дорогу через северную Манчжурию.

Уже это проведение русской, на деле построенной на французские капиталы, железной дороги по китай-

ской Манчжурии распалило хищнические аппетиты русской буржуазии и дворянства. А между тем Германия заняла („арендовала“) в Китае гавань Кияо-Чао. Тогда и русское правительство заняло тот самый Квантунский полуостров с Порт-Артуром, который оно не дало раньше Японии.

Затем несколько авантюристов из разорившихся дворян на деньги из русской казны завели лесное предприятие на границах Кореи, грозившее превратить и Корею в русскую колонию.

Из всего этого и вышла война с Японией, во время которой русская армия и флот потерпели ряд поражений, и пришлось заключить мир с уступкой Японии Квантунского полуострова, Кореи и половины Сахалина. Поражение русской внешней политики на Дальнем Востоке было полное.

Японская война сильно способствовала успехам революции в России в 1905 году.

Общественное и народное движение с восьмидесятых годов до 1904 года.

I.

Южно-российский рабочий союз.

Русские рабочие начали стачечную борьбу с капиталистами особенно с семидесятых годов XIX века. Мы видели также, что революционеры семидесятых годов вели политическую пропаганду среди рабочих. Но вполне развернулось во всю ширь рабочее движение только в последние 25 лет, предшествовавшие революции 1905 года. Тогда именно оно приобрело самостоятельное значение и получило политическую организацию, создало в России рабочую социал-демократическую партию.

Поэтому, огромную важность имеют попытки политической организации рабочего класса в семидесятых годах: они были предшественниками, зародышами будущего. Первой из этих попыток был Южно-Российский рабочий союз.

„1. Сознавая,

что установившийся ныне порядок не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих;

что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота.

который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния;

что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении, мы, рабочие Южно-Российского края, соединяемся в один союз под названием: „Южно-Российского Союза Рабочих", поставляя себе целью:

во-первых: Пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных класов;

во-вторых: Объединение рабочих Южно-Российского края;

в третьих: Для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком".

Такова существенная часть важнейшего источника истории Южно-Российского союза рабочих—его устава. Какое значение имеет этот источник? что он дает для понимания истории союза?

Здесь прежде всего ярко выступает перед нами классовая точка зрения и сознание необходимости классовой рабочей организации: „справедливость относительно рабочих", „признание их прав", „полное их объединение"—вот выражения, определенно указывающие на это.

Затем „освобождение рабочих из под гнета капитала" характеризирует социалистическую конечную цель союза, „а борьба с установившимся экономическим и политическим порядком" намечает ближайшие, первоочередные цели, программу - минимум, как выражались позднее.

Делая эти выводы, мы сразу замечаем, как опередили рабочие Южно-Российского края их современников первой половины семидесятых годов—народ-

ников, ходивших в народ, пропагандировавших среди крестьян. И классовая точка зрения, и организованность, и выделение конечных и ближайших целей, и сознание важности борьбы с существующим политическим строем—все это ставит южно-русских рабочих и их союз на один уровень с западно-европейским рабочим движением.

Как же шла история этого союза?

Он был основан в Одессе в 1874 году. Зародышем его в 1872 году была библиотека, организованная содержателем типографии в Одессе Заславским и рабочими—его учениками на небольшую плату за пользование книгами. При помощи этой библиотеки Заславский составил рабочий кружок. От этого кружка в 1873 г. пошли другие рабочие кружки на различных одесских промышленных предприятиях. В 1874 г. из этих кружков и составился союз, насчитывавший до двухсот участников. В союзе было только два интеллигента—Заславский и Щербина, впоследствии известный статистика, скоро, впрочем, ушедший, от революционной работы. Главными пропагандистами были сами рабочие, и дело у них шло хорошо, появились связи и кружки и в некоторых других городах южной России. Устраивались ссудо-сберегательные кассы, библиотеки, кооперативы, проводились стачки. В 1875 г. организация была разгромлена жандармами, Заславский и двое рабочих—Ревицкий и Кравченко—получили каторгу, остальные ссылку, арестантские роты, тюрьму и надзор полиции.

Такова была первая ласточка русского самостоятельного рабочего движения. Первая ласточка весны не делает, но она предвещает весну. В данном случае это было тем более верно, что за первой ласточкой, предвещавшей будущую весну рабочего движения

в России, на этот раз уже не на юге, а на севере, в Петербурге, появились вторая—Северный рабочий союз.

И, повидимому, между Южно-Российским и Северным рабочими союзами существует прямая преемственная связь: в числе членов Южно-Российского союза был один из основателей Северного союза—Обнорский, успевший тогда избегнуть ареста.

II.

Северный рабочий союз.

„Северный Рабочий Союз, тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своею программою:

1) Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого.

2) Учреждения свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права.

3) Уничтожение поземельной собственности и замена ее общинным землевладением.

4) Правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати; право собраний и сходок.

2) Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.

3) Уничтожение сословных прав и преимуществ.

4) Обязательное и бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.

5) Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.

6) Право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления.

7) Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.

8) Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству.

9) Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.

10) Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам".

Читая эту программу Северного рабочего союза и сравнивая ее с уставом Южно-Российского рабочего союза, легко сделать три главных и в данном случае очень важных вывода: во-первых, между обоими этими зародышами рабочих политических организаций России замечается несомненная идейная связь, идейное преемство; во-вторых, программа Северного союза, как позднейшая и строившаяся отчасти на том, что дал уже Южный союз, является несравненно более развитой, особенно в политической ее части, в программе-минимум, где ряд последовательно-демократических реформ должен был подготовлять переход к социализму; в третьих, программа Северного союза, и по прямому заявлению ее составителей, и по существу, по самому своему содержанию, носит на себе печать западно-европейского влияния, именно влияния германской социал-демократии, так что ясно

определяется сознание международного единства рабочего движения.

Все это были большие новости в русском революционном движении, и редакция народнической „Земли и Воли", оповещая о Северном союзе и его программе в 4-м номере своей газеты, не преминула сделать на его программу ряд возражений. Сочувствие землевольцев в программе Северного союза вызывали только остатки народничества, напр., отношение к общине, к обычному праву, но борьба за политическую свободу, признание демократической государственности как подготовительного этапа к социализму, развитая программа демократических реформ, связь с германской социал-демократией—все это отрицалось землевольцами. Между тем это-то и было главной новостью и идейно-революционной ценностью, подготовлявшей новый период в истории русского революционного движения,—тот период, когда рабочий класс стал играть руководящую роль в движении. И Северный союз это правильно отметил в своем ответе на критику землевольческой редакции, помещенном в том же номере „Земли и Воли": подготовительное значение политической свободы для организованности и осмысленности, сознательности социалистического движения и для свободы пропаганды отмечено здесь с особенной силой.

Северный рабочий союз создан был в 1878 году в Петербурге, и кроме Виктора Обнорского, бывшего некогда членом Южно-Российского союза, а потом ездившего заграницу, в его организации и деятельности принимал большое участие другой талантливый рабочий Степан Халтурин. Всего в него входило до 200 рабочих. У союза была библиотека, разделенная по районам, были районные организации, и централь-

ный кружок из представителей этих организаций. Заведена была тайная типография, где был отпечатан первый номер рабочей газеты, но он был захвачен полицией, как и типография, еще до выхода в свет. Северный союз принимал вместе с землевольцами участие и в больших петербургских стачках рабочих в 1878—79 годах.

В 1879 г. был арестован Обнорский, получивший 10 лет каторги, в 1880 г. погибла типография и газета, сосланы были многие участники союза. Союз распался. Халтурин пошел после того в террористическую работу, организовал, как нам уже известно, взрыв в Зимнем дворце в феврале 1880 года. Он был казнен в 1882 г. за участие в убийстве одесского прокурора Стрельникова.

Первые ласточки рабочего движения не создали его весны. Но в начале 80-х годов весна, ими предвещавшаяся раньше, наконец, наступила.

III.

Происхождение российской социал-демократии.

В течение трех с лишним лет, протекших с 1 марта 1881 г. до половины 1883 г. русское революционное движение ослабело. Причина этого заключается вовсе не в силе и преследованиях русского правительства, а лежит глубже,—в неумении революционеров использовать революционные силы народа. Такими мыслями начиналась изданная Плехановым в 1883 году книга под заглавием „Наши разногласия“.

Далее шли изложение и критика существовавших тогда революционных течений, главным образом народовольчества. А потом автор выступал от имени но-

вой организации—группы „Освобождение Труда“ с изложением ее взглядов.

От имени группы „Освобождение труда“ Плеханов присоединился к теории капиталистического развития и подготовки им социалистической роли пролетариата, установленной и развитой Марксом, представил ряд доказательств того, что и в России капитализм развивается, и число рабочих растет, указал на разложение общины и пролетаризацию беднейшего крестьянства, несмотря на существование общинного землевладения. И в России, следовательно, только рабочий класс может совершить коммунистическую революцию, а его освобождение может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий. И потому группа „Освобождение труда“ ставит своей целью политическое воспитание рабочего класса и выдвигает на первый план программу аграрную, фабричное законодательство и демократическую республику; диктатура пролетариата должна, в конце-концов, повести к полному торжеству коммунизма.

„Наши разногласия“ и предшествовавшая этой книге брошюра Плеханова „Социализм и политическая борьба“ знаменовали собою решительный перелом в русском революционном движении; до тех пор революционеры расчитывали и опирались главным образом на крестьянство и интеллигенцию, теперь в качестве основной революционной силы выдвинулся пролетариат, создавшийся в результате развития капитализма в России. Соответственно этому не народничество Герцена и Лаврова, не анархизм Бакунина, не терроризм народовольцев, который воспринял также Лавров, а марксизм, научный социализм Маркса и Энгельса, определивший рабочий класс как носителя социализма и борца за него, восторжествовал в ходе

русского революционного движения. Как это произошло?

Плеханов, как и другие чернопередельцы, вынужден был вследствие провокации и грозившего им неминуемого ареста выехать из России, эмигрировать. Поселившись в Швейцарии, Плеханов занялся изучением европейского рабочего движения в теории и на практике, в жизни, углубился в сочинения Маркса и Энгельса, исследовал статистический материал, касающийся русского капиталистического развития. В результате у него и получились выводы, изложенные им в названных его работах и легшие в основу программы вновь возникшей в Швейцарии русской революционной организации — группы „Освобождение труда", которая была первой социал-демократической русской группой.

В состав группы входили Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич, Дейч и Игнатов. Организаторской силой группы должен был явиться главным образом Дейч, но он скоро был арестован, осужден на каторгу и надолго был выведен из строя активных борцов. Отчасти поэтому, отчасти вследствие вообще трудности сношений и недостатка связей непосредственно-организационное влияние группы „Освобождение труда" в первые годы после ее основания в 1883 г. было невелико и стало расти только позднее.

За то очень важно было ее идейное значение, то марксистское социал-демократическое знамя, которое ею было выкинуто. В двух программах группы, сменивших одна другую, причем в них отчасти еще сказывались остатки терроризма, в брошюрах и листках, писанных главным образом Плехановым и Аксельродом, проводились идеи научного социализма, которые с тех пор стали прочным приобретением русского революционного движения.

Но не менее важным, чем образование группы „Освобождение труда“ заграницей, было появление социал-демократических организаций в России совершенно независимо от группы „Освобождение труда“.

Причина этого появления понятна: капитализм в России развивался, и с ним росло стихийное рабочее движение. С 1880 по 1883 год в России произошло 25 крупных стачек и актов рабочего террора вроде убийства управляющих и разгрома их квартир и фабрик.

В 1884 году произошло пять огромных забастовок.

Наконец, в 1885 году произошла знаменитая стачка на фабрике Тимофея Морозова, знаменовавшая целый перелом в русском рабочем движении.

Рабочие на этой фабрике всего более страдали от произвольно налагаемых штрафов, поглощавших от 30-ти до 50-ти процентов заработка и дававших хозяину лишний годовой доход в 20 тысяч рублей. Кроме того, выдавалась плохая пряжа, сокращено было число подмастерьев, наконец, заработная плата в 1884 и 1885 годах неоднократно понижалась.

Среди морозовских рабочих оказались два политически-опытных уже и талантливых организатора: Моисеенок, прежде вращавшийся в землевольческих кружках и работавший там под влиянием Плеханова, Халтурина и других участвовавших в стачках 70-х годов и побывавший в ссылке, и Волков, сблизившийся с Моисеенком на фабрике Морозова.

Правда, несмотря на увещания Моисеенка и Волкова не производить погрома, малосознательные морозовские ткачи разгромили некоторые квартиры администрации и состоявшие при фабрике магазины и лавки, при помощи которых хозяин дополнительно эксплоатировал рабочих, но, заплатив эту дань старой несознательности, рабочие обнаружили новую организован-

ность и осмысленность, выставив, под влиянием Моисеенка и Волкова, ряд требований; в числе их значились ограничение штрафов определенным процентом заработка, урегулирование условий найма с предупреждением за две недели об увольнении, выдача доброкачественного материала, увольнение некоторых служащих и мастеров и свободный выбор старост рабочими.

Стачка была прекращена военной силой. Но присяжные заседатели на суде оправдали почти всех обвиняемых, осудив лишь некоторых на арест при полиции от 10-ти дней до трех месяцев. Правительство было вынуждено издать закон о штрафах, выполнивший многие из требований морозовских ткачей.

Так началось культурное и организованное стачечное движение в России, руководимое самими рабочими. И с тех пор сознательность и организованность начинают составлять отличительные черты рабочей стачечной борьбы.

Под влиянием этого нового рабочего движения народовольческие группы начали перерождаться в социал-демократические, и в 1884 году в Петербурге возникла „партия русских социал-демократов“ или группа Благоева, в которой, кроме него, участвовали Латышев, Кугушев и другие. Она организовала ряд рабочих кружков на Васильевском острове, за Невской заставой, на Петербургской и Выборгской сторонах, выработала программу, в которой были еще народнические и террористические отзвуки, завела сношения с группой „Освобождение труда“, выпустила в 1885 г. два номера газеты „Рабочий“.

Группа Благоева была разрушена полицией по частям к 1887 году. Но одновременно с ней в Петербурге возникла и действовала другая группа, основанная

Точиским, впоследствии названная „товариществом петербургских мастеровых". С этим товариществом, также уничтоженным полицией, были связаны некоторые видные участники позднейших социал-демократических групп—рабочие Климанов и Шелгунов.

Эти рабочие вместе с рядом других рабочих и интеллигентов составили потом в Петербурге социал-демократическую организацию, известную под названием Брусневской по имени одного из виднейших ее организаторов студента Бруснева. Эта группа имела до 20-ти кружков в разных частях Петербурга, причем во главе группы стояли два комитета—интеллигентский и рабочий.

Брусневская организация дожила до начала 90-х годов. В то же время зародыши самостоятельных социал-демократических организаций появились и в других городах России.

В конце 80-х годов в Казани основан был с.-д. кружок Федосеевым, оказавшим вообще большое влияние на развитие рабочих и социал-демократических организаций во всем Поволжье, в Одессе ряд кружков основал Рязанов, в Киеве Абрамович и Мельников, в Нижнем-Новгороде Скворцов.

В 1891 г. Бруснев переехал в Москву, где связался с полународнически-полумарксистским кружком Кашинского и другими, и впервые поставлен был вопрос о всероссийской с.-д. организации. В начале 90-х годов начал свою с.-д. работу в Самаре Владимир Ильич Ульянов, впоследствии усвоивший себе партийную кличку „Ленин". Наконец, в первой половине 90-х годов не было уже почти ни одного фабричного города в России, где не было бы социал-демократических кружков. При этом чем позднее возникали эти кружки, тем сильнее обнаруживалось в них идейное

и организационное влияние группы „Освобождение труда".

В 1892 г. в Петербурге была арестована в большей своей части Брусневская организация. Остатки этой организации и вновь образовавшиеся группы объединились в 1893—94 годах в новую с.-д. организацию—Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса, в состав которого вошли, между прочим, Радченко, Кржижановский, Крупская, Мартов-Цедербаум, Дан-Гурвич и Ульянов-Ленин. В 1894 г. организовался и в Москве такой же „Рабочий союз", несмотря на ряд арестов державшийся, как и петербургский, до конца 90-х годов. Такие же союзы борьбы за освобождение рабочего класса возникли и в ряде других городов. И все это завершилось созывом в 1898 г. в Минске первого съезда, основавшего Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию.

На этом съезде были представлены Бунд—союз еврейских рабочих, основанный в 1897 году, петербургский, московский, киевский и екатеринославский союзы борьбы. Работа съезда заключалась в установлении единой партии с автономным внутри ее Бундом и в избрании Центрального Комитета из трех лиц. Центральный Комитет вскоре после съезда был арестован и на деле единство партии осуществлено не было, но это не мешает признать крупное значение за тем фактом, что необходимость единства была признана, и сделан первый шаг к его осуществлению. Имеет большое значение также и то, что Центральный Комитет поручил составить и опубликовать от имени партии манифест ее, провозгласивший те основы, на которые прочно опиралась российская социал-демократия.

Текст этого манифеста был следующий:

„50 лет тому назад над Европой пронеслась живительная буря революции 1848 г.

Впервые на сцену выступил — как крупная историческая сила—современный рабочий класс. Его силами буржуазии удалось смести много устарелых феодально-монархических порядков. Но буржуазия быстро рассмотрела в новом союзнике своего злейшего врага и предала и себя, и его, и дело свободы в руки реакции. Однако, было уже поздно: рабочий класс, на время усмиренный, через 10—15 лет снова появился на исторической сцене—с удвоенными силами, с возросшим самосознанием, как вполне зрелый боец за свое конечное освобождение.

Россия все это время оставалась, повидимому, в стороне от столбовой дороги исторического движения. Борьбы классов в ней не было видно, но она была, и, главное, все зрела и росла. Русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена классовой борьбы, обездоливая крестьян, покровительствуя помещикам, выкармливая и откармливая на счет трудящегося населения крупных капиталистов. Но буржуазно-капиталистический строй немыслим без пролетариата или рабочего класса. Последний родится вместе с капитализмом, растет вместе, крепнет, и по мере своего роста, все больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией.

Русский фабричный рабочий, крепостной и свободный, всегда вел скрытую и явную борьбу со своими эксплоататорами. По мере развития капитализма, размеры этой борьбы росли, они захватывали все большие и большие слои рабочего населения. Пробуждение классового самосознания русского пролетариата и рост стихийного рабочего движения совпали с окончательным развитием международной социал-демократии, как

носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательных рабочих всего мира. Все новейшие русские организации всегда в своей деятельности сознательно или бессознательно действовали в духе социал-демократических идей. Силу и значение рабочего движения и опирающейся на него социал-демократии всего ярче обнаружил целый ряд стачек за последнее время в России и Польше, в особенности знаменитые стачки петербургских ткачей и прядильщиков в 96 и 97 г.г. Стачки эти вынудили правительство издать закон 2 июня 1897 г. о продолжительности рабочего времени.

Этот закон — как бы ни были велики его недостатки — останется навсегда достопамятным доказательством того могущественного давления, которое оказывают на законодательную и иную деятельность правительства соединенные усилия рабочих. Напрасно только правительство мнит, что уступками оно может успокоить рабочих. Везде рабочий класс становится тем требовательнее, чем больше ему дают. То же будет и с русским пролетариатом. Ему давали до сих пор тогда, когда он требовал, и впредь будут давать лишь то, чего он потребует.

А чего только не нужно русскому рабочему классу? Он совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний — словом, всех тех орудий и средств, которыми западно-европейский и американский пролетариат улучшает свое положение, — и вместе с тем борется за свое конечное освобождение, — против частной собственности, за социализм. Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она — основное условие его свободного развития и ус-

пешной борьбы за частные улучшения и конечное освобождение.

Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только сам.

Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем больше культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата к созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплоатации человека человеком.

Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма.

Первые шаги русского рабочего движения и русской социал-демократии не могли не быть разрозненными, в известном смысле случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора объединить местные силы, кружки и организации русской социал-демократии в единую „Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию“. В сознании этого представители: „Союзов борьбы за освобождение рабочего класса“, группы, издающей „Рабочую Газету“, и „Общественного рабочего союза в России и Польше“ устроили съезд, решения которого приводятся ниже.

Местные группы, соединяясь с партией, сознают всю важность этого шага и все значение вытекающей из него ответственности. Им они окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы. Как движение

и направление социалистическое, Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач партии в ее целом завование политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой „Народной Воли“. Но средства и пути, которые выбирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что „освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом“, и будет неуклонно сообразовать все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии.

„Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!“

IV.

Экономизм и искровство.

Вторая половина 90-х годов ознаменовалась, как известно, весьма сильным экономическим подъемом, благоприятной промышленной конъюнктурой. Это содействовало сильному подъему рабочего стачечного движения, которое сопровождалось предъявлением ряда экономических требований. При благоприятной конъюнктуре предпринимателям невыгодно допускать долгий простой фабрик, продолжительную остановку в работе, так как прибыли велики, и выгоднее сделать частичные уступки рабочим, чем длить забастовки. Поэтому часто в это время стачки были успешны по крайней мере отчасти, сопровождались частичными

экономическими завоеваниями рабочих, — увеличением заработной платы и сокращением рабочего дня.

В то же время широко развернулся легальный марксизм. Струве выпустил свою книгу „Критические заметки об экономическом развитии России", Плеханов под псевдонимом Бельтова издал книгу — „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю", Ленин под псевдонимом Владимира Ильина выпустил „Развитие капитализма в России". Появились марксистские журналы „Новое Слово", „Начало", „Жизнь". Струве, бывший автором и манифеста первого съезда, скоро, правда, ушел от марксизма в либерализм, но успехи марксизма и социал-демократии были огромны.

Предшествующая история социал-демократии создала сотни и тысячи социал-демократических пропагандистов и организаторов, воспитанных в кружковой пропаганде. Многие из них явились руководителями рабочей стачечной борьбы второй половины 90-х годов.

Русские рабочие того времени в массе своей были малосознательны. Они, естественно, высоко ценили в силу простого классового инстинкта экономические свои завоевания, но были мало податливы к политической пропаганде и агитации, и конечная цель — социализм—рисовалась им в тумане, как нечто отдаленное, не жизненное. Настроение рабочей массы в общем и целом было трэд-юнионистское, т.-е. направленное только на частичные экономические приобретения и на некоторые частичные реформы вроде фабричного законодательства.

Это настроение рабочей массы повлияло и на многих социал-демократов. Они стали думать, что весь центр тяжести социал-демократической работы должен быть перенесен на экономическую борьбу. Полагали, что фактические завоевания тут поведут и к приобретению

прав: напр., постоянные стачки сделают стачки фактически терпимыми, дозволенными, а потом появится и закон о праве стачек: при выработке фабричных законов наряду с представителями фабрикантов будут приглашаться правительством и представители рабочих и т. д. Таким образом исчезали на деле борьба с самодержавием и борьба за социализм. Такое направление в социал-демократии получило название экономизма, а сторонники его назывались экономистами.

На эту точку зрения встал во второй половине 90-х годов Петербургский союз борьбы и издававшаяся им газета „Рабочая Мысль". Но и в других организациях большинство встало на сторону экономизма, и только группа „Рабочее Знамя" в Петербурге, Киеве, Харькове и Белостоке оспаривала экономизм и требовала работы в революционном духе и направлении. Заграничная группа „Освобождение труда" также явилась противницей экономизма, но большинство в заграничном „Союзе русских социал-демократов" встало на сторону экономистов. В 1899 г. Кускова составила и распространила так-называемое „Кредо" („Символ веры"), где отстаивала экономизм и требовала, чтобы в политическом отношении рабочие не вели самостоятельной борьбы, а только поддерживали буржуазию.

Тогда группы сильных—одна во главе с Лениным, другая во главе с Потресовым—опубликовали свои протесты против „Кредо".

Когда в 1900 г. Ленин, Потресов и Мартов вернулись из заграничной ссылки, они связались с группой „Освобождение труда" и, устроив совещание в Пскове, выработали план издания газеты, которая должна была повести решительную борьбу с экономизмом. Затем они эмигрировали заграницу и вместе с группой „Освобождение труда" и меньшинством заграничного

„Союза социал-демократов" составили группу „Искра", которая стала издавать газету „Искра" и теоретический журнал „Заря". Оба эти издания начали горячую и последовательную борьбу с экономизмом, с издававшейся в России „Рабочей Мыслью" и заграницей „Рабочим Делом". Параллельно этому в местных российских организациях социал-демократии шла также борьба между экономистами и искровцами.

Обстоятельства благоприятствовали искровцам: после экономического подъема наступил кризис, когда рабочие стали убеждаться в непрочности своих экономических завоеваний, беспощадно отнимавшихся у них капиталистами, которым стали невыгодны уступки; массовая безработица, нужда, военные и полицейские усмирения бастующих рабочих наталкивали их и на политическую революционную борьбу и на борьбу за социализм. В Ростове на Дону и в окрестных местностях новое настроение вылилось в огромное политическое движение рабочих, тесно связанное с их экономическим положением и начавшееся экономическими требованиями. То же в 1902—1903 годах проявилось и в ряде других местностей. Везде искровцы побеждали экономистов.

Победу искровцев над экономистами довершила вышедшая весной 1902 года книга Ленина „Что делать?" Здесь Ленин указал и доказал трэд-юнионистский характер теории и практики экономизма и настаивал на необходимости проведения революционно-политической борьбы и пропаганды социализма, причем обе эти задачи должны были осуществлять в первую очередь профессиональные революционеры из интеллигенции и рабочих, чуждые трэд-юнионистских иллюзий рабочей массы. Выставлялось также требование организационной конспирации и централизма, в интересах которых отрицались демократические выборы руководящих

центров, которые могли бы помочь полиции обнаружить и уничтожить всю организацию.

V.

Происхождение меньшевизма и большевизма.

Необходимо было закрепить победу искровцев в партии, чтобы подготовить последнюю и рабочий класс, ею организуемый, к борьбе и победе во все время надвигавшейся и все быстрее приближавшейся революции. Этой цели должен был служить второй съезд социал-демократической партии, созванный в 1903 г. в Брюсселе, а потом переехавший в Лондон.

Главным делом второго съезда было принятие программы партии. В политическом отношении эта программа имела основным требованием установление демократической республики, откуда вытекали и всеобщее избирательное право в центральном и местном управлении, и однопалатная система с ежегодными выборами, и избирательные права всех, начиная с 20-летнего возраста, без различия пола, национальности и вероисповедания, и все свободы, и отделение церкви от государства, и полное самоопределение национальностей. В рабочей части программы основным было требование восьмичасового рабочего дня, к которому примыкали и из которого вытекали и все остальные—и фабричная инспекция, и фабричное законодательство, и страхование рабочих, и обеспечение инвалидов труда и т. д. Основным аграрным требованием было уничтожение остатков крепостного права и крепостного хозяйства и организация наемного труда в деревне. Для осуществления этой программы-минимум признавалась необходимость революции, вооруженного восстания и учредительного собрания.

Программа-максимум сводилась к полному установлению социализма и рассматривалась как отдаленная, конечная цель, осуществляемая диктатурой пролетариата.

По вопросам программы и тактики разногласия между членами съезда были невелики. Но когда зашла речь об организационных вопросах, разногласия оказались весьма значительными. Съезд раскололся на большинство и меньшинство, откуда и произошли две фракции—большевиков и меньшевиков и два течения в партии—большевизм и меньшевизм, позднее осложнившиеся не только организационными, но и тактическими и, наконец, программными расхождениями. Мы наметим здесь только то, что произошло на втором съезде,—в самый момент происхождения большевизма и меньшевизма.

Исходным пунктом разногласий явились споры по поводу первого параграфа устава партии, который определял, кто является членом партии. Ленин предлагал считать членом партии всякого, кто признает ее программу, является членом какой-либо ее организации и вносит членский взнос. Мартов требовал от членов партии признания программы, но не обязательно принадлежности к партийной организации, а только работы под контролем партийной организации.

На первый взгляд казалось, что тут различие небольшое, второстепенное. Но во время прений обнаружились здесь большие разногласия, с одной стороны, между Лениным и Плехановым, державшимися одинаковых взглядов, и Мартовым и его единомышленниками—с другой стороны.

Мартов и Аксельрод мотивировали свою точку зрения следующими соображениями: необходимо вовлечь в рабочее движение все сочувствующие ему элементы;

некоторые из них—высшая интеллигенция, напр., профессора, и квалифицированные рабочие, могут работать под контролем партии, но затрудняются вступить в организацию в качестве ее членов. Ленин и Плеханов указывали, что такое привлечение „сочувствующих", нуждающихся еще в классовом воспитании, повело бы к тому, что надежное ядро партии растворилось бы в обывательской массе; членами партии должны быть только люди в партийном смысле вполне надежные и воспитанные в классовом отношении.

Этот обмен мнений выявил, несомненно, социальную подкладку будущего меньшевизма: Мартов и его единомышленники опирались на квалифицированных, хорошо зарабатывавших рабочих, и марксистскую интеллигенцию в их большинстве; поскольку рабочая масса подчинялась авторитету квалифицированных рабочих и интеллигенции, постольку они могли рассчитывать и на нее. Но остальная масса и меньшинство квалифицированных рабочих и марксистской интеллигенции шли за будущими большевиками.

С тех пор, как обнаружились эти разногласия, фракционное деление российской социал-демократии стало фактом, осуществилось в действительности. Оно было закреплено той организацией партийных центров, которая была проведена на втором съезде. В этом отношении большинство съезда встало на сторону Ленина и Плеханова, откуда и получилась фракция большинства или большевики, а меньшинство пошло за Мартовым, Аксельродом и Потресовым, и получилась фракция меньшинства или меньшевики, причем к ним примкнули и бывшие экономисты во главе с Мартыновым.

Большевики провели большую власть центрального комитета над местными организациями, централизм.

Но так как Ц.К. должен был находиться в России и подвергался постоянной опасности ареста, почему состав его был текучим, изменчивым, то для сохранения постоянной принципиальной чистоты, последовательно - революционной социал - демократической линии, была выбрана съездом, а не назначена центральным комитетом, т.-е. независима от него, редакция центрального органа. А для объединения Ц. К. и Ц. О. установлен был совет партии из двух представителей Ц. К., двух представителей Ц. О. и пятого члена, выбранного съездом.

В Ц. К. выбраны были в большинстве большевики, в редакцию Ц. О. выбраны были Плеханов, Ленин и Мартов; Аксельрод, Засулич и Потресов в нее не вошли. Тогда меньшевики отказались вступить в меньшинстве в Ц. К., и Мартов вышел из Ц. О. В совет партии пятым членом съезд выбрал Плеханова.

Таким образом, во всех центральных учреждениях после второго съезда господствовали вполне большевики. Меньшевики бойкотировали эти учреждения, отказались работать в них, будучи в меньшинстве. Это было начало раскола.

Продолжением его был переход Плеханова на сторону меньшевиков. Он после съезда, когда большинство заграничной с.-д. организации высказалось против Ленина, предложил Ленину пригласить в редакцию Ц. О. Мартова, Потресова, Засулич и Аксельрода, т.-е. создать, вопреки съезду, меньшевистское в ней большинство. Тогда Ленин вышел из редакции, а Плеханов превратил ее в чисто - меньшевистскую. Так как два меньшевика теперь вошли от редакции Ц. О. и в совет партии, то они вместе с Плехановым составили и в совете большинство. Большевики пока сохраняли большинство лишь в Ц. К.

Конечно, большевики не могли помириться с таким положением, уничтожавшим их организационное преобладание, созданное вторым съездом, и стали агитировать за третий съезд партии. Началась во всех партийных организациях отчаянная фракционная борьба, продолжавшаяся в течение 1903 и 1904 годов.

Вскоре затем разногласия по организационным вопросам осложнились и разногласиями в политической тактике. Но о них удобнее говорить уже тогда, когда пойдет речь о революции 1905 года.

Так — сначала на чисто-организационной почве — возникли большевизм и меньшевизм. Мы уже видели, что основной причиной их образования был социальный состав обеих фракций: большинство квалифицированных рабочих и марксистской интеллигенции с находившимися под их влиянием рабочими-массовиками были за меньшевиков, большинство рабочих-массовиков в партии с примыкавшим к ним меньшинством обученных рабочих и марксистской интеллигенции составляли фракцию большевиков.

IV.

Социалисты-революционеры.

Мы видели, что рабочее движение в своем развитии создало социал-демократическую партию и способствовало ее развитию. Но наряду с рабочим движением и в дополнение к нему шли движение крестьянское, движение городской мелкой буржуазии, выражавшееся, главным образом, в студенческих беспорядках и забастовках, и, наконец, движение либеральной буржуазии — средней и отчасти даже крупной. Этими движениями созданы были в начале XX века также новые политические организации. Крестьянское движение — разо-

рение помещичьих имений — особенно развернулось в 1902 и 1903 годах, студенческое движение, раньше направленное к переменам во внутренней организации высших учебных заведений, к приобретению самоуправления профессорами и студентами, приняло прямо политический характер, начиная в особенности с 1901 г. В течение последних лет XIX века земцы, сторонники конституции преимущественно из средне-землевладельческого культурного слоя дворянства, превращавшегося в буржуазию, составляли тайные съезды и вырабатывали конституционные проекты.

Социал-демократы имели связи и влияние и в крестьянстве — особенно на Кавказе и на Украине, — и в студенчестве. Но деревенская и городская мелкобуржуазная масса, конечно, не могла всецело встать на почву тех взглядов и того миросозерцания, которые составляют сущность социал-демократии: философский материализм, исторический материализм, классовая теория, научный социализм соответствовали интересам и настроениям сознательного пролетариата, но не крестьянства и городской мелкой буржуазии в их массе.

Навстречу интересам и настроениям крестьянства и городской мелкой буржуазии, а также и части рабочих, по преимуществу тех, кто еще не порвал с землей и с крестьянскими аграрными стремлениями, пошла другая партия, сложившаяся в первые годы XX века, — партия социалистов-революционеров.

Эта партия в своем происхождении тесно связана с судьбами русского народничества, нам уже известными.

Народничество семидесятых годов, как мы знаем, сменилось народовольчеством. Народовольцы, как и землевольцы и их предшественники, ходившие в народ в первой половине семидесятых годов, верили

в социалистическую сущность крестьянства, но вера в его непосредственную активность и революционность у них ослабела. Отсюда и вышел их терроризм, действия активно-революционного, интеллигентного по преимуществу меньшинства. Народовольцам казалось, что террор может и пробудить революционное сознание в массах и даже вызвать восстание и переворот.

Лавров, главный идеолог народничества в семидесятых годах, скоро воспринял и терроризм народовольцев и, редактируя вместе с Тихомировым „Вестник Народной Воли", издававшийся заграницей и нелегально проникавший в Россию, пропагандировал и народничество и террористическую борьбу. Не чуждый влияния Маркса, он в некоторой мере признавал и классовую теорию и всегда стоял за деятельную пропаганду среди рабочих. По своим окончательным воззрениям, представлявшим таким образом смесь старого народничества, народовольческого терроризма и некоторых обрывков марксизма, Лавров и явился настоящим идеологом социалистов-революционеров. По смерти Лаврова в 1901 г. его преемником в этом отношении явился Чернов, писавший тогда, главным образом, под псевдонимом „Гарденин".

Мы говорили уже, что в восьмидесятых и девяностых годах часть народовольческих групп, тогда рассеянных, не имевших уже одного центра, стала перерождаться в социал-демократические, марксистские группы; их участники превращались мало-по-малу в марксистов, социал-демократов. Это случилось, однако, не со всеми народовольческими группами. Некоторые из них в России и заграницей сохраняли до начала XX века самостоятельное, обособленное существование. Из них и составилась новая партия.

В самом конце XIX в. и в первые годы XX века на западе России была одна такая группа, руководимая талантливым организатором - практиком Гершуни. В то же время заграницей действовала группа старых народовольцев, отстаивавшая объединение рабочих и крестьян в одну революционную партию. В 1889 г. с таким же направлением в России возник Союз социалистов-революционеров, который с 1901 г. стал издавать газету „Революционная Россия". Гоц, Рубанович и другие стали издавать заграницей „Вестник Русской Революции".

Все эти разрозненные группы, существовавшие в разных местах, в конце 1901 года объединились, наконец, в партию социалистов-революционеров, практическим вождем которой стал Гершуни. Партия повела энергичную пропаганду в крестьянстве, отчасти в рабочем классе, в студенчестве. Большое значение приобрел террор: убит был социалистом-революционером Балмашевым министр внутренних дел Сипягин; социалисты - революционеры Сазонов и Сикорский убили министра внутренних дел Плеве; Гершуни организовал убийство уфимского губернатора Богдановича, расстрелявшего за забастовку рабочих Златоустовского завода, и т. д. Партия социалистов-революционеров обнаружила с самого начала стремление к сближению с либеральной буржуазией, к союзу с ней.

VII.

Союз освобождения и земская оппозиция.

Средняя и крупная буржуазия, даже передовые ее слои, не была настроена революционно, напротив, боялась победы революции, рассматривала революционное движение и особенно террористические акты,

как средства напугать правительство и склонить его к уступчивости. Соглашение, конституционный компромисс с правительством—вот истинная цель либеральной буржуазии. Отсюда вышли земские оппозиционные организации.

Однако, и мелкая буржуазия в ее большинстве далеко не была революционной: врачи, адвокаты, литераторы, агрономы, статистики, учителя лишь отчасти примыкали к революционным партиям, да и то не столько в них участвовали прямо, сколько сочувствовали и частично содействовали. Большинство мелкобуржуазной интеллигенции склонно было к союзу с либералами, к поддержке их компромиссной, мирноконституционной тактики и политики. Здесь корни возникновения Союза Освобождения, объединившего земский либерализм с значительными кругами мелкобуржуазной интеллигенции.

Бывший социал-демократ, автор манифеста первого съезда социал-демократической партии, Струве в начале XX века перешел к земцам-конституционалистам и на их средства с половины 1902 года стал издавать заграницей газету „Освобождение", в первом же номере которой была оглашена конституционная программа будущего Союза земцев-конституционалистов. Самый этот Союз организовался несколько позднее на тайных земских съездах, первый из которых состоялся в ноябре 1903 года. Никаких социальных реформ Союз земцев-конституционалистов не предлагал, не касался ни рабочего, ни аграрного вопросов, не говорил даже об избирательном праве в будущий русский парламент, а указывал лишь путь к мирному водворению в России конституций: это должно было, по плану Союза, совершиться через созванное правительством собрание представителей земств.

Струве и другой идеолог русского либерализма Милюков, конечно, понимали, что такой программой нельзя приманить мелкобуржуазную интеллигенцию. Для ее уловления в сети либерально-буржуазной оппозиции и для отвлечения ее от революции и революционных партий они создали Союз Освобождения, который должен был объединить и мелкобуржуазных интеллигентов и земских либералов, сохранявших пока и собственную организацию. В 1903 г. устроены были два предварительных совещания—одно заграницей, другое в Харькове,—а в начале января 1904 г. состоялся учредительный съезд Союза Освобождения. Здесь говорилось уже и о восьмичасовом рабочем дне, и о принудительном отчуждении за выкуп части помещичьих земель для наделения ими малоземельных крестьян, и об учредительном собрании, и о всеобщем избирательном праве.

Так организовались в первые годы XX века на почве рабочего, крестьянского и студенческого движений различные оппозиционные и революционные силы и партии. Диктатура реакции в столкновении с народным движением и возникшими в связи с ним организациями привела к революции 1905 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ. . . . . 3—4

Разложение крепостного хозяйства . . . . . 5—19

I. Новая земледельческая техника 5—9.—II. Условия сельскохозяйственного рынка 9—11 III. Разложение крепостнических и возникновение капиталистических форм сельскохозяйственного производства 11—15. IV. Разложение крепостной мануфактуры и образование новой фабрики 15—17. V. Перемены в крестьянском хозяйстве 17—19.

Законодательная подготовка отмены крепостного права. . . . . . 20—32

I. Манифест 1797 года 20—22.—II. Указ о свободных хлебопашцах 22—27.—III. Указ об обязанных крестьянах 27—32.

Паралич государственного творчества . . . . . 33—38

I. Реформа Каикрина 33—35.—II. Кодификация 35—38.—III. Корпус жандармов 38.

Внешняя политика России в первой половине XIX века. 39—50

I. Россия—вассал Англии 39—45. — II. Россия—европейский жандарм 45—50.

Общественное движение в первой половине XIX века . 51—105

I. Мракобесы 51—57.—II. Либералы двадцатых и тридцатых годов 57—73.—III. Декабристы 73—86.—IV. Западники и славянофилы 86—96.—V. Петрашевцы 96—100.—VI. Герцен 100—105.

Реформа 19 февраля 1861 года. . . . . . 106—119

I. Выработка реформы 106—112.—II. Осуществление реформы 113—119.

Хозяйство 70-х и 80-х годов. . . . . . 120—128

I. Сельское хозяйство 120—128 .—II. Промышленность (индустрия) 123—128.

Реформы шестидесятых годов . . . . . 129—139

I. Земские учреждения 129—134.—II. Городовое поражение 1870 года 134—136.—III. Судебная реформа 136—139.

Общественное движение 60-х и 70-х годов . . . . . 140—170

I. Нигилисты 140—143. — II. Чернышевский 143—147.—III. Лавров 147—150. — IV. Бакунин 150—152.— V. Хождение в народ 152—156.—VI. Земля и Воля 156—161.—VII. Народная Воля 161—170.

Хозяйство с 1880 г. по 1905 г. . . . . . 171—188

I. Сельское хозяйство 171—178.—II. Индустрия 178—188.

Реакционная диктатура конца XIX и первых лет XX века 189—201

I. Внутренняя политика 189—195.—II. Внешняя политика 196—201.

Общественное и народное движение с восьмидесятых годов до 1904 г. . . . . . 202—231

I. Южно-российский рабочий союз 202—231.—II. Северный рабочий союз 205—208.—III. Происхождение российской социал-демократии 208—218.—IV. Экономизм и искровство 218—222.—V. Происхождение большевизма и меньшевизма 226 — 226. — VI. Социалисты-революционеры 226 — 229.—VII. Союз освобождения и земская оппозиция 229—231.

1818

Цена 1 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИГА"
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Октября, 74, тел. 134-34.
МОСКВА, Тверская, Б. Гнездниковский пер., 10, тел. 264-61.